

«Кавказ»: отзывы центральных газет

Кабардинец по происхождению, ныне живущий в Иордании, писатель, в отличие от многих наших российских литераторов, стремящихся обнародовать свои произведения где угодно, только не в своем Отечестве, считает своим долгом опубликовать книгу на русском и английском языках прежде всего в России. Много лет он вел архивные разыскания истоков сегодняшних раздоров, и результаты этих исследований легли в основу его трилогии «Кавказ»...

Книга - сага о жизни трех поколений одной кавказской семьи оставляет впечатление грандиозного кинематографического полотна, яркого, в лучших традициях Голливуда, действия не только благодаря даровитости Мухадина Кандура, но и его личной как бы причастности к изображаемому им. Дело в том, что предки писателя, как и сотни тысяч кавказцев, были вынуждены в прошлом столетии покинуть землю отцов...

«Литературная газета», 23 июня 1993 г.

Его роман-трилогия «Кавказ» необычайно ярко, сочно и красочно повествует о судьбе трех поколений одной горской семьи, испытавшей трагедию беженцев, переселенцев, изгнанников. Его страницы дышат любовью к Отчизне, уважением к предкам, верой в народную мудрость и доброту... Герои его замечательной исторической хроники - горячие и страстные, неподкупные и отважные..., живут полнокровной жизнью. Радуюсь, мучаясь, страдая, веря и любя, они как бы призывают нас сегодняшних жить в доброте и любви к ближнему...

«Двадцать четыре» - международная газета,
25 июня 1993 г.

Сын кабардинских иммигрантов в поисках своих корней рассказывает историю своего народа в романе, написанном в ярком стиле, великолепно сочетая исторические события с семейными преданиями. Скрупулезно исследована роль России и ее влияние на судьбы северо-кавказских народов.

«Правда», 4 августа 1993г.

...Эта книга, трагическая история, рассказанная ярко и занимательно, объективно и с любовью к родине и предкам. Ни разу М.Кандур не задел национальных чувств ни одного кавказского народа, не выдвинул за какие-то заслуги одних перед другими.

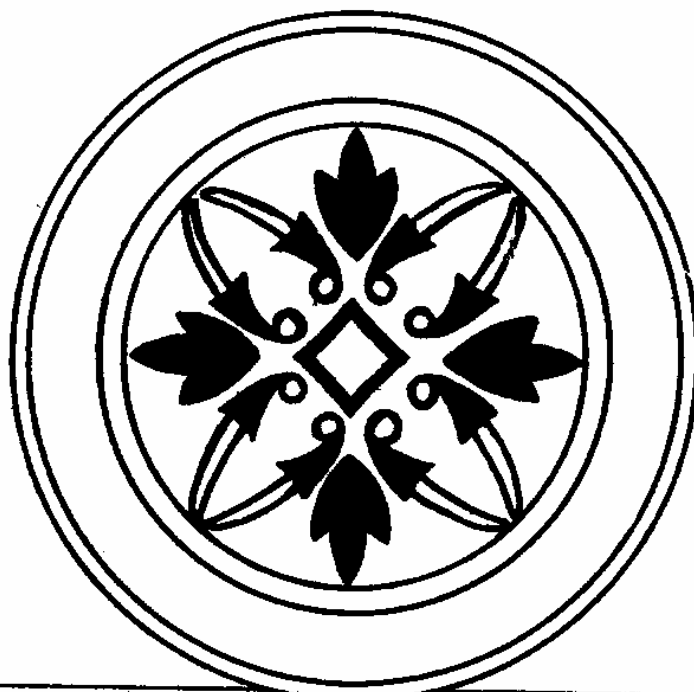
«Труд», 23 июня 1993 г.

Мудрому мусульманину
Иорданскому королю Его
Величеству Шарифу
Хусейну – ибн – Талалу.
Пусть Аллах даст ему
здоровье на долгие годы и силу
духа в служении своему народу.
А также памяти
кабардинского война, отдавшего
 всю свою жизнь Его Величеству
и благородному Дому
Хашимов, моему дорогому
усопшему родителю генералу
Иззату Хасану. Да покоится
он с миром, зная, что воля его
выполнена: Книга написана.

М.И.КАНДУР

КАВКАЗ

Историческая трилогия

КАНДИНАЛЬ

От автора

В основу этого произведения легла серия сценариев, написанных мною для телевидения. Трудно даже перечислить имена тех, чьи наблюдения, замечания и советы помогли мне в создании этой книги. Друзья в Турции предоставили в мое распоряжение секретные архивы и помогли с переводом, мои знакомые в России и Кабарде также снабдили меня ценнейшими материалами (это сегодня их можно свободно получить в архивном Отделе Государственной исторической библиотеки): например, воспоминаниями и письмами русских офицеров, служивших на Кавказе. Всем этим людям я выражаю свою искреннюю благодарность.

Автор книги также весьма признателен своей коллеге Френсис Кеннет за серьезную редакторскую работу и помощь в исследовательской деятельности Дэвида Эркорта, посвященной истории черкесского народа.

Первое издание в переплете осуществлено в 1994 году компанией «Кью Фор Холдинга Лтд.», Бат Стрит, Сент Хелмер, Джерси Ченнел Айленда. На русском языке выпущено московским издательством «Кандиналь в соответствии с соглашением с компанией «Кью Фор Холдингз Лтд.»

Кандур М.И. Кавказ. Историческая трилогия: В 3 т. / Перевод ВА.Ченьшенко. - М.: Кандиналь.1994. - 336 с.

ISBN 5-88195-094-1 ISBN 5-88195-096-8 (т. 1)

Художник М. М. Горлов

Право М.И.Кандура быть идентифицированным в качестве автора данного произведения было доказано М.И.Кандуром в соответствии с Законом об авторские правах, разработках и патентах, 1988

К^0^0^29безобъявл. Т 43(03)-94

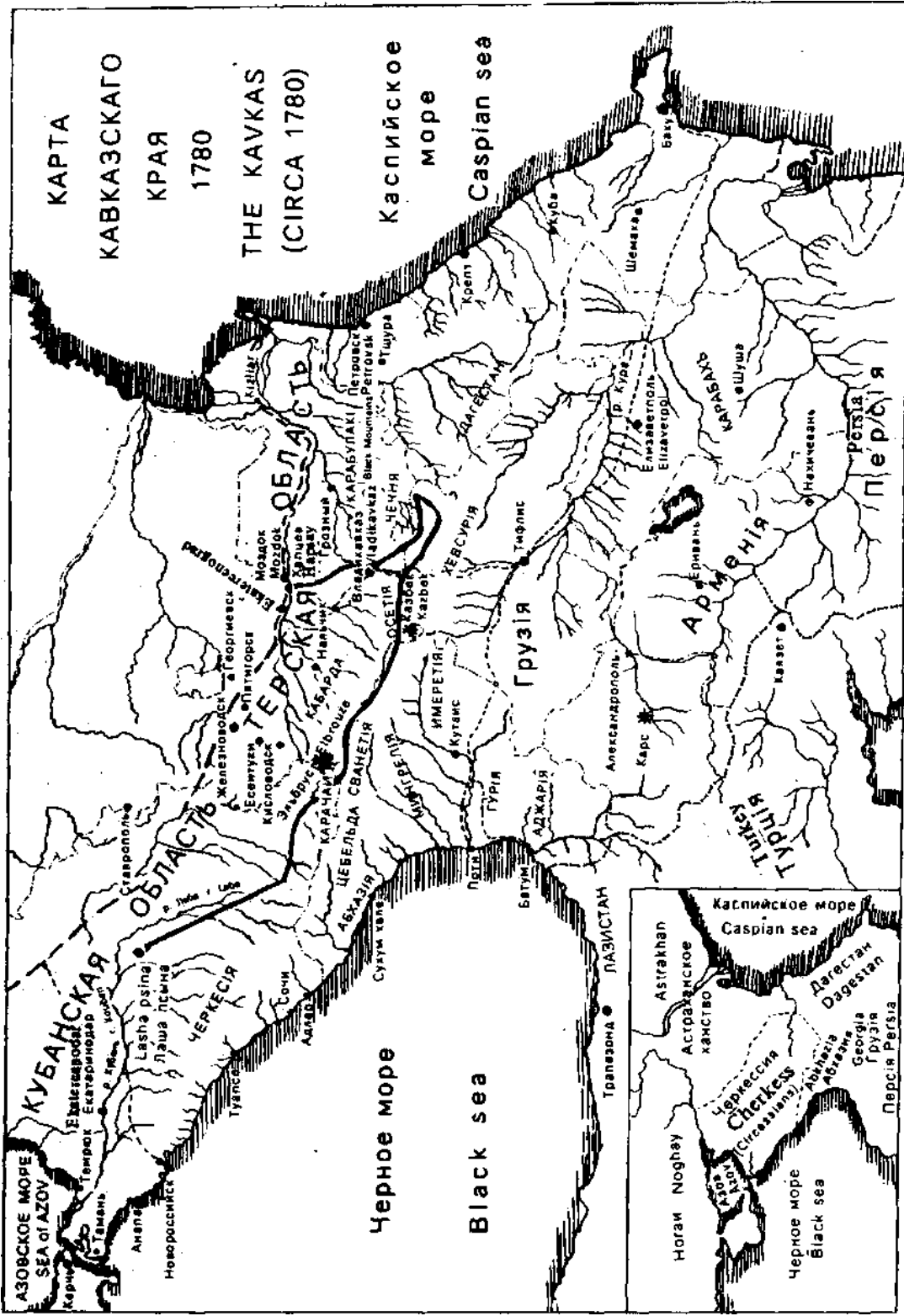
ISBN 5-88195-094-1

ISBN 5-88195-096-8 (т.1)

© М. И. Кандур, 1994

КНИГА ВТОРАЯ

КАЗБЕК ИЗ КАБАРДЫ

MAP information is courtesy of Military Archives Library, Moscow.
 All distances and locations are not to scale.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Князь Хапча терпеливо ждал известий о прибытии сына. Его сердце было переполнено чувствами, и хотелось уединения, чтобы подготовиться к самому счастливому дню в своей жизни. Он распорядился как следует приготовить аул к предстоящему торжеству: украсить ворота цветочными гирляндами, вымести главную площадь, надеть на лошадей, принадлежащих старейшинам, начищенную упряжь и покрыть их разноцветными тканями.

Князь очень гордился своим аулом - тот был одним из самых процветающих на Тереке. Расположено селение было весьма удачно: жители могли быть благодарны своим предкам, облюбовавшим когда-то правый берег широкой излучины реки. Это было плодородное плато, с которого открывался живописный вид благодаря смешанным лесам. Пройдя немного вниз по извилистой тропинке, окажешься на тучном пастбище, шириной с версту и простирающемся к югу насколько хватает глаз. Здесь пасли крупный рогатый скот и табуны кабардинских лошадей. Еще южнее луга сливались в зеленую полосу длиной в две версты, где всегда, сколько помнил князь, мирно пощипывали травку овцы местных жителей, прячась в тени красноватых глиняных глыб. Берега реки поросли ивами и осинами, под сенью которых князь, еще будучи мальчишкой, азартно удил форель со своими сверстниками. Князь прикрыл глаза, вспоминая эти счастливые дни, когда он часами мог сидеть над рекой, ожидая поклевки.

Все члены его клана, именем которого был назван аул, не жалели трудов, и им удалось многого достичь. Когда-то их предки построили здесь всего несколько саманных хижин, расположив их кольцом на случай обороны. До сегодняшнего дня у каждого дома в центре селения сохранился фруктовый садик и просторные загоны для животных. Все это говорит о том, что первые поселенцы намеревались создать общину. Шли годы, и по мере того, как богател аул и множился род Хапча, жители прокладывали новые удобные дороги во всех направлениях. Вдоль них появлялись новые постройки, вырастали новые сады, засеивались пшеничные и кукурузные поля. И теперь уже селение тянулось верст тридцать в сторону от предгорий.

Однако князь Хапча, созерцая эту картину благоденствия, думал не только о нажитом его соплеменниками добре. Важно и то, что здесь царили и согласие и порядок, люди могли жить спокойно и счастливо. Всем адыгам эта земля на Тереке была известна как «Малая Кабарда» - в отличии от Великой Кабарды, расположенной к западу, там, где четыре могучие реки - Чегем, Малка, Баксан и Черек - впадали в Терек. Люди, живущие там, принадлежали к племени джлахстней - одному из племен, населяющих Великую Кабарду. Все знали, что жители Малой Кабарды более привержены традициям, чем кто-либо еще. Они славились своим гостеприимством и радушием. «Если хочешь узнать наши Хабза и старинные предания, - говаривали обычно кабардинцы, - поезжай в Малую Кабарду». Многие князья и уорки отправляли своих сыновей в эти края для воспитания у аталика. Они обучались здесь искусству владеть саблей и ездить верхом. Молодые девушки учились рукоделию, вышивать, прясть, вести домашнее хозяйство. И все с младенчества впитывали обычаи, традиции, манеры настоящих адыгов.

Конечно, князь Хапча понимал, что его преданность традиционным жизненным устоям отчасти послужила причиной отъезда его сына Мурада. Он сознавал, что временами бывал слишком жестким, неумолимым и вспыльчивым. Князь тосковал по младшему сыну и жалел, что им так и не удалось понять друг друга. Старший сын Омар благополучно пребывал под отцовским кровом и обладал всеми достоинствами, необходимыми для наследника знатного рода, позволяющими ему рассчитывать на уважение соплеменников. Однако князь Хапча искренне горевал, что не мог видеть, как его младший сын превратился в мужчину, ему так хотелось увидеть, каким стал Мурад, какие наследные черты он сохранил, а что приобрел сам на жизненном пути.

Кроме того, его народ нуждался в вождях со светлой головой и горячим сердцем. Самому Омару, когда тот займет место отца, потребуются толковые советники, способные помочь народу Малой Кабарды пережить трудные времена. Перед ним все время стояла непростая задача: обеспечить безопасность и покой, сохранить единство в условиях удаленности от других. Джлахстней старались жить сами по себе: у них не было никакого желания знаться с незваными пришельцами вроде русских, закрепившихся на своей Линии и их казачьим войском на севере. Так же и с горцами-чеченцами на юге: у князя было определенное мнение о своих пылких соседях... С гяурами его отношения были весьма ограничены и основывались на требованиях благоразумия. Князь строго запретил молодым горячим кабардинцам устраивать засады или проводить налеты на казаков, ибо это может вызвать ответные действия, вплоть до установления здесь линии обороны. Князь считал, что у казаков есть все основания уважать высокое боевое искусство кабардинцев и их умение держаться в седле, поэтому незачем без нужды доказывать им это лишний раз. В ответ на такую мудрую политику русские власти запретили солдатам и офицерам из соседних станиц пересекать Терек, исключая требования государственной надобности. Таким образом, владения Хапца пребывали в мире и благополучии, а князь благодарил Аллаха за то, что он наставил его на путь истинный.

Но что будет, когда не станет князя? Этот покой был все-таки достаточно хрупким. Князь Хапца хорошо помнил, что младший сын отличался глубокомыслием, восприимчивостью ко всему новому. Вместе с тем он был слишком самоуверен и не желал считаться с чужим мнением, что не раз приводило к ссорам. Однако сейчас князю крайне был нужен именно такой человек - сильный, опытный, волевой. Теперь отец не станет спорить с сыном...

- Я так долго ждал этого, Хафица. И вот мне кажется, что терпение мое вдруг иссякло. Хафица первым приехал из Чечни с вестью о решении Мурада вернуться в родные места. Темиркан, первый помощник князя Хапца, будет сопровождать Мурада с семьей и их спутников.

- Мы увидим их здесь сегодня, уже скоро, да будет на то воля Аллаха, мой господин.

Сердце князя билось с необычайной силой. Он посмотрел через дверной проем, и взгляд его упал на широкий спокойный Терек, несущий свои воды мимо грозных утесов. Сейчас, осенью, река не искрилась на солнце, зато осины и ивы по берегам стали ярко-красными и золотистыми, их листья сказочным дождем ложились на воду. Люди выходили из своих уютных жилищ и собирались в оживленные группы. Они были одеты по праздничному. На мужчинах красовались щегольские, богато украшенные черкески. Некоторые девушки несли букеты цветов, а головы их матерей окутывали белоснежные покрывала или охватывали золотистые повязки, сверкающие на солнце. Знатные люди, уорки, облачились в лучшие одежды: волею судьбы им не довелось быть на свадьбе Мурада и чеченской девушки, однако они постарались, чтобы его возвращение домой превратилось в незабываемый праздник, под стать этой благодатной поре сбора урожая.

Молодежь поселка всю пользовалась случаем, чтобы развлечься, заигрывая друг с другом. Девушки прогуливались туда-сюда, хвастаясь своими нарядами, а парни провожали их восхищенными взглядами. Откуда ни возьмись, появился юноша из княжеской свиты. С молодецкой удалью он промчался через аул и соскочил с седла, едва остановившись.

-Я видел их! - закричал он так, чтобы его слышали все вокруг. - Они миновали южные поля и вот-вот будут здесь!

Хафица поспешил к двери, чтобы подтвердить эту новость. Князь Хапца заметил, что несмотря на усталость от недавней поездки, Хафица двигался проворно, как будто вдруг сбросил невидимый груз, который давил на него последние годы.

-Мы готовы принять их, мой господин, - проговорил Хафица кланяясь. В это время князь Хапца выходил на залитый солнечным светом двор.

Благородные уорки встали полукругом за своим князем. Князь Хапча не стал опираться на подставленную Хафицей руку и прямо держась, быстро направился к краю площади, туда, где с востока показалась из ивняка группа всадников. Кто-то запел, и вскоре вся толпа подхватила песню. Мальчишки приплясывали на обочине. В песне превозносились достоинства героя нартов Сосруко, но все понимали, что для князя Хапча эти слова звучат гимном его любви к сыну. «О, мой сын Сосруко, моя любовь, возвращенная мной, свет очей моих. Солнце покрыло твое лицо бронзовым загаром, но глаза твои сверкают, как молнии. Те, кто не знал тебя, узнают о тебе все, Когда ты сядешь на своего чудесного коня и станешь бесстрашным героем...» Две повозки и четверо всадников быстро приближались к встречающим. К задку одной из повозок был привязан черный арабский скакун с горделивой осанкой. Мурад ехал рядом с Темирканом. Когда они подъехали ближе, раздались многочисленные приветственные возгласы. Мурад широко улыбался, и было видно, как рад он вновь увидеть родные места.

Темиркан спешил и первым пошел вперед. Старый князь крепко обнял его: он волновался, не зная, как сделать первый шаг навстречу сыну. Ведь столько горьких слов было сказано когда-то. Чтобы скрыть смущение, он обратился сначала к Темиркану:

- Мой мудрый брат! Я так рад, что ты, наконец, вернулся. Я скучал по тебе. Надеюсь, с тобой все в порядке?

- Спасибо, мой князь. Сегодня я привез тебе хорошие вести... Твой потерянный сын вновь у родного порога, а с ним и твои внуки, достойные твоего имени.

- Да, да, конечно... Но я не должен был посылать тебя в эту трудную поездку. Простишь ли ты это своему старому князю?

Все слышали эти слова. Мурад чувствовал, что этот ласковый, просительный тон отца предназначен для него - лишь так у адыгов отец мог прилюдно выразить свои чувства.

- Истах-фур-Аллах, мой князь, - мягко проговорил Темиркан. - Моя жизнь посвящена тебе. Теперь же, если позволишь... этот молодой мужчина пожмет твои руки.

Темиркан освободился из крепких объятий князя и протянул руку к Мураду, приглашая его приблизиться. И вот он соединил руки отца и сына и отступил назад. Мурада охватило чувство почтения к старому отцу и благоговения перед ним. Оно давно зрело и росло в нем, и теперь, вот, получило выход. Он сначала не мог отважиться взглянуть в глаза отцу, но когда сделал это, на его лице ясно выразились сожаление о прошлом и искренняя сыновья любовь.

Князь обнял Мурада, и эти двое соединились вновь. Это было как раз то, о чем последние годы Темиркан, Хафица и все старейшины племени молили Аллаха.

Мурад быстро обернулся, чтобы представить своих спутников:

- Это мой брат, Ахмет с Кубани.

Ахмет поклонился и взял протянутую князем руку.

- Наслышан о тебе, Ахмет. Надеюсь, еще не мало услышу. Добро пожаловать к нам.

Остальных Мурад представил согласно обычаю: Медину, Цему и своих сыновей - внуков старого князя - Тимура и Джафара. Женщины были так взволнованы и смущены, что не могли промолвить ни слова, хотя всю дорогу разучивали приветствия по-кабардински.

Князь повел всех к своему дому. Жители запели приветственную песню, а молодые кавалеры осмелились, наконец, пригласить девушек на импровизированный танец под звуки барабана. Пританцовывая, Люди медленно двигались вперед, к центру поселка.

Цему, Медину и детей окружила толпа щебечущих женщин, пытавшихся без дальнейших церемоний увести их в специальное помещение для гостей. Цема обернулась к Ахмету - она знала, что так принято у адыгов, однако в момент расставания загрустила. Она смотрела на мужа долгим умоляющим взглядом - ей так не хотелось сразу же расстаться с ним, оказавшись в незнакомом месте. Заметив это, Ахмет быстро отделился от группы старцев и поспешил к ней:

- Ты иди первой, Медина... Я - за тобой.

Она очень устала, прежде она даже не могла вообразить, насколько утомительной для нее будет эта поездка.

- Это ненадолго. Приветствие старейшин... После этого я сразу же приду к тебе, не волнуйся.

Беспокоилась не одна Цема. Медина тоже делала Мураду какие-то знаки. Затем они повернулись и пошли прочь. Цема вела за руку маленького Джафара, пытаясь подбодрить его и саму себя какой-то болтовней. Они, горские женщины, привыкли к свободе. Но что их ждет здесь? Цема выпрямилась, слова Ахмета подбодрили ее, и ей хотелось выглядеть достойно.

После того, как приехавшие умылись с дороги и привели себя в порядок, князь Хапча пригласил Ахмета на праздничный ужин в их честь. Как только Ахмет вошел в дом, он как-то особенно остро ощутил, как сильно будет отличаться их новая жизнь от прежней.

Мурад стоял позади отца, как и положено молодому кабардинцу из знатного рода. Рядом стоял его брат Омар, и лишь почтенные старцы сидели. В качестве хаче, почетного гостя, Ахмета усадили справа от князя. Когда Ахмет понял, что придется возвращаться к той массе условностей, о которых он помнил с детства, его охватило смешанное чувство. Они с Мурадом обменялись тревожными взглядами: смогут ли они прижиться здесь? Не совершили ли они ошибку, приехав сюда? Однако Мурад широко улыбнулся в ответ: всему свое время.

Кроме того, после всех испытаний, пережитых в Чечне, приятно очутиться на этом застолье, где все дышало покоем и изобилием. Чувствовалось, что эта земля процветает, и что ей неведомы грабительские налеты казаков и брошенные на произвол судьбы дома, из которых мужчины уходят на войну. Так вкусно и обильно Ахмет не едал аж со своей свадьбы: нежное пряное мясо ягненка и жареная говядина, осенние фрукты, **слаги** и орехи... Воистину, как из рога изобилия.

Беседа текла неторопливо, основательно. Ахмет делился впечатлениями, вспоминая путешествие к Тереку. Сдержанно и кратко он рассказывал о том, как начал свой путь в горах, как заблудился и оказался у чеченцев, как Мурад спас его от случайной расправы. Выслушав его, старики, естественно, поняли, что Ахмету довелось хлебнуть лиха, что он смелый и решительный парень и что они с Мурадом не просто друзья, а названные братья.

Князь Хапча перевел разговор на лошадей - верный способ дать Мураду с Ахметом возможность почувствовать себя в своей тарелке:

-Темиркан, там, у реки, стоит старая усадьба, оставшаяся от Абрага с участком, вполне подходящим для разведения животных... Что ты думаешь? Мы, кажется, никому не обещали еще эту землю?

Темиркан хорошо знал, что этот подарок князь приготовил уже давно, с тех самых пор, когда впервые услышал о друге Мурада. Опытный коневод может очень пригодиться тем более, что речь идет об уорке, человеке благородном и отважном.

- Нет, мой князь, не обещали. Эта земля свободна. Дом необходимо поправить, а в остальном это очень подходит нашему новому брату, тем более, что этот участок граничит с землей Мурада.

Как и ожидал старый князь, Мурад был очень доволен.

- Мы всем миром поможем привести дом в порядок и построить хороший амбар.

- Благодарю тебя, мой князь. Ты так добр ко мне, - воскликнул Ахмет с искренней признательностью, и в этот момент он с грустью подумал о своем маленьком, но славном табуне, который ему пришлось оставить там, на горных лугах.

- А теперь расскажи нам что-нибудь о жизни на Кубани. Мы знаем, что там живут кабардинцы, но очень редко видимся с ними. - Князь Хапча обращался одновременно и к сыновьям, стоящим рядом, и к Ахмету. - Кое-кто из вас, молодых, и вовсе не знает, что все наши предки из тех мест. В те далекие времена могущественный адыгский князь,

которого звали Кабарда, приехал сюда с запада и основал здесь поселение, так что эти земли названы в его честь. Он был абзах...

Ахмет откинулся в изумлении, это сообщение поразило его. Да, он находится среди своих, в лоне своих традиций, своего языка. Старинные предания родного народа звучали для него как чудесная музыка. Глядя на высокого красивого Мурада, стоящего, скрестив руки, подле отца, Ахмет подумал о том, как повезло подданным князя Хапча - к ним вернулся этот благородный, опытный уорк. Они еще так мало знают о том, что ему пришлось испытать, и в живых нет уж многих из тех воинов, кто мог бы поведать о битвах, где он сражался.

Между тем князь окончил свой рассказ.

- На Кубани осталось лишь несколько аулов, где живут кабардинцы, - заметил Ахмет. - Мой отец был уорком, а мой дядя - князем нашей деревни... Еще у меня была сестра.

Ахмет поведал им историю своей семьи, все собравшиеся засиделись допоздна, обмениваясь традиционными хох - длинными кабардинскими тостами, приличествующими в таких случаях. Когда, наконец, Ахмет мог уйти, не нарушая требований вежливости, он отправился к Цема и рассказал ей о решении князя дать ему дом и конюшни. Цема неважно себя чувствовала: у нее все болело после длительного переезда.

- Нам собираются дать хороший участок земли. Отличные пастбища для моих лошадей. - Ахмет старался казаться повеселее, чтобы подбодрить Цему, он понимал, что поначалу она будет чувствовать себя неуютно и скучать по дому. - Подумай об овощах. На этих плодородных землях можно развести хороший огород.

- Эта земля такая плоская. И горы так далеко, прячутся в облаках, - грустно проговорила Цема.

- Цема, отсюда до гор менее одного дня пути на юг. Они вовсе не так далеко, как кажется. Я знаю, дорогая, ты скучаешь по отцу и по горам. И я скучаю..., - нежно говорил Ахмет. - Но подумай о нашем будущем, о ребенке. Здесь у него будет спокойный, надежный дом. Он вырастет здоровым и крепким. - Ахмет мягко улыбнулся. - Мне сказали, что этот дом нужно лишь немного починить.

- Что ж, тогда принимайся за дело не мешкая. Все нужно успеть закончить до снега. Это важно для ребенка, - со знанием дела заявила Цема.

Ахмет спрятал улыбку. Теперь она уже походила на себя прежнюю: решительная, сдержанная. Настоящая дочь муллы.

- У тебя будет своя крыша над головой до зимних холодов, дорогая. Я обещаю.

Цема промолчала. Ахмет прижимал ее к себе, пока не почувствовал, что тело ее расслабилось: она уснула. В последнее время Ахмет старался почаще бывать с женой, советоваться с ней. Жизнь Цемы до замужества протекала довольно одиноко, и она привыкла к этому. Ее мать умерла, когда она была ребенком, отец был всегда далек от нее, а недавно погиб и ее единственный любимый брат. Теперь вот она решила перебраться в чужие края, следуя за горячо любимым мужем. Ахмет по себе знал, как трудно покидать отчий край, сейчас этот горький опыт приобретает его жена. Ахмет поклялся, что сделает все, чтобы эта жертва Цемы не была напрасной.

* * * * *

В эти первые месяцы на новом месте сбывались мечты Ахмета. Жители поселка не жалели ни времени, ни сил, чтобы помочь им с Мурадом обустроить хозяйства до наступления зимы. Их дома представляли собой типичные жилища уорков: саманные или каменные постройки, покрытые соломой, с резной верандой. Ступеньки переднего крыльца вели к огороду Цемы. Зеленые ровные лужайки спускались до самой реки, некоторые из них были засеяны, другие - надежно огорожены и предназначены для пастбищ. К северу на другом берегу реки, находился русский гарнизонный город Екатеринодар, к востоку от

него лежал Моздок, где была возведена знаменитая крепость для донских и волжских казаков. Недавно, после безумной атаки шейха Мансура на соседний Кизляр, все оборонительные сооружения в Моздоке укрепили еще сильнее. Тем не менее, мир царил пока в Малой Кабарде, ее жители были предоставлены самим себе, хотя воюющие окружали из землю со всех сторон.

В ту зиму выпали обильные снега. У семей Ахмета и Мурада было предостаточно времени для общения с соседями долгими зимними вечерами.

Однажды, сидя в гостях у Медины, Цема вдруг почувствовала боли, ей стало трудно дышать.

Медина, - проговорила она ровным голосом, вставая, - мне кажется, тебе надо проводить меня до дома.

- Ой, как хорошо! - Медина в возбуждении взяла ее под руку, и они вышли наружу. Мужей не было поблизости, однако чеченские женщины в таких случаях умели прекрасно обходиться самостоятельно. По белому снежному ковру они дошли до дома Цемы, и там, вскоре, у нее родился сын.

Ахмет назвал первенца Казбеком. Это имя было широко известно в кабардинских легендах, повествующих о тех временах, когда великие Кавказские горы были молоды и умели передвигаться. Они путешествовали по всей земле и участвовали в славных битвах. Нынче же эти герои-богатыри превратились в старцев убеленных сединами, с глубокими морщинами на каменных лицах. Вторым по высоте среди них был Казбек. В его честь Ахмет и назвал сына. Эту гору в глубине чеченских земель, он бывало разглядывал издали, с высокогорных лугов.

Здесь, во владениях князя Хапча, весна наступала раньше, чем в горах. Это радовало Цёму, и она с маленьким сыном и Мединой частенько выходила в луга собирать цветы. На этих плодородных землях колокольчики, горечавка и другие цветы росли столь буйно, что нередко женщины брели в них по пояс, а цветки были чуть ли не с ладонь.

За первые годы на новом месте табун Ахмета разросся и о нем уже шла слава. Маленький Казбек частенько проводил время в конюшнях вместе с отцом. Цема говаривала, что на характере мальчика сказался, видимо, переезд в кибитке, когда он путешествовал еще в материнском чреве. Едва начав ходить, Казбек целыми днями не вылезал из загона, бесстрашно играя под ногами животных.

- Не волнуйся, - успокаивал Ахмет жену. - Как сказал мне однажды мудрый бжедуг корова никогда не наступит на теленка, а кобыла на жеребенка, ведь верно? Лошади - умные существа, они знают кто такие дети.

Впоследствии судьба подарила Ахмету и Цеме еще двух сыновей - Анвара и Азамата. Разница в их возрасте была всего два года. «Мое маленькое войско», - так Цема любовно называла детей. Подрастая, мальчики получали в подарок обычные для их возраста игрушки: луки со стрелами, деревянные мечи, обручи, волчки, игрушечные инструменты. Впрочем, к немалой радости родителей, они предпочитали оружие. Как и всякий отец-кабардинец, Ахмет хотел, чтобы в детях были воспитаны три главных качества - смелость, красноречие и гостеприимство. Эти слова, сказанные когда-то его отцом, все время приходили ему на память, эхом звучали в ушах: «Острый меч, сладкая речь, обильный стол». Частенько наблюдая как мальчики вертятся у материнской юбки или выясняют отношения где-нибудь на краю загона, Ахмет пытался угадать, каким же вырастет каждый из его сыновей, и молил Аллаха, чтобы тот позволил ему увидеть это.

Когда Казбеку было около пяти лет, Ахмет начал подумывать о его обучении. В Кабарде, как и на Кубани, существовал обычай посылать мальчика для дальнейшего воспитания к аталику - учителю и наставнику, который обучит его всему тому, что предписывают Хабза и Намис.

В подрастающем Казбеке проступали все качества истинного молодого кабардинского уорка. Он был ладно сложенным, с красивыми серыми, как у матери, глазами, отважным, волевым парнишкой. Однако каждый паз, когда Ахмет заволил с

Цемой разговор об аталике, он получал жетный отпор. Такого не водилось за ней раньше. В эти минуты она была так похожа на своего отца.

- Глупости! - восклицала она. - Я чеченка! Не забывай об этом! И не собираюсь расставаться со своими сыновьями! Не нужны мне все эти аталики! - Потом, видя, что Ахмет замолчал и сдавался Цема смягчалась, успокаивалась. - Извини Ахмет, я погорячилась. Но пойми уехав с тобой я бросила семью и близких. Ты хочешь чтобы и здесь я рассталась с родными людьми?

- Да но ведь Мурад отправил Тимура и Джафара к аталику. Медина согласилась на это без возражений!

- Я знаю, она соглашалась. Но Мурад второй после Омара наследник княжеского титула... Он не может нарушать традиций, и это естественно в его положении. Пожалуйста, Ахмет, не проси меня об этой жертве. Я и так уже поступила слишком многим...

Иной кабардинский уорк, может быть, не обратил бы внимания на возражения жены но только не Ахмет. Он испытывал к Цеме особое глубокое чувство, хранил в сердце такую любовь к ней, которую можно встретить только здесь в горах. Он не смог найти доводов, чтобы переубедить ее. Казбек, Анвар и Азамат остались, таким образом, дома, с матерью, продолжая веселые буйные игры на зеленых лугах у Терека, истребляя полчища воображаемых казаков с помощью своих игрушечных луков.

* * * * *

Однажды Казбек с младшим братом Анваром как обычно, играли в тростниках у реки к западу от деревни. Казбек заупрямился, отказываясь быть гяуром и считая, что на этот раз настала очередь Анвара играть эту незавидную роль. Из-за этого они долго спорили и даже угостили друг друга папой тумакон. По правде говоря, Казбек здорово скучал о Тимуру и Джафару, по тем славным играм которым они вместе предавались, пока его друзей не увезли куда-то далеко, и он толком не мог понять почему на их долю выпало путешествие и новая таинственная жизнь вне дома, а он должен по-прежнему сидеть у материнской юбки. В последнее время Казбеку было все труднее находить себе занятия и развлечения.

Казбек сидел на корточках у реки погревшись в обычные полуденные фантазии, наблюдая, как жуки-плавунцы чертят водяную гладь маленького речного бочажка, как вдруг вдалеке он заметил облако пыли, через которое иногда посверкивал на солнце металл. Обычно при таких обстоятельствах Казбек стремглав мчался домой, однако на этот раз что-то удержало его, сказало, наверное, лень и мечтательное настроение. Он замер на месте, спрятавшись в густом тростнике. То, что он увидел потом, вмиг оживило волшебные сказки, которые мать, бывало, рассказывала ему перед сном: перед Казбеком чередой проплыли фигуры одна фантастичней другой. Никогда в жизни он не видел ничего подобного.

Шестеро мужчин в тюрбанах и шелковых халатах, сверкающих золотым и серебряным шитьем величественно проехали мимо. У них были такие длинные усы, что они, как змеи, свисали вниз на самую грудь. Под ними были добрые кабардинские лошади, не хуже, чем в конюшнях отца. Первого всадника сопровождал человек с такой темной кожей, что Казбек даже вздрогнул глянув на него: никогда еще не встречал таких черных людей, а его крепкие белые зубы сверкали, как у горного льва. Черный держал над головой первого всадника невероятной величины штандарт с шестью конскими хвостами. Первый двигался важно, неторопливо, при этом на нем что-то непрерывно брнчало и поскрипывало, создавая впечатление богатого, царского выезда. Сверкающие кольчуги и серебряные сбруи, звонкие шпоры и металлическая бахрама - все это согласно звенело и колыхалось пока всадники двигались по прибрежным равнинам.

Казбек подождал, пока проедет блистательная кавалькада, потом протер глаза, будто после сна.

- Аивар, выходи! - крикнул он, однако, по всей вероятности, его братец оказался благоразумнее и вовремя убежал домой.

Теперь Казбек тоже бросился к дому, причем впервые в жизни он был не на шутку испуган.

Когда он подбежал к дому, навстречу выбежала мать и крепко обняла его. Казбек ожидал трепки, но вместо этого она лишь прижимала его к себе, тревожно твердя его имя.

- Со мной все в порядке, мамочка. Я несносный мальчишка, да?

- Нет, нет. Все хорошо. Поди сюда, сядь рядом со мной.

Казбек был озадачен ее поведением: несмотря на огромную любовь, мама всегда была тверда и строга с ним, теперь же она держалась как-то иначе.

В тот день его уложили спать раньше обычного, и он, конечно, не догадывался, что виденные им необычные всадники, мелькнувшие, как сказочные тени, навсегда изменят всю его жизнь.

Ахмет, заметив путников, направляющихся в поселок князя Хапца, был весьма заинтересован, и ему захотелось угнать поскорее, кто же эти богатые иноземцы. Тот священный штандарт, что они везли с собой, был хорошо известен во всей Азии: это символ Великой Монгольской империи, которая когда-то владела половиной всего мира. Екатерининский генерал Потемкин покорил Крымское ханство, однако правящей там династии, потерявшей политическую власть, удается пока сохранять хотя бы внешнюю пышность. Ахмет догадался, что посланники были царственной крови.

Вскоре в доме Ахмета появился посыльный князя с просьбой принять участие в заседании меджлиса в его доме.

Первым говорил Темиркан:

- Друзья мои, эти люди - посланцы Крымских ханов, приехали с традиционной просьбой к князю Хапца, - объяснил он. - Младший сын одного из правящих там родов Гирей по имени Аслан достиг шестилетнего возраста - как раз той поры, когда пора начинать учиться, осваивать военное искусство, верховую езду, и вообще, готовиться к взрослой жизни. На протяжении веков Крымские ханы посылали своих отпрысков на выучку сюда, в Малую Кабарду.

- Знаешь, у нас традиции соблюдаются лучше, чем у других в Кабарде, - не без гордости объяснил Мурад Ахмету.

Между тем, Темиркан продолжал свою речь, обращенную к старейшинам:

- Сегодня вечером будет пир в честь наших гостей, а завтра, в то время, какое покажется вам удобным, мы возобновим заседание меджлиса и выберем лучшего аталика для наследника-крымчака.

Старики разошлись, а Мурад с Ахметом отправились домой.

- Жаль, что мои сыновья уже уехали, - сказал Мурад. - Было бы очень кстати, если б один из них обучался с этим юным князем, - он украдкой взглянул на Ахмета. - Как ты думаешь, нам удастся уговорить Цему отдать Казбека на учебу вместе с этим Асланом?

Ахмет отрицательно покачал головой:

- Она неумолима.

Мурад пожал плечами:

- Очень жаль. Для любого мальчишки большая честь стать товарищем сына великого Бахадир Гирея.

На лице Ахмета отразилось удивление. Бахадир Гирей был один из наиболее выдающихся представителей династии Гиреев - ханов, правивших Крымом на протяжении столетий.

- Было бы большой удачей, если бы мы могли установить асабалык, некую, понимаешь, духовную связь с Крымскими ханами, - продолжал напористо Мурад. - Хоть они и

потеряли власть, но сохранили огромное влияние... Бахадир вовсе не дружит с Россией, и при этом его уважают при турецком дворе. Кто знает, что случится потом...

Ахмет нахмурился:

- Ты уже сказал все, что мог, мой брат, я понял свою задачу. Но выполнить ее будет очень непросто!

- Я понимаю, но ведь у Цемы останется еще двое сыновей...

- У нее нет матери и брата, которого она оплакивает по сей день.

- Извини, Ахмет. Не хочу вмешиваться в твои домашние дела, но мне кажется, Цеме живется не так уж плохо.

Ахмет задумчиво посмотрел на товарища:

- Что ты имеешь в виду? Надеюсь, не собираешься сказать мне что-нибудь обидное?

- У нее есть муж, который всегда прислушивается к мнению жены, уважает ее чувства.

- Должен признаться, что такое редко встречается среди кабардинских уорков.

Ахмет не мог решить для себя, как следует отнестись к последнему замечанию своего закадычного друга: как к упреку, или как к похвале. Он ехал домой со смешанными чувствами в душе. Это трудное решение ему предстояло принимать самому. Позже, когда уже началось застолье, Цема вошла в спальню своих сыновей и с нежностью принялась разглядывать бледное в лунном свете тонкое личико старшего сына. Ахмет уже поговорил с ней и она поняла, что на этот раз ей придется покориться его воле. Эта уступка станет первой в череде многих тех, которые придется сделать потом ей, жене кабардинского уорка. Ахмет старался, чтобы ей как можно легче было привыкнуть к образу жизни его соплеменников, однако теперь Цема уже не была свободной горянкой. Теперь она стала матерью-кабардинкой. Она осознала это, поэтому и позволила Ахмету уговорить себя. Всю жизнь Цеме приходилось подчиняться чьей-то воле, теперь ее муж и ее Аллах требуют от нее новой покорности. Она, плакала, молилась за Казбека, но молитвы ее постепенно становились все умиротвореннее, и горе понемногу ослабевало и отступало.

На заседании меджлиса, которое состоялось на следующий день, аталиком был единогласно избран старый Темирока, один из самых уважаемых воинов Малой Кабарды.

Князь выставил на всеобщее обозрение дары, присланные ханом кабардинским старейшинам, чтобы все могли полюбоваться ими и оценить по достоинству. Там можно было увидеть чудесный булатный меч с золотой, богато инкрустированной рукоятью, который предназначался для торжественных случаев. Были там и серебряные кубки, и десятки подносов, изукрашенных орнаментом.

Князь протянул Ахмету меч, чтобы тот проверил, удобен ли он.

- Недурна вещица, - подтвердил Ахмет, возвращая меч.

- Ахмет, было бы отлично, если б твой юный Казбек превратился в славного воина, которого я мог бы наградить этим мечом за удачу и сноровку.

Это прозвучало как намек.

- Согласен с Вами, мой князь. Вы оказываете мне честь тем, что думаете о будущем моего сына, так же, как и о будущем Ваших собственных внуков.

- Да, я думаю о нем, друг мой, поэтому я жду твоего согласия на совместное обучение твоего сына с сыном Бахадир Гирея.

- Рад буду подчиниться Вашей воле, мой князь.

Этими словами Ахмет определил судьбу своего сына. Через несколько дней Казбека нарядили в лучшую одежду.

- Ты должен понять, какую честь князь оказывает нам, сынок, - говорила Цема, нервно теребя пуговицы и кушак черкески Казбека.

- Да, мама.

- Сейчас ты поедешь с посольством и вернешься вместе с сыном хана Асланом. Потом вы поедете к Темироке. Ко мне сюда ты попадешь теперь не скоро.

- Да, мама, - глаза мальчика начали наполняться слезами.

-Отец даст тебе для этого путешествия свою лучшую молодую кобылу.

Казбек широко раскрыл глаза от удивления:

- Ты имеешь в виду ту, с белой звездочкой на лбу?

Казбеку не верилось, что его персона обрела вдруг такое значение: на него обрушились со всех сторон подарки, взрослые оказывали ему особое внимание, а теперь, вот, еще дают лучшую кобылу!

- Да, - Цема тихо засмеялась. - Ты сын своего отца, Казбек. Добрая лошадь принесет тебе счастье. До свидания, радость моя. Да озарит Аллах твой путь!

С этим кратким напутствием она поцеловала сына и вышла из комнаты. Он больше не видел матери: тут же вошел слуга первого помощника князя, Темиркана, и мальчик пошел с ним. Так он стал членом посольства, которому следовало доставить сюда, в Кабарду, маленького князя Аслана из Бахчисарайского дворца Гирея в Крыму.

Ахмет посадил его в седло.

- Добудь славу своей семье, Казбек, - только и сказал отец. Ему так хотелось обнять и расцеловать сына, как он делал некогда у себя в доме, однако проявлять свои чувства на людях он не мог. Казбек, кажется, понял это. Он церемонно поклонился отцу, прощаясь с ним. Когда группа уже выезжала из деревни, он обернулся несколько раз, пытаясь увидеть лицо отца.

Казбек был уже достаточно взрослым, чтобы понять, что в его жизни происходит нечто важное, но не мог осознать еще многого: не знал, что такое «не скоро», сколько дней в году, и сколько времени он не увидит мать. Вместе с тем, он не мог не ощущать, что его ждут приключения, как тех мальчиков, что убегают из дома с бродячими музыкантами с учеными медведями, или отправляются в открытое море в обществе моряков, или на невольничьих кораблях, закованными в цепи, попадают в плен к туркам.

Каждый день они проезжали десять, пятнадцать, иногда двадцать верст. Дорога шла по горным перевалам, речным долинам, красота которых поражала мальчика. Потом он попал на корабль, причем качка доставила ему много неприятностей. Казбек чувствовал себя плохо, поэтому спать его укладывали прямо на палубе, под открытым небом. По ночам большие морские птицы кружили у него над головой, белея в темноте, как маленькие летающие признаки, предвестники беды...

Земля, на которую они, наконец, высадились, показалась Казбеку мало привлекательной. Воздух был горячим, в нем стрекотали насекомые. Местность вокруг была сухой и бесплодной. Вдалеке виднелись размытые маревом багровые горы. Уставший от дороги Казбек едва держался на своей кабардинской кобылке. Но вот они достигли края перевала и перед ними вдруг открылась длинная улица, на которой теснились базарные ряды. Это и был державный Бахчисарай, город, само название которого означает «дворец в саду». Так оно и было. Улицы утопали в садах, в небо упирались вершинами пирамидальные тополя, посаженные между башнями и минаретами.

Кабардинцы двинулись вслед за татарами, пока, наконец, не добрались до чудесного дворца, где гремели барабаны и были устроены замечательные фонтаны в форте перламутровых раковин. Где-то в глубине садов звучала музыка. Здесь Казбек заметил еще несколько чернокожих мужчин, которые напугали его своей парчовой одеждой, кривыми турецкими саблями и непроницаемыми лицами.

Казбека оставили одного в небольшом дворе у дворца Гиреев, где ему предстояло встретиться с Асланом. Юный князь был ровесником своего гостя, и, хотя он был тоньше и казался слабее, на самом деле отличался выносливостью и решительностью. Темные глаза крымчака напомнили Казбеку брата Анвара, и его тут же охватила тоска по дому. Целую неделю кабардинцы, которых было более двадцати человек, провели с татарами в празднествах и пирах, в то время как Аслан и Казбек довольно крепко сошлись, при этом совсем не понимая речи друг друга. Чувство одиночества и страх перед грядущими переменами в их жизни сближали мальчиков.

Казбеку показалось, что обратный путь они проделали быстрее. Это объяснялось, видимо, тем, что теперь у него есть друг - ровесник, которому так же тревожно, как было ему самому на пути в Бахчисарай, в то время как его, Казбека, первый испуг был уже позади. Мальчики молчали часами, однако оба ощущали общность судьбы, подобно общности этой дороги в горах.

* * * * *

Сколько раз эта общность проверялась на прочность за годы, проведенные с Темирокой! Этот почтенный старец с длинной белой бородой и простыми манерами всегда был облачен в свободные белые одежды с башлыком, имел при себе какую-то допотопную винтовку и ездил на низкорослой крепкой лошадке. Темирока жил в маленьком поселении со своей семьей и несколькими слугами. Поселение располагалось у подножия гор, где в изобилии водилась дичь и бегали олени. Казбек мало задумывался о том, где он находится, и по мере того, как месяцы складывались в годы, это имело для него все меньшее значение. У Темироки они вели уединенный образ жизни, строго следуя заведенному укладу, и со временем эта привычка к дисциплине стала их второй натурой. Здесь, в центре земель джлахстней, Казбек жил примитивной, древней жизнью своих предков, осваивая законы, традиции и обычаи своего народа, слышимые им из уст мудрого учителя. Темирока не много мудрости почерпнул из книг. Все знания свои он получил, проникая в тайны окружающего мира - неба, земли, зверей. Он обладал замечательным даром - уметь внимательно наблюдать и глубоко понимать увиденное. В этом ему не было равных.

Само собой разумеется, что Казбек и Аслан упорно старались овладеть военным искусством. Ежедневно они упражнялись в рубке на саблях, учились борьбе, верховой езде, стрельбе из лука, плавать (лошадей тоже учили плыть под седоком в бурном течении), владеть кама и огнестрельным оружием, охотиться... Темирока учил их умению выжить в дикой природе: ведь вовсе не просто выдержать много дней, питаясь лишь тем, что дарит лесная чаща. Наставник показывал им, как получать патоку, надрезая кору орехового дерева, делать сироп и сгущать его; как очищать мед, выдерживая его на солнце, и как снимать шкуру с оленя, сделав всего один надрез: тушу следовало подвешивать за ноги и сдирать кожу вниз - к голове.

Но самое важное заключалось в том, что Темирока сформировал в мальчиках особое мироощущение воинов - адыгов, их национальный внутренний склад. Постепенно и тщательно наставник вникал в душу своих подопечных, изучал их характер, подвергая его все более серьезным испытаниям. Отвага рождается не от физической ловкости и силы, и даже не от снедающей жажды боя. Истинный Намис возникает благодаря силе внутренней, благодаря чистоте духовной, которую можно обрести лишь на пути беспрестанного совершенствования своего «я».

Темирока развивал ребят с тонкостью мудрого и умелого наставника. Свои понятия о сущности человеческой природы он основывал на многолетнем опыте воина: в своей жизни он много путешествовал, участвовал в боях под Астраханью, в Турции, Персии, Афганистане. Однако иногда его странствия были вызваны смятением духа. Он изучал мистические обряды различных сект, постился, жил среди святых отшельников, которые не имели ничего, кроме скудной одежды, чтобы прикрыть наготу. Однажды в своих странствиях он встретил человека по имени Суфи, и тот стал его духовным учителем. Суфи посвятил Темироку в древнюю тайную философию, которая, как считалось, пришла из Афганистана задолго до появления ислама и христианства. Это была система изучения и развития характера человека, известная лишь святым учителям. Называлась она «эниаграмма» - девятиконечная звезда.

Мудрость, обретенная в этом паломничестве, самопознание не имели прямого воздействия на воспитание Казбека и Аслана. Темирока, воплощая обретенные принципы, между тем не навязывал их ученикам, а использовал как инструмент для достижения цели.

В течение многих месяцев Темирока внимательно изучал своих питомцев. Он видел, что Казбек крепче физически и сильнее характером, что очень важно для будущего кабардинского уорка. Аслан уступал Казбеку и в силе, и в сообразительности, но у него был склад ума человека, способного фанатично предаться идее. Он был готов в любую минуту воспринять любую идею, «дело жизни», и больше всего боялся, что не хватит смелости.

Каждый вечер Темирока наблюдал, как мальчики молятся. Каждый их жест, каждое движение губ отчетливо выявляли характер. Казбек молился долго, сдвинув брови, с таким видом, будто он сильно провинился перед Аллахом. Аслан молился истово, его тело будто само собой складывалось пополам, плечи поникали, губы лихорадочно шептали слова. Во время детской молитвы Темирока чертил сам для себя на песке эниаграмму - девятиконечную звезду внутри круга - садился возле нее, углубляясь в созерцание, молясь о божественной помощи в своих делах. Он начинал шепча перечислять символы: «Один, орел, Преобразователь; два, труженик, Помощник; три, «авлин, Исполнитель; четыре, лошадь, Лицедей; пять, сова и лиса, Наблюдатель; шесть, волк, Олень... Одержимый...».

Темирока знал, что каждый человек, являясь в этот мир с душой чистой и беспорочной, позже выбирает один из тех путей, что суждены людям на этой земле. Этот выбор зависит от характера, темперамента, но также - и от ранних детских впечатлений, связанных с инстинктивной боязнью боли. Этот период зыбкости и податливости характера приходится на возраст от трех до семи лет, поэтому аталики призваны не мешкая начать воспитание личности, преуспев в этом до того, как характер окрепнет и человек спрячется под ту или иную личину. Тот, кто хочет обрести звание великого воина или вождя должен быть личностью многосторонней, совершенной во всех отношениях. Человек должен преодолеть соблазн «односторонности», отбросить маски и пройти через все грани эниаграммы, пересекая окружность, в которую она вписана, до тех пор, пока не приобретет все, что только можно приобрести. Если же этого не случится, то идея значимости самого себя превратит его в нелепую карикатуру и сильно ограничит его возможности. Так считал мудрый учитель Суфи. Темирока исходил из того же, пытаясь определить, какую маску выбрал для себя каждый из его учеников, чтобы впоследствии научить их избавляться от нее. С его помощью мальчикам предстоит двигаться «против огненных стрел» непокорной звезды, обретая качества каждого противостоящего номера. Это духовное странствие, предложенное аталиком, являлось «фактическим движением». Темирока не знал происхождения этого выражения, просто так это явление называлось с незапамятных времен.

Палочкой Темирока начертил звезду на песке. Он вознес молитву, и его душа обратилась к строкам, соединившись с душами мальчиков, наполняя их сердца божественной благодатью. Он знал, что Казбек воплощает первый луч этой звезды: номер один, Преобразователь, Реформатор. Его судьбой будет руководить желание поступать правильно, более того, быть правым всегда. Самым большим недостатком, бедой такого характера, является безудержный гнев.

Кабардинцы мудро поступили, выбрав Казбека в товарищи Аслану, ибо характер молодого крымского князя приходился, без сомнения, на шестой номер: Одержимый. Он представляет себя Верующим, преданным своей вере до фанатизма, постоянно ищущим приложения этой внутренней энергии... Однако он будет теряться всякий раз, когда дойдет до дела. Если такой характер не поправить, личность может воплотиться в убийцу-маньяка. Характер Казбека приходился на сектор восемь-девять-один, им руководил желудок, и у него всегда будут сложности в отношениях с людьми. В этом смысле Аслан является наилучшим партнером для него, занимая противоположный сектор круга пять-

шесть-семь, и руководит им голова. «Cordis. Caput, Humus», - медитировал Темирока. «Казбеку нужно будет развивать в себе невозмутимость, а Аслану - мужественность. Бог даст, они помогут друг другу обрести цельность натуры.»

Темирока не посвящал мальчиков в сущность своей теории. Он держал в секрете от них свою эниаграмму и не сообщал им их числа. Его целью было научить мальчиков познавать себя через собственные поступки, осмысляя, что они приобретают для своего «я», а от чего избавляются, подвергая сомнению вся и все, кроме Бога. Если бы они попросили учителя объяснить те странные приказания, которые тот частенько давал им, он бы ответил: «Слова есть источник заблуждений. Но вы каждый день будете все больше приближаться ко мне». В основном Темирока давал им наставления или задавал весьма простые вопросы: «Как ты ощущаешь одиночество? Что разочаровывает тебя? Что может привести тебя в замешательство? Можешь ли ты сидеть неподвижно?» Все, чему учил мальчиков Темирока, было связано с идеей самопознания. Даже самые активные, подвижные занятия по искусству боя были подчинены стремлению дать им навыки самоанализа, умение отбросить лишнее.

* * * * *

Однажды, когда Казбеку с Асланом было около тринадцати лет, Темирока спустился с ними с гор, и они приблизились к казачьему поселению, что находилось на равнине у Терека. Казбек не знал тогда, что находится лишь в двух часах езды от селения, где правит князь Хапца. За все годы, что он провел с аталиком, Казбек ни разу не виделся со своей семьей и не имел о ней никаких известий. Аслан также прожил это время целиком оторванным от крымских Гиреев.

Как-то незаметно Казбек превратился в высокого, статного парня. У него были широкие плечи, крепкие ноги и сильные руки с красивыми длинными пальцами. Аслан был по-прежнему более хрупким, не столь высоким, его отличала чрезмерная впечатлительность, он как-то болезненно остро реагировал на все происходящее. Тем не менее, он был достойным соперником Казбеку в любом состязании.

Недалеко от казачьего лагеря Темирока сказал ученикам:

- С наступлением темноты вы должны будете пробраться в поселок и привезти мне самое ценное из того, что сумеете там отыскать.

И все. Никаких более указаний и советов не последовало: парни были уже достаточно взрослыми, чтобы обойтись своим умом.

Мальчики двинулись вперед, сердца их учащенно бились. Они стали уже настоящими братьями, хотя и не кровными, однако серьезным испытанием для их дружбы было яростное соперничество, которое временами охватывало их. Каждый из них стремился обойти товарища, стараясь не помогать другому больше, чем необходимо, и заслужить больше похвал Темироки.

Спрятавшись в подлеске, они дождались, пока достаточно стемнеет для того, чтобы отправиться в поселок. Жители, кажется, уже мирно засыпали. В нос Казбеку ударили разнообразные запахи людских жилищ: аскетическая жизнь в лесу чрезвычайно обострила его обоняние, так что привычные для других запахи, например, готовящейся пищи, он различал особенно отчетливо, причем они казались ему весьма необычными. Казбек понял, что он так далек от этой суетной жизни, что она почти не вызывает никакого отклика в душе. Он гордился этой отчужденностью от обыденного. Они подползли к ограде, которая окружала поселок. Аслан вырубил из нее палку.

- Когда перелезем туда, я пойду налево, а ты направо,- сказал Аслан.

- Нет уж, бросим жребий: чтоб по справедливости,- возразил Казбек. Аслан улыбнулся и подбросил свой камень. Тот упал рукоятью вверх.

- Как я и говорил: я - налево, ты - направо, - усмехнулся Аслан.

Казбек улыбнулся в ответ и они пожали друг другу руки с пожеланиями удачи на устах. - Храни тебя Аллах, - прошептал Казбек и подсадил Аслана, чтобы тот мог забраться на стену. Затем Аслан сверху подал руку товарищу. Потом они расстались, превратившись с этого момента в соперников. Парни двигались быстро, как молодые волки. Казбек наткнулся на амбар с приотворенной дверью. Там хранилось зерно. Не раздумывая долго, он закинул мешок на плечи. Затем забрался на чердак, и там, к огромной своей радости обнаружил возле оконца ружье, из которого видимо, стреляли по голубям.

Аслан действовал более решительно. Он сразу забрался в один из домов в надежде разжиться деньгами, драгоценностями, а при случае - уложить пару казаков... Почему бы и нет? Там он действительно обнаружил немного денег, серебряный чайник и покрывало из шкуры леопарда. Аслан выскочил из дома, добежал до ограды поселка и закопал добычу в землю, затем припустил обратно с целью повторить подвиги.

Тут вдруг он увидел, что бежит прямо в руки казака-часового. Аслан соображал быстро, и его намерения устроить бойню гяурам сразу изменились. Он понял, что часового нужно немедленно обезвредить, ведь его присутствие может угрожать Казбеку. Наставления учителя Темироки не прошли даром: он крепко-накрепко внушил своим ученикам, что воин должен, прежде всего, думать о безопасности товарищей и не рисковать их жизнью ради собственного успеха.

Аслан спрятался за кустарником и приготовился к нападению. Когда казак поравнялся с ним, юноша выскочил, нанеся противнику мощный удар. «Какого...», - только и успел выдохнуть часовой изумленно, но тут же рухнул на землю, как срубленное дерево. Аслан нанес еще несколько быстрых ударов, затем вырвал клоч из рубахи казака и заткнул ему кляпом рот. Аслан связал часового и крепко двинул ему тяжелой рукоятью камы по голове. Тот потерял сознание. Затем оттащил тело к стене, где его не было видно с тропинки и обшарил карманы. Золотые монеты... Часы!

Казбек услышал шум борьбы, но, помня наставления Темироки о том, что каждый из них должен обходиться собственными силами, юркнул в проулок и направился к следующей постройке. Кроме того, он знал, что Аслан парень ловкий, сметливый, и в случае серьезной опасности свистнул бы, как условились.

Тут он увидел казака, мирно дремлющего в обнимку с ружьем. По-видимому, он был здорово пьян. У него была знакомая уже косматая меховая шапка и такая же косматая борода. Он удобно поджал под себя ноги в мешковатых штанах и черных сапогах, носки которых были кованы серебром. Казалось бы, что легче вытащить у него саблю, однако Казбек прикинул, что подобраться к часовому почти невозможно... «Ладно!» - выдохнул он, засовывая каму обратно за пояс. Повернулся и побежал к ограде, там он сложил свои трофеи, связал их кушаком, повесил этот тюк себе на шею и перебрался через стену. Казбек плюхнулся на землю и бесшумно скатился вниз по пыльному склону, затем укрылся в кустах и подождал, пока Аслан вернется из поселка таким же способом.

Мальчики молча, кряхтя под тяжестью добычи, поспешили в заветное место, назначенное Темирокой для встречи, - глубокую расселину под скалой, где им предстояло провести остаток ночи прямо на голой земле.

Темирока, укутанный, как всегда, в белую бурку, ждал их, мирно посасывая чубук. Огня он не разводил из соображений безопасности, тем не менее, казалось, что холод совершенно не берет его.

- У меня золотые монеты, - гордо заявил Аслан, высыпая их со звоном на землю. Деньги заманчиво блеснули в лунном свете.

- А у меня ружье! - вставил Казбек.

- Серебро!

- Зерно!

- И еще! - важно проговорил Казбек, многозначительно поднимая руку вверх. - У меня есть самое ценное, что можно было добыть! С этими словами он извлек откуда-то из-под

полы эту великую ценность - знаменитую казачью нагайку, которую он вытащил из-за пояса спящего казака.

- Ты убил этого казака? - спросил Аслан, сгорая от зависти. Темирока безмолвно сидел на корточках, ожидая, что скажет Казбек.

- Нет, не убил. Этот человек был мертвецки пьян, и мне достаточно было лишь отодвинуть его руку и вытащить плетку. Смотрите: в кожаный ремень вплетены какие-то шарики.

Сама по себе нагайка не представляла особой ценности, однако этот трофей был особенно важен для Казбека - ведь эти кожаные плетки в руках казаков символизировали их силу, их самонадеянность. Гяуры на Линии, отправляясь в поход, размахивали нагайками над головой и победно выкрикивали «Гойда!», что означало «Пощады не жди!» То, что Казбек выбрал именно это, свидетельствовало о его бесстрашии и о том, что он чувствует значение таких демонстративных поступков.

Темирока подался вперед и сгрэб все трофеи в кучу у своих ног.

- Что ж, неплохо для первого раза. Тебе, Аслан, не нужно было лезть в дом. Если бы начался переполох, ты бы вряд ли ушел живым. Боясь показаться несмелым, ты действовал опрометчиво. По натуре ты весьма благоразумен, так не бросайся без нужды в пекло, иначе в один прекрасный день ты сломаешься, дрогнешь и побежишь как раз там, где нужно будет стоять твердо. Золото сегодня не богатство. Надежный крымский кремень - вот что такое золото сегодня...

Темирока презрительно пошевелил монеты палочкой. Аслан стоял, досадливо потупив голову.

- Ты, Казбек, поступил весьма предусмотрительно, когда не вошел в дом, перед которым спал казак. Так вот: он не был вовсе пьян. На твоё счастье его перед этим оглушили, а запах водки ввел тебя в заблуждение. Если бы ты меньше заботился о точном выполнении своего плана, а внимательнее разглядел противника, то понял бы, что он оглушен. Хорошо, что ты делаешь ошибки. Учись признавать их. Такова жизнь.

- Так Вы там были, Темирока? – воскликнули парни в один голос.

Они были поражены. Но учитель не стал ничего объяснять.

- Нагайку можешь оставить себе, Казбек. Это самая ценная вещь из того, что лежит здесь, ибо свидетельствует о твоём понимании чести воина. Однако.., - Темирока строго взглянул на парней.

- Мне, как аталику, полагается девять десятых вашей добычи. Остальное - домочадцам.

Темирока крепче запахнулся в бурку и погрузился в сон. Казбек и Аслан растерянно переглянулись. Они были поражены и немного раздосадованы. Однако потом, когда они улеглись и начали спокойно обдумывать произошедшее, то кое-что поняли. Воин сражается не ради наживы, а ради славы. Его доблесть должна приносить пользу другим, а не питать его алчность. Способы борьбы значат не меньше, чем сама победа.

Таким образом, пройдя черту испытаний, многие из которых были весьма опасны для жизни, проведя эти годы под неусыпным наблюдением и в ограничениях, юноши превратились в настоящих воинов, именно таких, какими хотели их видеть родственники и соплеменники.

* * * * *

Через год, в священную осеннюю ночь Казбек и Аслан вместе с аталиком и многими другими воинами собрались в одной рощице, чтобы совершить священный обряд. Этот ежегодный обряд, приобретал для мальчиков все более важное значение. Никто не объяснял им происхождение этого ритуала. Подрастая, они все глубже чувствовали величие священной ночи.

- Листья падают... Эта ночь дана нам для того, чтобы вспомнить павших героев, - произнес Темирока и сделал знак Ашугу, странствующему сказителю, чтобы он вошел в центр крута. Ежегодно этот человек заезжал в горное убежище Темироки, и каждый год, как и теперь, Темирока собирал там своих соплеменников и старых товарищей по оружию, чтобы помянуть славные подвиги усопших героев и услышать рассказы о новых бойцах.

Ашуг пел одну из самых любимых поминальных песен Казбека. Он не понимал, почему эта грустное предание о любви оказывает на него такое сильное воздействие. Оно напоминало Казбеку о его любимой матери Цеме, и раньше заставляло до слез тосковать о ней, хотя, конечно, теперь он уже мог управлять своими чувствами. Было что-то почти родное в щемящей душу повести о князе шапсугов и его невесте, которые воевали плечо к плечу и вместе пали в бою...

«Он не один лежит в холодной земляной постели, Ибо она, которую любил он, пала рядом с ним. Красота и отвага спят смертным сном, и темная узкая могила стала домом невесты...»

Темирока взглянул на парней и те ответили ему взорами, исполненными готовности и понимания. Теперь ни один жест, ни один взгляд аталика не оставался незамеченным ими, ибо оба были «настроены» на него, как струны доброго музыкального инструмента.

- Помните легенду о Ночи могущества? - спросил учитель.

Казбек кивнул:

- Вы рассказывали нам об этом, Тхамата. Это ночь, когда отворяются небеса и можно загадывать три желания, которые будут исполнены. Два из них должны быть хорошие и одно худое. Все должно быть загадано и достигнуто, - добавил Аслан. Старшие продолжали петь. Темирока придвинулся к мальчикам поближе и заговорил вполголоса: - А чего бы ты пожелал, Казбек?

- Я бы попросил свободы для своего народа, не задумываясь ответил тот. - Я пожелал бы долгой жизни, чтобы научиться как можно лучше служить людям.

- Хорошее желание. А ты, Аслан?

- Я пожелал бы верных ратников. Мужчина без надежных друзей - не мужчина. И еще я хотел бы свободы.

- И это хорошо. Но никто из вас не поведал о желаниях худых. Получалось, что от них требуют полностью раскрыть душу. Казбек стыдливо опустил голову:

- Хотел бы получить достаточно мужества, чтобы уничтожить гяуров. Хотел бы, чтоб их Бог оказался бессильным.

- А ты, Аслан?

- Хотел бы смерти Казбека, чтобы я сам был лучшим воином. Сейчас он лучший, - выпалил Аслан с горестным надрывом в голосе.

Казбеку показалось, что сердце его остановилось от ужаса, однако Темирока выглядел вполне бесстрастно и, казалось, вновь сосредоточился на песне. Мальчики сидели молча, не смея взглянуть друг на друга. Как больно было одному из них узнать о бездне черной зависти, зияющей в душе его почти кровного брата.

Темный профиль учителя отчетливо выделялся на фоне огней:

- Хорошо сказал Аслан. Эта честность далась тебе нелегко. Запомни: не бойся войны, но опасайся ее, ибо это пора, когда жнут щедрый урожай обмана. Вам нечего бояться друг друга, если ваши сердца будут открыты всегда так же, как теперь. Возьми эту руку, Казбек. Оцени ту любовь к тебе, что так мучит Аслана. Он любит тебя больше, чем любой другой, и однажды его преданность сможет утроить твои силы.

Юноши пожали друг другу руки, хотя каждый понял, что с этого дня аталики станут обдумывать, когда отправить их домой. Дальше каждый пойдет своей дорогой. Потом они долго всматривались в лица друг друга, стараясь навсегда запечатлеть в памяти дорогие черты. Казбек понял, что никого он не любил так, как Аслана, и что никогда уже душе его не пройти такой школы честности, чести и отваги, как в эти годы, проведенные у аталики.

* * * * *

Казбек вернулся домой, когда ему исполнилось семнадцать. Это был необычно долгий срок пребывания у аталика. Все считали, что причина этого их совместное обучение с ханским наследником Асланом. По-видимому, Темирока решил сделать из него грозного воина, прежде чем возвратит соплеменникам.

Внешне Казбек походил на Цему: такие же серо-голубые глаза и прямые брови, высокий просторный лоб, придающий лицу открытое и чистое выражение, твердая линия подбородка и красивый рот. У него был облик прирожденного вождя - настоящий первенец адыгского уорка.

Возвращение Казбека было отмечено соответствующими подобному случаю церемониями - музыкой, танцами, обильными застольями для почтенных старцев. К своей огромной радости Казбек обнаружил, что вовсе не так уж и трудно привыкать к новой жизни. Темирока хорошо сделал свое дело: Казбек был послушен, терпелив и, как никто иной, почтительно относился к старшим.

Отец Казбека, Ахмет, был по-прежнему крепок и деятелен. Ему было под сорок. Но однажды Казбек заметил первые седые волоски на висках отца, и это поразило его. Отец начал стареть! Первая седина - это значит, что скоро уже ему не видать черных, как эбеновое дерево, длинных кудрей, которые снились Казбеку все эти годы: отец подходит к лошади, наклоняет голову, любит ее, треплет по холке и шепчет что-то ободряющее.

За это время табун значительно вырос. Анвара и Азамата не было дома, они тоже находились у аталиков, поэтому Казбеку пришлось сразу браться за домашнюю работу, помогать отцу по хозяйству. Он старался вовсю, чтобы отцу понравилось, как он работает, хотя и не ожидал услышать, да и не услышал ни слова похвалы.

Его мать Цема совсем не изменилась, и это очень нравилось Казбеку. У нее, по крайней мере, не было седых волос, и сохранилось все то же открытое, располагающее к себе выражение лица. Глаза ее светились радостью, когда она смотрела на сына. Однако теперь Казбек любил ее по-другому.

Сначала Цема была уязвлена этим: сын никогда не целовал ее, не заходил к ней в комнату и не присаживался, чтобы обнять. Однажды она спросила Ахмета, почему сын так ведет себя:

- Неужели ему не радостно быть с нами? Неужели он теперь стал таким суровым воином, что ему уже вовсе безразлична собственная мать?

Ахмету было трудно ответить на этот вопрос.

- Просто его чувства спрятаны очень глубоко. Жизнь у аталика нелегка, - добавил он как можно осторожнее.

Цема быстро отреагировала:

- Да, Медина говорила мне. Они там проходят всякие испытания, верно?

Ахмет кивнул:

- Верно. Наш Намис требует, чтобы мужчина умел управлять своими чувствами. Казбек не может пока открыто выражать чувства любви, привязанности. Должно пройти какое-то время, прежде чем это случится, если, конечно, это вообще произойдет. Он слишком закален, Цема. Ты должна это понять.

Цема наклонила голову пониже, чтобы спрятать слезы. Однако в своих суждениях о сыне Ахмет не был совершенно прав. Жизнь у Темироки изменила душу Казбека, но не настолько, как казалось отцу и матери. Да, Казбек стал бесстрашным воином, но Темирока вложил в сердце Казбека духовный кодекс благородного кабардинца. Теперь ему не хватало аскетизма и отрешенности от мирской суеты, как это было там, в горах. Молитвы поддерживали его в те минуты, когда одиночество казалось невыносимым, а теперь, здесь, среди родных и друзей, Казбек почувствовал, что ему чего-то мучительно не хватает. Тишина, моменты умиротворения и медитации питали его душу живительным покоем,

когда он жил среди дикого леса. А сейчас, попав в иные обстоятельства, он страдал от того, что в его внутренний мир вторглось что-то чужое и непривычное, какие-то новые обязанности и заботы.

От него ждали теперь, что он начнет подыскивать себе невесту. Однако Казбеку, юноше слишком возвышенному, не нравился пока никто. В своем недавнем уединении он частенько тосковал, мечтая о женском обществе, однако действительность разочаровывала его: девушки, щебечущими стайками, собирающиеся у колодца или у купальни, не вызывали в нем особых чувств.

Постепенно Ахмет понял, в чем дело. Размышляя об этом, он улыбался, вспоминая собственную неуклюжесть в сердечных делах, тот страшный груз изолированности от мира, что ему пришлось вынести во время своего переезда из Кубани в Чечню. Но Ахмет не сомневался, что однажды Казбек встретит прекрасную девушку, которая сумеет подобрать ключ к сокровищнице нежности, которая, несомненно, таится где-то в глубинах его души.

* * * * *

Жизнь во владениях князя Хапца текла спокойно и гладко. Князь мудро управлял своим народом, будучи всегда в курсе того, что происходит у русских. Потемкин покинул Кавказ и умер в 1791 году во время переговоров о мире между Турцией и Россией. Его ненаглядная императрица Екатерина, - понесшая такую утрату, ненадолго пережила его. Потом на троне ненадолго оказался ее сын Павел, а затем на 25 лет воцарился Александр I, его сын. Это был период относительного спокойствия: на Кавказ приезжали разные главнокомандующие, но никто из них не был так грозен, как Потемкин. Кого там только не перебывало за это время! Например, Цицианов, грузинский ренегат, но хороший администратор; Глазенап, его заместитель, унаследовавший его пост, однако обладавший куда более скромными способностями; Гудович, престарелый взбалмошный самодур; и, наконец, Ртищев, человек весьма неплохой, которому, однако, не хватало энергичности, в этом он здорово уступал горцам.

В период правления Цицианова, тот своими указами спровоцировал кабардинцев на восстание, при подавлении которого несколько кабардинских деревень были сожжены дотла. Мир вернулся на кабардинскую землю в 1811 году, когда горцы направили в Санкт-Петербург свою депутацию, и царь в результате переговоров согласился признать привилегии кабардинцев, дарованные им в 1771 году Екатериной II. Таким образом, дипломатические усилия имели успех, и спокойствие восстановилось в княжестве Хапца.

Вскоре до кабардинских князей дошли слухи, что в Европе воцарился некий могущественный генерал - Наполеон, и это заставило Россию оттянуть к западным границам основные силы своей армии. Наступило временное затишье, и кабардинцы вздохнули с облегчением. Все текло благополучно, но однажды весенним днем 1811 года их посетила лихорадка. Сыновьям Ахмета в ту пору было уже за двадцать, а Джафар - сын Мурада был женат и жил самостоятельно.

Первым слег Казбек. В тот день он с Анваром помогал Ахмету в конюшнях и вдруг почувствовал головокружение, да такое, что ему пришлось присесть на охапку сена. Ну, что с тобой такое? - раздраженно спросил отец: у них было по горло работы. Эта зима выдалась особенно сурово, и запас кормов для скота был почти на исходе.

- Нездоровится мне.

За Казбеком не водилось привычки притворяться. Ахмет внимательно посмотрел на него:

- Дай-ка взгляну.

Тыльной стороной ладони он вытер пот со лба и приложил руку к голове сына. Казбек был, конечно, разгорячен работой, но все равно ощущался жар!

- Поехали домой, тебе надо лечь. Мать приготовит лекарство.

Ахмет сел на лошадь, Казбек пристроился сзади. Ехали медленно, с большими предосторожностями.

Несколько месяцев назад к Ахмету приезжал один торговец лошадьми, посмотреть его годовалых жеребят. Он был имеретином по национальности, часто объезжал деревни, разбросанные по Тереку. Его соплеменники жили высоко в горах к западу от Чечни. Торговец рассказал, что несколько недель назад был в Кизляре, где закупал зерно. С самого начала ему не хотелось ехать туда, однако пришлось решиться на это - у селян - в горных деревушках уже совершенно не осталось хлеба.

Он рассказал Ахмету, как обстоят в Кизляре дела. Этот городок-крепость, дополнительно укрепленный после нападений шейха Мансура, бурно разрастался. В девяностых годах прошлого века Потёмкин издал указ, по которому несколько крепостей на Линии должны получить статус городов, среди них были Кизляр, Моздок, Екатеринодар. Туда устремилось огромное количество казаков - переселенцев со своими семьями, и вскоре под защитой грозных стен выросли постоянные дворы, торговые дома, лавки и прочие спутники процветания. К началу 19 века эти бывшие казацкие форпосты превратились в крупные центры, одно существование которых как бы приучало местное население к мысли, что русские здесь вовсе не гости и даже не захватчики, а неотъемлемая часть Кавказа.

- По роду ремесла я решил посмотреть на распродажу лошадей, - рассказывал имеретин, - и вот, проезжая по главной площади, я стал свидетелем ужасной картины. У ворот гарнизона часовые грубо преграждали путь в город какому-то тщедушному на вид человеку. Казаки выталкивали его прикладами ружей. У этого человека был с собой мешок лука, он выронил его, и лук вывалился прямо в грязь. Лук-то этот, по правде сказать, был не слишком хорош на вид - видимо из прошлогодних запасов - но это же не повод бить человека!

Ахмет разделил его негодование, хотя для него в поведении солдат на Линии не было ничего удивительного. Между тем торговец продолжал:

- Человек этот ползал в грязи, собирая свой товар, но был так немощен, что ему это удавалось с трудом. Больше всего меня" поразило то, что никто не помог ему.

Ахмет удивился:

- Что ты имеешь в виду? Люди не осмеливались помочь?

- Я и говорю: это встревожило меня. Люди сновали там со всех сторон, а этот бедняга, тяжело охая, выковыривал лук из грязи. А потом я увидел его руки и понял, в чем дело.., - имеретин выдержал многозначительную паузу.

- Ну и что же было у него с руками? - спросил Ахмет больше из вежливости.

- Чума! Его руки были покрыты ужасными черными язвами, а рот запекся кровью. Страшная картина. Потом я услышал, о чем шепчутся вокруг и мне стало страшно. Ходят слухи, что уже много народа поражено этой болезнью. Она идет из Астрахани и достигла уже гарнизонов на Линии. Упаси Аллах, чтоб зараза проникла дальше. Мне все равно, сколько казаков вымрет от нее, быть может, Кизляр станет их общей могилой, но я, по крайней мере, надеюсь, что она не перекинется на этот берег реки!

Он схватил Ахмета за руку, и тот, при всей своей сдержанности и воспитанности, не мог не вздрогнуть при этом прикосновении - так велик был его страх перед этой болезнью.

- Чума! Еще в детстве, на Кубани, возле тех мест, где с болот полз тлетворный туман, порожденный нездоровыми испарениями, он слышал рассказы о болезни, что распространяется, как лесной пожар, и поражает целые деревни.

- Ты так хорошо разбираешься в зверях и травах... и вообще. Что ты думаешь об этом, Ахмет с Кубани? Как уберечься от заразы? Меня ждут торговые дела, но я не решаюсь ехать.

- Будь осторожней, когда ешь и пьешь. В толпе прикрывай рот и нос куском ткани, пропитанной уксусом. Это не даст проникнуть пыли в рот и ноздри, а с ней - и самой заразе. Это все, что я могу посоветовать...

- Спасибо, Ахмет с Кубани. Благодарю тебя за совет и надеюсь, что все это минует нас...

Вскоре гость ушел, но его рассказ запомнился Ахмету. Теперь же, несколько месяцев спустя, везя заболевшего Казбека домой, он не на шутку встревожился. Уже долгое время их жизнь здесь текла вполне благополучно, без потрясений, наверное, слишком долго. В последнее время, пользуясь тем, что гяуры были менее воинственны, горцы предприняли несколько походов вглубь занятой русскими территории - их целью были не сами крепости, а то, что находилось между ними. Они стремились ослабить русских, используя тактику двойного кольца: воины из Чечни - с одной стороны, кабардинцы - с другой. В это же время грузины брали на себя задачу блокировать русские войска, возвращающиеся из Грузии. Эта тактика принесла свои плоды, Ахмет не мог припомнить столь успешных операций против русских в те времена, когда ему было чуть за двадцать. Эпидемия может расстроить эти хорошо налаженные действия.

Груз пережитого тяжелым бременем лежал на душе Ахмета. Конечно, они немало "вынесла., но Ахмет был философом по натуре и сознавал, что не ему судить о тяжести отпущенных на их землю испытаний, о пределе своих сил и возможностей. Каждому человеку предназначено столько, сколько он должен вынести, ни больше, ни меньше. Он прошептал, затаив дыхание:

- Господи, если суждено быть беде, пусть добычей страшной болезни стану я, а не мой сын.

Было у него и еще одно, страшное желание, которое не решался произнести даже его тайный, внутренний голос. Ахмет не мог избавиться от греющей надежды, что мор будет выкашивать русских, а не адыгов. В этом имеретин, кажется, прав. Из местных крестьян заболевали только те, что общались с русскими. Ни из предгорий, ни из долин не поступало вестей о какой-либо эпидемии.

Ахмет не мог решить, стоит ли рассказывать кому-нибудь еще о своем разговоре с имеретином. У Цемы было полно дел с работниками и в саду, не считая забот о муже и сыновьях. Все сыновья были снова дома, рядом с ней, причем по традиции младшие сыновья не могли подыскивать себе невест, пока не женится старший, Казбек. Цема любила детей самозабвенно, и Ахмет решил сделать все возможное, чтобы ничем ее не огорчать. Возможно, ему следует поговорить с Мурадом, но ведь он тоже отец, и Ахмету не хотелось тревожить его без серьезных на то оснований.

С немалыми усилиями он уложил Казбека в постель: сгибаясь над лежащим навзничь в лихорадке сыном, он почувствовал, как «стреляет» в пояснице. Ему больно было видеть красивое сильное тело Казбека столь вялым и беспомощным.

Ахмет прошел на женскую половину.

- Думаю, Казбек перегрелся на солнце.- произнес он как можно более спокойным голосом.
-А, может, что-нибудь съел за обедом. Ох, я всегда говорю этой молодежи, что надо знать меру за столом. Так они совсем растолстеют, Цема! - Ахмет улыбнулся и ласково провел ладонью по щеке жены.

Много дней он ничего больше не говорил ей, но сам часто проверял состояние Казбека и с тревогой ожидал, не появятся ли страшные признаки. Состояние Казбека ухудшалось. Под мышками у него образовались опухоли с куриное яйцо, и он начал часто бредить. В спине, руках и ногах все время чувствовалась боль, сводившая его с ума. Он очень страдал, когда кто-нибудь входил в комнату и зажигал свет - это было, как удар кинжалом по глазам. Ахмет делал все, что было возможно в этих условиях: прокалывал опухоли, делал припарки и прикладывал к спине снадобья для снижения жара. Однако бред не прекращался. Поначалу служанки вместе с Цемой собирались у ложа Казбека, пели и хлопали в ладоши в надежде отогнать злых духов. Но, судя по всему, их песни не помогали больному, он лишь приподнимал голову и громко стонал. Наконец Ахмет выпроводил их из комнаты. Цема не хотела уходить и плакала, ибо женщина-горянка была твердо убеждена, что злые духи проникнут в комнату сразу же, как только Казбек останется один.

- Ему только хуже от этого, - сказал Ахмет.
- Лучше оставить его в покое, так он быстрее наберется сил...

Про себя Ахмет думал, что, чем меньше народу там будет, тем лучше, и вместе с тем ему не хотелось зря паниковать. Тем более, что для беспокойства еще не было серьезных причин: черные пятна не появлялись на теле сына, и в деревне больше никто не заболел.

Зашел проведать больного Мурад.

- Как дела, Ахмет? Казбек что-нибудь ел? Ахмет вздрогнул.
- Ничего за последние дни. Я тебе кое-что расскажу.
- Знаешь, Мурад, я крайне встревожен.

Мурад казался мрачным.

- Тебе тоже рассказывали? Про Кизляр?
- Так ты знаешь!

Да. Несколько казачьих станиц охвачены болезнью. Уже несколько месяцев.

- Может быть, это возмездие. Говорят, видели, как падучая звезда пролетела над Терекком. Не знаю, веришь ли ты в такие вещи...
- Трудно судить. Я знаю лишь одно: болезнь не различает друзей и врагов, богатых и бедных. Ей все равно, голоден человек или сыт, молод или стар. Так мне говорили.
- Слухи, домыслы! Единственное, что нам остается, это ждать.
- Ты не надеешься на лекарства? - удивился Мурад.
- Все, что я делал для Казбека, толку не принесло. Его болезнь мне неизвестна.
- Ладно, завтра еще зайду. Ахмет покачал головой.
- Думаю, лучше не стоит.

Мурад ничего не ответил, но про себя оценил заботу друга о его здоровье. Домой он отправился с тяжелым сердцем, сознавая, что ничем не может помочь, вынужден лишь удалиться и ждать.

Через десять дней состояние Казбека вдруг перестало ухудшаться, однако не было и улучшений. Всю ночь он блуждал между жизнью и смертью, то приходил в себя, то вновь терял сознание. Цеме не надо было объяснять, что наступил момент кризиса, самый решающий, когда Казбек либо победит болезнь, либо проиграет это сражение. Всю ночь она провела возле сына, а Ахмет не выдержал и заснул: страшная усталость сломила его - ведь теперь ему приходилось работать на поле за двоих.

На рассвете Цема разбудила мужа. Ее мягкие каштановые волосы обрамляли осунувшееся от невзгод лицо, и пряди их щекотали щеку Ахмета.

- Казбек очнулся! - горячо прошептала она.
- Он узнал меня! Думаю, самое худшее позади. Ахмет обнял ее и с усилием сглотнул, чтобы сдержать слезы. Потом он вскочил и бросился к постели сына. Казбек был бледен, как осенний рассвет, и очень слаб. Он был похож на человека, который после долгих странствий вернулся, наконец, домой, сильно изменившись.
- Ты так нас напугал, - сказал Ахмет, крепко пожимая его руку.
- Эти видения..., - слабо проговорил Казбек, моргая, будто они по-прежнему одолевали его. - Жуткие видения... какие-то чудища над моей головой. Кружат над водопадами крови... Кошмары, которые просто невозможно передать...
- Горячка мозга. Все кончилось, успокойся и забудь.

Ахмет тоже старался поскорее забыть эту историю, однако некоторое время спустя он понял, что Казбек, по сути, предсказал грядущие события.

Все вернулось в прежнее русло, и никакие беды более не посещали их дом. Ахмет с двумя младшими сыновьями не жалея сил трудился, убирая урожай. Казбек потихоньку набирался силы после болезни, начал понемногу помогать по дому. Но 16 один прекрасный день грянула беда. По деревне, словно саранча, стали распространяться слухи один страшней другого, и, подобно тому, как саранча пожирает растительность, эти слухи стали разъедать прежде спокойные души людей.

Слухи говорили, что среди кабардинцев появились первые заболевшие страшной болезнью. Эпидемия поражала наугад: старых и молодых, целые семьи и отдельных людей. Иногда человек заболел не сразу, первые опухоли появлялись в паху или под мышками. Заболевшие начинали бредить, все их тело скручивала жесткая боль, у некоторых появлялись страшные черные пятна, которых панически боялись - ведь одного прикосновения к ним было достаточно, чтобы заразиться. Между тем, заболевание обретало и иные ужасные формы: у некоторых горло так распухало, что люди мучительно умирали от удушья. Еще страшнее были рассказы о том, как замертво падали те, кто вообще не имел признаков болезни. Матери умирали внезапно, кормя грудью младенцев, или сидя возле своих занемогших родственников. Мужчины погибали прямо в поле или по дороге с рынка, куда они ходили за провизией для семьи. Смерть во сне считалась самой благой. Однажды Мурад, встретив Ахмета в поле, сказал:

- Эта напасть пострашнее вторжения русской армии. Люди теряют желание жить.

Да, люди запуганы и мучаются всякими подозрениями, - согласился Ахмет. - Я слышал, что в Кизляре грабят дома умерших, а потом умирают и сами воры, прикоснувшиеся к зараженным предметам.

Князь приказал, чтобы все приезжие поначалу держались на расстоянии, пока не выяснится, что человек не болен и что он не из зараженной местности.

Ахмет с сомнением покачал головой:

- Это мудрое решение, однако, я боюсь, что оно запоздало. Азамат сейчас гостит у своего аталика, и я, вот, думаю, не велеть ли ему вернуться домой...

- Пошли посыльного. Так будет лучше. Нам повезло: наши дома стоят на отшибе. - Хорошо, что мы живем тут, у реки, а не в самой деревне.

Ахмет последовал совету своего друга, но на следующий день увидел двух всадников, скачущих во весь опор к его дому. Еще издалека, едва они появились, Ахмет узнал знакомую фигуру Азамата. Он перехватил посыльного по дороге и они вместе возвращались назад.

- Отец! - его третий сын соскочил с лошади и подбежал к нему.

- Ахмет невольно вздрогнул. Азамат говорил, уткнувшись в плечо родителя:

- Они сами отослали меня домой! Они все заболели, это так страшно, отец! Деревня в страхе! Ров полон трупов... О, не могу тебе передать!

Ахмет держал сына, пока тот не успокоился. Ни один аталик не поступил бы так, если б не возникла крайняя опасность. Даже в случае начала войны аталик не отправил бы назад гостя, бывшего ученика. Ученик воевал бы бок о бок с учителем и разделил с ним судьбу. Эта же катастрофа оказалась сильнее даже вековых традиций.

- Быстро! - Ахмет прикрыл сына рукой. - Заходи в дом. Никто не должен видеть тебя или разговаривать с тобой. Нам нужно быть очень осторожными.

Азамат хорошо понял поведение отца:

Со мной все благополучно, отец. Не то, что с другими.., - он сдержал выступившие на глазах слезы. - Половина деревни моего аталика уже больна и умирает.

Мы должны помочь! - с болью воскликнул Ахмет. - Можем же мы что-то сделать!

" Он быстро завел Азамата в дом и позвал Цему., Та крепко обняла своего младшего, на миг забыв обо всем на свете. Выслушав его рассказ, Цема заметила:

- Я думаю, тебе лучше сейчас побыть вместе с Казбеком: вы оба пережили недавно смертельную опасность и победили болезнь. Но что делать с Анваром? О себе я не думаю, но Анваром рисковать не хочу... Он должен уехать до того, как болезнь доберется до нас.

- Она идет с того берега Терека, и наиболее опасны низкие места, заметил Ахмет. - Пусть Анвар отправляется в горы к своему дедушке мулле. Ему нравятся его родственники чеченцы. Там ему будет хорошо.

Вечером того же дня Анвар отправился в путь. Прощаясь с семьей, он вел себя довольно сдержанно. Это предусматривалось Хабзой адыгов.

- Вы посылаете меня в Чечню, заботясь о моем благополучии. Мне не следовало бы печалиться, но я печалюсь. - Анвар поцеловал мать, а отцу лишь поклонился, будто отказываясь допустить самую мысль, что видит родителей в последний раз. Из всех сыновей он был самым темноволосым, сдержанным и рассудительным, частенько мирил братьев и вообще всех подростков поселка. Трудно было себе представить дальнейшую жизнь без Анвара.

Но скоро без многих придется продолжить жизнь. Во время отсутствия Анвара произошло неизбежное. Эпидемия распространилась на Малую Кабарду и, наконец, достигла поселков князя Хапца. Кругом ходили самые ужасные слухи. Рассказывали, что в одном из поселков не осталось ни одного достаточно здорового крепкого человека, способного хоронить умерших или ухаживать за тяжелобольными. Кругом валялись неубранные трупы. В другом месте жители будто бы сошли с ума, они махнули на все рукой и предались безудержному пьянству, разврату, начали кровавое мщение тем, кого болезнь обошла стороной. Где-то еще местные священники начали внушать людям, что эта эпидемия - божья кара за грехи и что спасется лишь тот, кто будет истязать свою плоть. Эти проповеди породили волну безудержного массового самобичевания в одной из деревень, однако и это не остановило смерть. Стал уже привычным вид окончательно спятивших людей, которые взахлеб каялись в малейших своих грехах первому встречному, согласившемуся их слушать, в надежде спастись таким образом от смерти. Тем не менее, мало кому удавалось уцелеть.

Доходили сведения, что казачьи станицы и русские военные поселения пострадали не меньше кабардинских сел. Никто не знал наверняка, но ходили слухи, что от эпидемии пострадала четверть населения центрального Кавказа.

Ахмет отправился в аул посмотреть, как поживают его соседи. Мурад с сыновьями были еще живы-здоровы, однако князь Хапца и его первый советник Темиркан лежали в горячке. Другой живущий в этой деревне балкарец был поражен болезнью еще в более страшной форме.

Навещая своих друзей, Ахмет заметил какого-то незнакомца, который медленно ехал верхом через площадь. Это был высокий человек, его голова была обернута толстым полотном, огромная черная бурка скрывала фигуру. Он был похож на призрака смерти.

Ахмет направил винтовку на незнакомца:

- Стой! Не приближайся! Здесь эпидемия! Человек дернул поводья, чтобы развернуться лицом к Ахмету. Потом он поднял руки, защищая себя.

- Ахмет с Кубани! Ты помнишь меня? - крикнул мужчина. Голос его звучал очень знакомо. - Я твой заложник!

Это был не кто иной как князь Василий Васильчиков. Он прекрасно говорил по-чеченски.

- Какого дьявола ты тут делаешь! - воскликнул Ахмет, потом вдруг подался вперед:

- Господи, как там Анвар?! Эта проклятая болезнь достигла Чечни?

Васильчиков ухватил протянутую руку Ахмета:

- Не волнуйся. Анвар в безопасности, в горах заразы нет. Как раз тебя я и искал. Приехал, чтобы помочь.

Годы, проведенные в горах, превратили князя Василия из праздного существа, ведущего рассеянный образ жизни, в нечто совсем иное. Казалось, он стал выше ростом, ибо похудел, окреп в трудах. Выглядел бывший заложник теперь живым, подвижным, видимо потому, что черты его стали более определенными, если не сказать суровыми. Однако главное, что привело, к этой метаморфозе, был огонь его души: Васильчиков искренне полюбил жизнь в горах и ни о чем не жалел. Он был старше Ахмета на добрый десяток лет, однако внешность его лишь выиграла от воздействия суровой, окружающей среды, и он словно помолодел. Его глаза горели, а тело покрывал здоровый горный загар.

- Ты безумец, если приехал сюда! - воскликнул Ахмет.

- Вовсе нет, - серьезно ответил Васильчиков.

- Работа обещает быть интересной.

-А, говорят, мы - фаталисты! – рассмеялся Ахмет, и от собственного смеха у него зазвенело в ушах: давно он так не смеялся.

- Я все видел, - сказал Васильчиков. - По дороге сюда наткнулся на целые вымершие деревни. Стоят пустые, как призраки. Никого в поле, трупы валяются где попало. Скотина бродит сама по себе.

- Многие адыги считают, что это божья кара, что остается лишь смиренно принять посланное свыше.

- Ерунда! - запальчиво бросил собеседник Ахмета. - Если уж у нас, людей, есть мозги, то надо ими немного шевелить! Конечно, мне приходилось читать о чуме. Она неумолимо терзала человечество веками. Припоминается мне одна интересная деталь... Армия Кипчака в 14 веке заразила генуэзскую колонию в Крыму, подбросив в город трупы умерших от этой болезни людей.

- Недурная идея, а?

Ахмет и забыл совсем, как прекрасно образован князь Василий. Было странно видеть человека, столь легко и свободно рассуждающего о бедах прошлого, тогда как настоящее было столь ужасно и смертельная опасность обступала их со всех сторон. Все в Малой Кабарде жили одним днем.

- Ты хочешь сказать, что есть какое-то лекарство? - спросил с сомнением Ахмет.

- Нет, к сожалению, не хочу. Но ты можешь предпринять кое-что, чтобы попробовать пережить эту эпидемию. Надеюсь, ты сделаешь все, как я скажу... В конце концов, чего тебе терять-то, Ахмет?

- Нечего. Пошли, поздороваешься с Цемой.

- С удовольствием. У меня для нее подарки от отца.

Вечером заехал Мурад, и трое мужчин поужинали вместе. Цема сидела рядом, внимательно слушая их разговоры. Каждый раз, когда князь Василий поворачивался в ее сторону, его лицо озарялось восхищением. Цема была тронута тем, что такой выдающийся человек находит ее привлекательной даже сейчас, когда молодость уже давно прошла. Ее не пугала и собственная симпатия к русскому, ибо тот - человек выдающийся.

- Когда Анвар рассказал о вашей беде, я твердо решил ехать. Мы поселили его в твоём старом жилище, снабдили хорошим запасом продовольствия и оставили на две недели, но у него не было признаков болезни. Так что теперь он среди домашних муллы.

- Судьба хранит нас здесь, пока что мы не пострадали, - сказал Ахмет, умолчав, однако, о болезни Казбека. - За несколько недель никто не заболел. Но князь не уберется...

- Да, вас пока беда миновала. Но сейчас вам просто необходимо запереться в доме. - Запаситесь едой, питьем и следите, чтобы никто - я настаиваю - никто! - не навещал вас в это время. Слуги должны быть вместе с вами. Что толку запираеть семью, если слуги якшаются с кем заблагорассудится.

- Но что делать, если кто-нибудь заболеет и ему потребуется уход?

- Попроси разрешения устроить закрытую лечебницу. Все, кто почувствует хоть малейшее недомогание, должны сразу же помещаться туда. В лечебнице буду работать я сам и те, кто добровольно захочет мне помогать. Видишь, к одним чума не пристаёт, другие заболевают. Я знаю это из книг, написанных в Европе о чуме.

- И что делали там? - спросила Цема с большим интересом.

- Если появлялся больной, всех запирали в доме, а у двери ставили охранника, и те, кто был внешне еще здоров, убегали и скрывались, бросая заболевших родственников, не сознавая того, что разносят инфекцию по всем тем местам, куда их приведет судьба.

- Нет, у нас такого не бывает, - испуганно вставила Цема.

Васильчиков покачал головой:

- Чума - это как пожар. Люди по-разному чувствуют себя в это время. Некоторые мужчины и женщины месяцами ухаживают за больными - и хоть бы что.

- Стало быть, ты считаешь, что больным и здоровым нужно жить отдельно с самого начала? - уточнил Мурад.

- Да. Я хочу посоветовать вам не слишком обращать внимание на внешние формы болезни, чума принимает разные обличия. Если появившиеся на теле волдыри лопаются, у больного есть шанс выжить. Если поражены легкие, это признак того, что болезнь быстро перекинется на других. Если же мы имеем дело с чумой, не имеющей внешних проявлений, без опухолей и поражения легких, то у больного нет никаких шансов. Со стороны ничего не заметно, однако конец приближается стремительно. Можно умереть за один день, и даже за несколько часов.

Наступила тишина, все обдумывали услышанное. Цема прикрыла глаза и принялась мысленно молиться, благодаря Аллаха за то, что болезнь Казбека оказалась легкой и что чутье помогло Ахмету выбрать правильное лечение.

- А почему Ахмет не заболел?

- Трудно сказать. Может быть, именно потому, что он лечит животных и людей и потому лучше защищен от недуга. Надеюсь, что это относится и ко мне, -.. Васильчиков уверенно ухмыльнулся. - Иначе меня бы не было здесь сейчас. Кроме того, я хочу наблюдать за развитием событий. Чтобы помогать другим, нужно тщательно изучать происходящее.

- Знаешь, я протираю руки уксусом, - заметил Ахмет. - Это отбивает запах животных, а, может быть, имеет и другие свойства. Так делала когда-то моя мать. Она научила меня приготавливать лекарства из целебных трав.

- Все это полезные вещи, и они, конечно, вселяют надежду. Но нужно учитывать и другое, - продолжал князь Василий негромко.

Все внимательно слушали его.

- Вам следует назначить специальных людей, которые бы присматривали за больными и не пускали их бродить по деревне. Затем нужно проверить каждый дом и убедиться, что там не держат зараженных.

- В этом нет необходимости, - прервал его Мурад. Наши Хабза строго запрещают идти против воли старейшин, а я уверен, что старейшины последуют твоим советам, Василий.

- Я провожу тебя к моему отцу, князю.

- Нет, ты опять забываешь, что я сказал. Никаких посещений. Ты подвергнешь себя опасности. Я займусь лечением твоего отца. Его надо срочно перевезти в закрытую лечебницу.

Мурад закрыл лицо руками. До него вдруг по-настоящему дошел страшный смысл всего сказанного Василием. Здоровье и тело князя Хапца были хрупкими и уязвимыми. Ему было за восемьдесят. Слабый организм не мог как следует бороться с заразой, и надежда, что князь выживет была невелика.

- Сторожей надо набрать из надежных добровольцев, - невозмутимо продолжал Василий.

- Если они согласятся помогать больным, то жить им следует отдельно от семей до тех пор, пока опасность не минует. Поначалу следует попросить их вырыть большую яму.

- Сколько жителей в деревне?

- Около четырехсот, - машинально проговорил Мурад.

- Ну, значит яма должна быть рассчитана человек на восемьдесят.

- Ясно, - Ахмет с Мурадом переглянулись.

- Я пойду добровольцем, - заявил Мурад.

- Я тоже, - поддержал Ахмет, но его голос тут же потонул в страшном крике Цемы:

О, нет! Нет!

Ей казалось, что Ахмет подписывает себе смертный приговор. Много раз она отправляла его на войну, но эта его жертва была совсем другой.

Ахмет обнял ее:

- Тш-ш! Жена! Оставь нас одних. Ступай, поговори последний раз с Мединой и объясни, что нужно делать. Только так некоторым из нас удастся выжить. Давай!

Однако Васильчиков остановил Цему, взяв ее за руки:

- Не ходи к Медине. Лучше приляг. Я не могу сказать точно, сколько времени все это продлит, - честно признался он. - Некоторые эпидемии длились помногу месяцев - шесть, семь, восемь... Эта тема, между прочим, всегда сильно занимала меня, и еще мальчишкой я перечитал про эпидемии все, что мог. Думаю, что все, предложенное мною, - лучший способ выжить для вашей семьи, сударыня. Цема немного успокоилась:

- Раз уж Ахмет решил помогать людям, я буду делать то же. Помнишь, как я выхаживала раненых вместе с тобой, поляк Тадеуш? Ты спас жизнь многим моим соплеменникам-чеченцам: У меня есть дети, и я сделаю все возможное, чтобы они выжили. Когда потребуется, я буду помогать тебе ухаживать за больными.

Все трое были восхищены этими словами. У Цемы было сердце воина и душа женщины-горянки: лучшие качества брата и отца соединились в ней с женским чутьем и нежностью. Мужчина может пожертвовать собою в бою, женщина дарит свою жизнь иначе.

Цема пожелала всем доброй ночи и удалилась. Мужчины в деталях обсудили сложившуюся ситуацию и разошлись подавленными.

Чума опустошила низины Малой Кабарды свирепее, чем любое вражеское войско. Последствия ее были более губительны, чем вторжения Золотой Орды - татаро-монгольского ханства. Тогда, в 13 веке, орды, пришедшие из Азии, катились по степям, сокрушая все на своем пути. Тогдашние потери несопоставимы с уроном от нынешнего врага - армии могущественной Российской империи. Пустели целые деревни. Некоторые поселения, впрочем, остались почти невредимы - ми. Тысячи жертв - казаки, черкесы, русские находили последний приют в общих могилах.

В течение многих месяцев Василий со своими добровольцами помогали выжить народу князя Хапца. И вот настал печальный день похорон старого князя, отца Мурада. Несмотря на протесты Мурада, эта скорбная церемония прошла без соблюдения обычного ритуала: мулла не пришел отпевать усопшего, не пришли другие князья и знатные люди, чтобы отдать последние почести. Этот великий человек ушел незаметно, как простой селянин, и его сын Омар принял бразды правления без всякой торжественности.

- По крайней мере, он умер, зная, что в семье его мир и покой, - сказал Ахмет Мураду, утешая друга. - Он видел внуков. Род его продолжается.

- Надо молиться, чтоб так оно и было дальше, - смиренно ответил Мурад.

После этого он с утроенной энергией стал ухаживать за больными. Это был единственный способ смягчить боль утраты.

В палатке, где располагалась лечебница, Василий хранил бутылку с уксусом. Он постоянно мыл уксусом руки и использовал его для снижения жара у больных. Ночью он спал рядом с Ахметом и Мурадом, укрываясь куском полотна. Цема с сыновьями по-прежнему сидела взаперти вместе со всеми слугами, они лишь ухаживали за скотом и никогда не покидали жилья.

Аул производил гнетущее впечатление: иногда в полдень было так же пустынно и тихо, как в полночь.

- Обещай мне одну вещь, Василий, - сказал как-то Ахмет, когда они несли очередного больного на самодельных носилках. - Обещай мне, что не разрешишь Цеме помогать тебе.

- Я буду работать день и ночь, но не допущу, чтобы и ее жизнь подвергалась опасности.

Василий отвел глаза:

- Надеюсь, этого не понадобится. Справимся сами. Ахмета беспокоило, хватит ли съестных припасов. Селяне держались пока на сухом хлебе, соленых овощах из старых запасов и коровьем молоке. Те, у кого были козы, находились в лучшем положении. Люди не одалживали еду друг у друга, боясь заразиться.

Молва о лечении, применяемом князем Василием, расходилась во все концы. Кабардинцам, приезжающим в гости, давали от ворот поворот, и они уезжали с разным настроением: кто недоволен, ворча, кто с пониманием, одобряя эти меры. Несколько соседних аулов последовали этому примеру с большим или меньшим успехом. В

некоторых местах чума проникла уже так глубоко, что было мало надежд остановить ее разрастание. Там, где дома стояли близко друг к другу и было очень трудно избежать общения между жителями, болезнь распространялась очень быстро. Кабардинцы придумали даже специальное слово «ямина» для обозначения страшной болезни, и оно тут же пополнило словарь ругательств. «Чтоб тебя ямина забрала», - это было самое ужасное пожелание.

Васильчиков старался, как можно тщательнее записывать свои наблюдения. Его теории подтверждались: выздоравливали только те, у кого болезнь проявляла себя вздутиями на теле. Прочие виды чумы неизбежно вели к гибели. Прошло несколько месяцев, прежде чем, наконец, смерть начала отступать. Через пять месяцев число заболевших уменьшилось с десяти до трех-четырех в неделю:

Семьи Ахмета и Мурада не пострадали. Наконец, наступил день, не принесший ни одного нового заболевания, и Васильчиков заявил:

- Думаю, что чума выдохлась. Уже три недели, как мне ясно, что развязка близка.

Старцы подсчитали, что ямина унесла половину кабардинского населения, - грустно сказал Ахмет.

Васильчиков же считал про себя, что эта цифра не столь удручающа. В медицинских трудах об эпидемии чумы в прошлых веках он читал, что были времена, когда вымирали две трети населения.

В общей могиле за деревней покоились тела сорока двух умерших сельчан. По сравнению с другими областями Малой Кабарды это казалось просто чудом.

Палатку, где была лечебница, князь Василий сжег вместе со всем скарбом. Потом сел у реки, раскуривая трубку. Стояла осень, самое красивое время на Тереке. Кругом цвели крупные колокольчики ростом по пояс, ирисы высились, как копыя. Земля затаилась, притихла, и эта тишина казалась гулким эхом пронзительного крика. Минувшие страшные дни оставили свой отпечаток и на земле. На том берегу Терека в голубом мареве полуденного зноя Василий видел линию казацких дозорных постов и отряд русских кавалеристов, направляющихся на маневры. Можно себе представить, как свирепствовала чума в тесных грязных казармах. В Кабарде, по крайней мере, воздух был напоен сладкими запахами трав и цветов. Там, в горах, князь думал о Боге чаще, чем здесь, в низине, там само общение людей носило божественный отпечаток...

Близость к своим вызвала у него чувство острой тоски. Кроме того, вчера вечером Ахмет уехал домой. Эту ночь - первую за много месяцев - он впервые провел один. Василий почувствовал себя постаревшим, измученным и очень одиноким. Пора было возвращаться домой. Лучшие годы своей жизни он посвятил этим людям - чеченцам и адыгам. Все это время он работал, не покладая рук, изучал язык и медицину с большой пользой для себя. Его душа была полна, но в сердце закрадывалась пугающая пустота.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Юлиус фон Клапрот приехал во дворец князей Васильчиковых в Санкт-Петербурге ровно к шести вечера. Утомленный этим большим городом, он удивился тому, что привратник не распахнул перед ним двери, услышав стук шагов. Погода, видно, была виновата: на дворе стояло лето и слуги, сморенные первой жарой, передвигались довольно лениво. Это неудобство лишь усилило желание фон Клапрота поскорее покинуть столицу, и в этом он был солидарен со многими, однако он, в отличие от многих, намеревался отправиться на юг.

Фон Клапрот обмахнул шляпой лицо и дернул за ручку звонка, с нетерпением вслушиваясь в гулкое эхо просторной прихожей, отделанной мрамором. Он нервно

теребил пальцами свой стоячий воротник и подумывал уже, не зря ли отпустил экипаж. На лбу уже начал выступать обильный пот. Клапрот вытер лоб, стараясь сохранить самообладание, и позвонил еще раз. Было удивительно, что он вообще дал себе труд захватить.

От ветеранов Кавказа он уже вдоволь наслушался рассказов о тамошней жизни и этот визит был последним, который он предпринял исключительно из вежливости. Генерал-бригадир Комаров был хорошо известен при дворе и пребывал в фаворе у императора Александра Павловича, сторонника политики экспансии, поэтому Клапрот решил начать свою миссию, отдав дань приличий столь влиятельным лицам. В делах службы он был весьма щепетилен и всегда старался соблюдать правила, хотя встречи и общение подобного рода были для него самым утомительным занятием.

Император Александр Павлович был человеком неглупым и предприимчивым, не то, что его отец и предшественник Павел Петрович, невзрачный, трусливый и самый некрасивый во всей Российской Империи. С военными Павел обращался, как с оловянными солдатами, обрядил их в парики с косами, чулки, треуголки и галуны. Павел сдал все позиции, завоеванные его матерью Екатериной на юге, и большую часть того короткого срока на троне, что отвела ему судьба, прозябал в Михайловском замке, раздумывая о том, сколько еще сможет продержаться. Клапрот слышал, что Павла убили в его собственной спальне заговорщики во главе с премьер-министром графом фон Паленом. По сравнению с отцом, император Александр казался просто либералом и пользовался любовью, как армии, так и народа. Его победы над тираном Наполеоном выглядели замечательным триумфом нового властителя. Популярности он себе прибавил еще и тем, что вернул ко двору и восстановил привилегии бывших екатерининских любимцев, в их числе оказался и славный герой Аустерлица генерал Алексей Петрович Ермолов.

Отчасти по его, Ермолова, рекомендации Юлиуса фон Клапрота наделили высочайшими полномочиями изучить жизнь народов Кавказа. Ермолов любил немцев и частенько публично сожалел, что сам не родился немцем. Вместе с австрийцами ему довелось воевать против французов, и в ходе этих баталий он не раз встречался с высшими чинами немецкого командования - союзниками австрийцев, и те неизменно восхищали его. Клапрот, со своей стороны, давно уже мечтал посетить Россию, и однажды ему удалось получить приглашение на прием в честь Ермолова в Берлине. Таким образом Клапрот надеялся осуществить свои планы. Начинания, не освященные высочайшим одобрением, не привели бы ни к чему хорошему: Александр Павлович был известен не только как либерал, но и как человек, часто меняющий политические пристрастия. Верный способ обрести высочайшее покровительство - попасться на глаза кому-нибудь из царских любимчиков. Те края, куда хотелось отправиться Клапроту, были ареной непрекращающихся военных действий, поэтому его просьба имела реальную почву.

Ермолов и Клапрот, люди примерно одного возраста, быстро раскусили друг друга и поняли, что их объединяет одно общее свойство - честолюбие. Что же касается внешности, то было трудно отыскать двух более несхожих людей. Ермолов был настоящим гигантом с крупной «львиной» головой и громовым голосом. Вместе с тем он был очень умен и сразу понял, что Клапрот тоже отнюдь не дурак. Высокий, худой, со шрамами на щеках - следами былых студенческих дуэлей - профессор Клапрот обладал сухим, трескучим голосом и типичной немецкой натурой: Причудливой смесью объективности и неистовой энергии в достижении поставленной цели. Сейчас им владела идея увидеть своими глазами воинственные племена Кавказа, изучить их уклад и язык. Клапрот буквально бредил горами, где еще сохранились элементы языков всех известных цивилизаций. Считается, что сорок, пятьдесят, а, может быть, и более сохранившихся там языков представляют собой реликтовые остатки давно исчезнувших культур. Это же рай для лингвиста... Ермолов слушал немца и в голове у него выстраивался определенный план действий. После этого разговора было послано несколько писем и вот, наконец,

Клапрота пригласили ко двору императора Александра I. Именно Ермолов подсказал императору идею направить в эти края своего личного ученого, а не довольствоваться данными, поступающими из Академии Наук в Санкт-Петербурге или Военной Коллегии.

Само собой разумеется, что теперь, когда Клапрот получил полномочия из рук самого императора, задачей Ермолова стало обеспечить удачное выполнение этой миссии.

И вот теперь Клапрот стоял у этих величественных дверей с рекомендательными письмами в кармане, изнывая от майского зноя и мечтая лишь о том, как бы поскорее покончить с этими докучными церемониями. За время пребывания в Петербурге Клапрот убедился в том, что Ермолов вынашивает серьезные планы в отношении кампании на юге. В частности, он пообещал профессору солидное вознаграждение, если тот вернется с важными сведениями, которые помогут осуществить эти планы. Ермолов был просто вне себя от ярости, когда Александр подписал с Турцией мирный договор, фактически сводивший на нет все то, что Потемкин принес в дар Екатерине. Нужно лишь подождать, пока союзные войска окончательно разделаются с Наполеоном, а потом уж он, Ермолов, всерьез возьмется за расширение и укрепление российских границ на юге. Занимаемое положение давало ему реальную власть и силу внутри империи, но чтобы получить возможность командовать на Кавказе, и, более того, вести там боевые действия по своему усмотрению, потребуется преодолеть сопротивление дворцового окружения императора. Если это удастся он получит лестную возможность начать свою «частную» компанию на юге, и это станет достойным продолжением его карьеры после завершения войны в Европе.

В данный момент, однако, вся русская армия была занята в борьбе с захватчиком Наполеоном. Клапрот считал, что нынешнее лето - удачное время для поездки на Кавказ. Боевые действия там ведутся очень вяло, так как войска оттянуты на русско-французский фронт. Лишь самый захудалый из генералов может прозябать сейчас на Кавказе, в то время как славные военачальники могут стяжать лавры победителя на западе. Нынешний главнокомандующий Ртищев казался человеком слишком уж деликатным и гуманным, а значит - малопригодным. Боевые действия текут вяло, повсеместно вспыхивают очаги повстанческой борьбы, так что у Клапрота были все основания опасаться за свою жизнь. Он мог бы стать академиком, но он был также и немецким аристократом, а это означает, что из него мог бы выйти прекрасный армейский офицер, если б не другие интересы.

Наконец дверь отворилась, и Клапрот увидел графиню Софью собственной персоной, рядом стоял привратник и широко улыбался. Немец даже опешил от такой фамильярности.

- Добро пожаловать, барон фон Клапрот, - любезно проговорила графиня Софья, беря его за руку решительным жестом. - Я слышала, Вы едете на Кавказ и пришли, видно, заглянуть в наши головы.

Клапрот промямлил невнятно, что он еще не барон, до тех пор, пока жив его отец, и вообще, он далек от мысли заглядывать в голову женщины. Он ведь, между прочим, преподавал в замечательных университетах в Тюбингене и Гейдельберге, и за все тридцать лет его изысканий в области языков, политических наук и социальных теорий женская голова никогда не становилась предметом изучения.

- Хочу сразу предупредить Вас, - проговорила графиня Софья, ловко направляя гостя в небольшую переднюю, - что, коль скоро мой кузен Васильчиков станет проситься сопровождать Вас на Кавказ, ни под каким видом не соглашайтесь.

Статная графиня была чуть выше Клапрота, но будь она и на локоть ниже, он этого бы даже не заметил. Поднимаясь наверх, он старался не думать о пустяках и ничего не ответил.

Софье не понравилась его молчаливость.

- Кузен несносен, - коротко добавила она. - Он вернулся совсем другим человеком, и, я надеюсь, Вы не поддадитесь искушению и не согласитесь на его предложение, что, может быть, и заманчиво, но вредно для него самого.

Я надеюсь быть принятым Вашим мужем, - несколько сухо заметил Клапрот, хмурясь и осматриваясь с подчеркнутым безразличием. - Разве не он командовал войсками в тех краях? Графиня Софья улыбнулась:

- Совершенно справедливо. Но мой кузен жил среди горцев много лет и вернулся лишь несколько месяцев назад.

Эта новость поразила Клапрота.

- Неужели? Был в плену? Счастливчик, что удалось бежать...

С лица Софьи не сходила загадочная улыбка, и это стало раздражать немца.

- Нет, он жил там добровольно. Изучал чеченский и кабардинский диалекты. Подружился со многими туземцами.

Фон Клапрот не посмел сделать Ее сиятельству замечание о том, что она употребила слово диалекты вместо слова языки. Это говорило о том, что ее кузен не слишком преуспел в лингвистических изысканиях. Кабардинский и чеченский языки не имеют между собой ничего общего.

- Буду очень рад познакомиться с ним, и, уверяю Вас, я весьма ограничен в средствах, по этому об увеличении состава экспедиции не может быть и речи.

Немного успокоившись от этих слов, графиня Софья ввела Юлиуса фон Клапрота в гостиную дворца своего кузена.

Войдя туда, Клапрот сразу понял причину натянутой улыбки на губах графини. Князь Василий Васильчиков, безусловно, был некогда человеком очень видным. Он был хорошо сложен и совсем не сутулился, как многие немолодые люди, не имеющие за плечами военной службы, но вместе с тем был как-то пугающе худ. Лицо его имело вид необычный: оно было сплошь изъедено глубокими рытвинами, оставшимися на память от оспы и лихорадки, и напоминало изъеденное паршой яблоко. На этом лице, выдубленном солнцем и ветром, сияла пара неистовых глаз. Рядом с ним генерал Комаров выглядел добродушным седым дородным старичком, хотя Клапрот был достаточно наслышан о том, что в лучшие годы «старичок» был умелым воином и жестким командиром.

- Пожалуйста, барон фон Клапрот, садитесь,- проговорил князь Василий с холодной вежливостью.

Комаров казался более заинтересованным:

- Итак, Вы отбываете через несколько недель..., - его голос звучал все так же твердо и уверенно.

Каковы цели поездки?- спросил князь Василий без предисловий.

- В моем письме объяснено...

Комаров подался вперед:

- Мы знаем, что сказано в вашем письме, мой дорогой барон. Мой кузен просто хочет понять ваши истинные намерения, подвигшие вас отправиться в те земли.

Клапрот понимал, на что они намекали, некая дилемма встала перед ним. Он должен был собирать сведения разного рода, в противном случае ему закроют доступ к тем людям, в коих он был жизненно заинтересован. Ему было неловко расспрашивать о планах русских в этом районе, ведь он был ученым, однако Клапрот сознавал, что для Ермолова могут оказаться очень полезными доставленные им сведения. В бумаге, содержащей полномочия, предоставленные профессору государем, даже указывалось, что он может вступать в сношения по своему усмотрению. Это означало: подыскивать и рекомендовать местных князей или вождей племен, с которыми царские наместники могли бы в будущем «иметь дело».

Клапрот тщательно подбирал слова:

- Я намерен изучать языки и обычаи народов, населяющих эти места. Мне кажется, что большой вред наносят местным жителям все те, кто под знаменем «прогресса» стремится нести туда цивилизацию, не считаясь с их традициями и желаниями.

- «Цивилизацию»? Вы имеете в виду колонизацию? - спросил Васильчиков.

- Видите ли, я - немец, профессор лингвистики, а не военный агент.

- Там полно болезней. Достаточно одному человеку завести туда новую болезнь, чтобы вымерла вся округа. Я видел, как это происходит.

Клапрот был явно озадачен этими словами. Это уже не имело отношения к лингвистике.

- Вы были там в прошлом году? Во время эпидемии?

- Да. Четверть населения Малой Кабарды вымерло. Когда я вспоминаю о чуме, господин барон, теряю способность выражаться изысканно.

Клапрот сделал вид, что не понял, и сидел, невозмутимо изучая кончики своих пальцев. Атмосфера накалялась от чувства скрытого недоверия.

Комаров вновь вступил в разговор:

- У кузена есть связи в этом районе, и он с удовольствием даст Вам рекомендательные письма, но только если.., - он сделал паузу, не будучи в состоянии подобрать нужные слова. - Черт побери, Василий, на чьей ты стороне? - проворчал он, резко перейдя с немецкого на русский, обращаясь к князю. - Когда умерла императрица, все мои проекты о продвижении пошли прахом. После того, как на трон вошел Александр Павлович, появилась призрачная надежда, что Военная Коллегия даст мне новое назначение, однако твоя дорогая родственница высунулась с пламенными речами в защиту туземцев, и снова все рухнуло!

Теперь настала очередь Софьи:

- Вы можете курить, - спокойно сказала она.

- Профессор Клапрот, я прошу Вас извинить моего мужа. Нелегко это вынести, когда заслуженного офицера несправедливо отстраняют - и это после того, как он чудом выжил после ужасной раны, которая до сих пор дает себя знать.

- Несварение желудка и ничего более, - прервал ее Комаров.

- Война в Европе набирает силу, господин Клапрот, несмотря на усилия со стороны Его Императорского Величества на юге. Государь намерен - и я его в этом всячески поддерживаю - укрепить южные границы с сопредельной Турцией и Ираном. Вы очень смелы, если не сказать, безрассудны, отваживаясь ехать туда в это смутное время.

Фон Клапрот чувствовал, что князь Васильчиков все еще сомневается в чистоте его помыслов, но не был уверен, стоит ли его разубеждать.

- Мне сказали, что Вы некоторое время жили на Кавказе, - вежливо проговорил он. - Вам удалось научиться говорить на каком-либо из горских языков?

Князь Василий смерил немца холодным взглядом, причем весьма вызывающим.

- Татарский, кабардинский, чеченский... Немного знаю осетинский, балкарский и суанитский. Все знания я определенным образом кодифицирую

Клапрот вновь занялся кончиками пальцев, однако было ясно, что на этот раз он потерпел истинное поражение. Выходило так, что его работу уже выполнил другой!

- В Чечне я прожил около двадцати лет в качестве лекаря, и я был им другом. Потом, перед возвращением в Петербург, несколько месяцев провел в Кабарде. Когда-нибудь я напечатаю мемуары, однако Вам не стоит беспокоиться, cher professeur: то, о чем я напишу, не поможет осуществлению целей Его Императорского Величества... - князь подался вперед, - ... потому, что я считаю эту кавказскую кампанию язвой, злокачественной опухолью. Это гнойник на теле матери-России, и он не рубцуются. Всякая попытка вскрыть его лишь усугубляет положение, нарыв растет. И это естественный процесс. Положение безнадежно именно потому, что опухоль питается за счет тела. Она не может без него жить. Нужна кровь... Я лекарь, мои сравнения скорее вызовут у вас отвращение, а не разъяснят дело.

Комаров встал и предложил Клапроту сигару:

- Предупреждаю Вас, барон, что взгляды нашего кузена, князя Василия непривычные и самые крайние. Лично я полагаю, что Кавказ должен быть наш. Не думаю, что это такая уж неприступная твердыня, говоря военным языком, этим краем следует овладеть, но я, право же, не понимаю, почему эта задача оказалась такой нелегкой. Видит Бог, там было достаточно умелых генералов.

- Но никто не был так хорош, как наш батюшка! - иронично вставил Василий. Войска Ермолова обожают его. В этом-то все и дело. В Москве за него многие, но старая гвардия из окружения государя здесь, в Санкт-Петербурге, менее сговорчива. Чувствуете, куда Вы попали, господин барон?

Клапрот кивнул с удрученным видом:

- Да, конечно. Но..., - как он мог объяснить, что его личные мотивы были беспорочны? Он преследовал лишь собственные «политические» интересы...

Князь Василий рассмеялся:

- Но Вы все равно поедете. Вы охвачены романтическим порывом! Пока что у Вас лишь смутное представление о Кавказе, господин Клапрот. Горцы - люди сложные и непредсказуемые. Они живут, замкнуто, проникнуть к ним нелегко.

- Но у Вас, должно быть, есть там друзья, - если требовалось, Клапрот мог переступить через собственную гордость, ради достижения цели он готов был и ползать в пыли.

Князь вскочил и принялся быстро расхаживать по комнате. Эти разговоры о Кавказе всколыхнули его память, и из нее стали выплывать яркие картины былого: и страшные, и идиллические.

- Я дам Вам рекомендательное письмо.

Васильчиков сел за бюро и начал быстро писать. Комаров был доволен. Действия князя заставили и его вновь вспомнить о крае, который он так любил:

- Должен признаться, господин барон, что завидую Вам. Эта местность совершенно особенная: потрясающая природа, верная дружба, свободная и простая жизнь. Эти горцы, конечно, дьявольский народ, но я их тоже полюбил. Вот я приведу вам один пример...

Комаров достал сигару, и Клапрот сразу как-то обмяк: сейчас последуют воспоминания еще одного опытного боевого коня. За последние несколько недель он вдоволь понаслушался таких историй.

- В восемьдесят пятом году я был на Линии, находился в казачьем лагере с секретной, надо сказать, миссией... И вот орда чеченцев свалилась на нас, будто с неба, и разнесла станицу на куски. Крики же они издавали, доложу я вам, жуткие - ну прямо как волчий вой. Увели у нас всех лошадей, более пятидесяти человек порубили, а меня полоснули по животу. Если б не князь Василий, я умер бы от этой раны. Смелчаки!

Они просто сумасшедшие! Соотношение сил было, самое меньшее, один к трем, примерно двадцать их против наших ста! Никогда не забуду лица этого злодея, черт его подери! Но это одно из самых замечательных лиц, которые я когда-либо видел. - Генерал тяжело перевел дух.

- Жаль, что так вышло.

Князь Василий подал Клапроту бумагу со своей печатью:

- Покажете это людям князя Хапца. Вас хорошо примут.

Шампанского! - Комаров резво вскочил на ноги, несмотря на свою ставшую уже привычной ленивость. - За удачное начинание, господин барон!

К разговору присоединилась и графиня Софья:

- Передайте, пожалуйста, генералу Ртищеву наши наилучшие пожелания. Я хорошо знаю его жену Василий поднял бокал:

- Только не вздумайте вступать с Хапца в какие-нибудь переговоры, - заявил он, криво усмехаясь. - Никакого содействия не ждите, если будете настаивать.

Клапрот вспыхнул и пролепетал, заикаясь:

- У меня и в мыслях не было...

- На Кавказе у вас будет много всяких мыслей... Черкесские женщины, например, весьма обворожительны, - ехидно вставил Комаров.

- Там можно отлично поохотиться... - добавила графиня. - Я так и делала, пока генерал не получил свою рану.

Это замечание сразу заставило Комарова замолчать: ему не нравилось когда напоминали о прежней славе и о крушении всех надежд. Ведь теперь ему приходилось жить во дворце своего кузена на положении бедного родственника, имеющего богатое прошлое, но никаких надежд на будущее. Нелегко было переносить это состояние.

- Доброй ночи, профессор. Bon voyage. – Князь поднялся, аудиенция была окончена. - К Кавказу нужно относиться очень осторожно,- заметил Васильчиков. - Пребывание там изменит Вашу жизнь, так произошло со многими. Теперь же, прошу прощения.., - он поставил бокал с шампанским на столик и направился на свою половину, где находилась его любимая библиотека.

Фон Клапрот был разочарован тем, что князь Васильчиков не пожелал поделиться с ним своим опытом более щедро и не дал советов. Барона оскорбило столь пренебрежительное отношение к его персоне.

- Сейчас князь работает над сборником чеченских преданий, - доверительно поведала барону графиня Софья при прощании. - Они поразительно хороши. Я все уговариваю его издать их. Частным образом, конечно. Но он и слушать не хочет. Надеюсь, что уговорю в конце концов.

Графиня одарила Клапрота величественной улыбкой, но тот был так зол, что не мог даже толком попра>цаться. Еще бы! У него появился такой сильный соперник в изучении Кавказа. Теперь ему следует действовать быстро и первым сдать напечатать свою рукопись, издать ее официально, через Российскую Академию в Санкт-Петербурге. К тому времени никто уже не обратит внимания на князя Васильчикова - ни академики, ни политики.

* * * * *

Казбек выводил коня из загона, а старый преданный слуга Хашим тем временем прилаживал к упряжи последние украшения.

- Сегодня он в отличной форме, Казбек, - с гордостью проговорил слуга, проводя рукой по лоснящейся шее жеребца.

- Да уж, надеюсь, сегодня он себя покажет. Надо победить.

- Удачи, хозяин! - Хашим шлепнул ладонью по крупу, и жеребец пустился галопом к месту состязаний.

Казбек пустил коня во весь опор: нужно было разогреться перед скачками. Он скакал вдоль реки, вдыхая сладкие запахи погожего летнего денька. Это была та самая дорога, по которой его семья когда-то впервые приехала сюда, во владения князя Хапца, та самая, по которой добрался сюда и русский Василий, спасший их от эпидемии. Со времени его отъезда в деревне многое изменилось. Жители упорно трудились, стараясь как можно быстрее избавиться от последствий опустошительной чумы. Рос табун его отца, в этом году поля дали первый добрый урожай. Число жителей аула значительно возросло. После того, как болезнь выдохлась, немало семей хапца из тех деревень, что пострадали сильнее, перебрались сюда, под защиту нового князя Хапца Омара, старшего брата Мурада. Чем больше семей, тем, разумеется, больше домов и возделанных земель.

Еще издали Казбек увидел большую толпу собравшихся на лугу у Терека. В честь праздничной пятницы люди нарядились в лучшие одежды. Все ждали начала больших скачек. С соседями и дальними родственниками набралось много сотен человек. Да и как было не радоваться: теперь можно было безбоязненно собираться множеству людей, свободно переезжать с места на место, не боясь губительной заразы. Уже год как чума оставила их край.

Самым серьезным соперником Казбека на сегодняшних состязаниях будет любимый племянник князя Джафар, который, был старше Казбека на пять лет. Это был красивый статный мужчина возрастом слегка за тридцать, и он был единственным из людей Хапца,

кто был почти равен Казбеку в мастерстве верховой езды. Однако конь Казбека, взятый из конюшен отца, был лучше.

Казбек прикрыл глаза рукой от солнца и увидел, что и его отец, и князь Мурад заняли свои места среди остальных кабардинских уорков на специальном помосте рядом с почетными гостями. Разноцветные флажки, укрепленные по краям навеса над их головами, весело полоскались на ветру, а шелковые подушки, предложенные гостям, переливались на солнце. Этот праздник постарались устроить со всей подобающей пышностью. На площадке перед помостом уже собирались остальные участники состязаний, располагаясь вдоль линии, которая обозначала одновременно и начало, и конец дистанции. Соперникам предстояло сделать один круг по полю длиной в две с половиной версты.

Казбек пересек поле и поклонился старшим. Ахмет с одобрением отметил, как красива посадка Казбека в седле и как ладно подогнана упряжь его любимого жеребца - зрителям было на что посмотреть.

Казбек глянул в другую сторону, где сидели русские. В центре всей группы выделялись трое: один был одет в зелено-голубую форму, блестел наградами и галунами, двое других были облачены в эти нелепые высокие и тесные штаны, что так нравятся гяурам. Выводя лошадь на линию начала скачек, Казбек небрежно сплюнул на дорожку.

- Доброе утро, Казбек, - сказал Джафар. Вижу, ты сегодня в хорошем настроении.

- Спасибо на добром слове, но я сегодня тебя обойду на корпус, - весело отозвался Казбек и слегка кивнул головой в сторону гостей-чужаков. - Это вот от них у меня кисло во рту.

- У меня тоже! - В сердцах Джафар разразился страшным черкесским ругательством, что очень рассмешило всадников помоложе.

Казбек просто не выносил присутствия гяуров и никак не мог понять, зачем старейшины решились на такое унижение хотя бы и ради поддержания мира.

- А этот с волосатыми щеками и тощими серыми ногами - ну и урод.

- Это точно, - согласился Джафар. - Тощий и длинный.

Казбек и Джафар считали свою собственную внешность образцовой для молодого кабардинца (причем каждый из них казался себе лучше другого), и они твердо решили показать чужакам такое мастерство, которого они не забудут никогда.

Ахмет видел, как конь под его сыном нетерпеливо пляшет на месте, а тот старается удержать его. Конь игрив - хороший признак. У Казбека сегодня отличная возможность показать себя перед такими зрителями.

Немец дружелюбно беседовал с князем Хапча Омаром. Князю было радостно видеть, как его народ собрался на праздник, и он жалел лишь о том, что отец не дожил до этого радостного дня и не радовался сейчас благополучию своих подданных.

- Лошади каких пород участвуют в сегодняшних скачках? - спросил иноземец. - Они мне кажутся поплотнее и поуже в кости, чем известные мне немецкие породы.

Фон Клапрот прилично говорил по-русски. Князь Омар тоже неплохо изъяснялся на этом языке, правда с сильным акцентом: пребывание Васильчикова здесь не прошло даром. Это был один из сюрпризов, приготовленных князем для Клапрота, причем немец понял, что это сделано не случайно.

- Здесь в основном кабардинские лошади. Эту породу мы вывели сами здесь, в Кабарде. Черкесы называют их адыгеш, что означает «черкесская лошадь».

Немец дернул носом. Он делал так всегда, когда слышал что-либо заслуживающее внимания. Ахмет посмотрел на Мурада. Им обоим было не по себе от присутствия этого чужеземца, тем более, что из письма Василия нетрудно было догадаться, что этот человек - царский шпион.

Князь Хапча взглянул на брата и слегка нахмурился. Накануне они решили, что лучше уж принять Клапрота как радушные хозяева и самим показать ему то, что считают нужным, чем позволить немцу бродить по собственному усмотрению.

Начались скачки. Внимание Ахмета было полностью приковано к Казбеку. От возбуждения жеребец под Казбеком начал не с той ноги и здорово проиграл в первые мгновения.

Мурад рассмеялся:

- Вот Джафару подарочек! Честное слово, конь у твоего парня - зверь, а не конь. Смотри как припустил!

Казбек сильно отстал, но потом начал наверстывать упущенное.

- Как интересно! - визгливо выкрикнул немец, не сдержав эмоций. - Это черкесская ветвь русской породы? Какая, так сказать, линия родословной?

- Нет, - ответил князь, успевая одновременно участвовать в разговоре и следить за тем, что происходит на поле. Он поднял руку, призывая немца замолчать: толпа взорвалась криками. Упал один из всадников. Мурад сжал руку Ахмета, но это был не Джафар и не Казбек. Упавший юноша быстро вскочил в седло и помчался следом за остальными, не имея уже никаких надежд на успех.

- Ноздря в ноздю! - Ахмет рассмеялся, глядя на Мурада: постоянное соперничество сыновей неизменно развлекало старых товарищей.

- Сегодня у тебя никаких надежд..., - Мурад покачал головой, но в это мгновение жеребец Казбека вытянул шею, неожиданно рванул вперед и первым пересек линию. Толпа ревела.

- Ах! - князь довольно перевел дух. - Хорошо прошли!

Затем он вновь повернулся к немцу и дипломатично заявил:

- Между прочим, здесь есть люди, которые знают о кабардинских лошадях поболее меня, - он сделал знак, чтобы Ахмет присоединился к беседе. - Давай, Ахмет. Будь на высоте. Доставь человеку удовольствие, - сказал князь по-черкесски.

- Буду рад показать Вам мой табун, - с готовностью подхватил Ахмет.

- Чудесно! Чудесно! - Клапрот сделал вид, что очень заинтересован этим предложением, ибо он понял, что лошади - главное в черкесской культуре, и ему в этой стихии будет легче добиться желаемого. Никто не будет введен в заблуждение...

- Мне очень бы хотелось узнать об этом кабардинском скакуне... Его родители... родословная... В таком духе...

Ахмет воспользовался случаем и начал длинный рассказ. По-русски он говорил медленно, но правильно. Мурад спрятал улыбку и пошел поздравлять участников скачек.

- Порода наша называется адыгеш, возникла от скрещивания монгольских и арабских пород. Думаю, в них есть примесь и других кровей, но эти - основные...

- Ага, монгольские кони... Интересно..., - фон Клапрот старался говорить что-нибудь к месту. - Но ведь эти кони маленькие, не так ли?

- Да, верно, но арабские скакуны использовались для повторного скрещивания с кабардинскими - особенно с породой шолах - чтобы у наших появилась такая же стать и сильные легкие. Это свойственно и другой знаменитой породе, которую мы называем альп. От монголов осталась холка и дугообразная носовая кость. Наши лошади отличаются способностью хорошо передвигаться в горах благодаря крепким конечностям. Клапрот быстро писал в своем блокноте, изнывая от жары. Рядом сидел русский полковник, сопровождающий немца в этой поездке. В начале века он служил в Грузии под командованием Цицианова, и понимал толк в обычаях горцев.

- Любопытно, как это арабские кони сюда попали? - внезапно спросил полковник, многозначительно растягивая слова.

- Видимо, через Персию, - отвечал Ахмет. - Я слышал, что персидские шахи всегда любили арабские породы и неустанно занимались их разведением. Они могли легко проникнуть сюда через Азербайджан и Дагестан... Недавно еще у меня был старый жеребец из тех конюшен. Я использовал его как производителя для скрещивания с кабардинскими кобылами, и результаты были впечатляющие.

Клапрот, разумеется, не мог уловить скрытой издевки в этих словах: ведь Дагестан причинил много бед южной армии. Это была гористая, бесплодная местность к востоку от

Кабарды. Люди, населяющие ее, были еще более неуживчивы, чем те, что обитали вдоль основной Кавказской гряды. Полковник же внимательно слушал Ахмета, пытаясь глубже понять значение его слов... Князь решил, что пора остановить Ахмета, пока тот не наговорил лишнего.

- Господин фон Клапрот, сейчас Вы увидите как хороши наши кабардинские лошади. Сейчас начнутся игры...

Однако Ахмет уже вошел в роль. Пока Казбек, Джафар и другие наездники показывали чудеса верховой езды, от которых кровь стыла в жилах - ездили задом наперед, на полном скаку срывали зубами шелковые цветы, на ходу менялись лошадьми и стреляли по целям, пока юноши Малой Кабарды демонстрировали мастерство, которое могло бы вогнать в краску Петербургскую кавалерийскую школу, Ахмет продолжал свой монолог. Русский полковник сидел, поджав губы, однако ему не в чем было упрекнуть рассказчика.

Клапрот также продолжал разговор с самым невинным видом:

Что еще Вы могли бы рассказать мне об этой лошади? Она так умна, что выполняет сложнейшие трюки! Чем эта порода отличается от других?

Глаза у Ахмета блеснули:

- Из своего небольшого опыта могу заключить, что характерной чертой кабардинской породы является то, что это - горная лошадка. Поэтому она очень крепка, устойчива. Она также очень вынослива, ей под силу большие расстояния. Это свойство досталось ей от арабских предков. Она более сообразительна, чем лошади известных нам русских пород. Быстро обучается...

- Мы ценим нашу лошадь и за преданность. Это незаменимое качество на войне, - добавил князь.

- Да, она вряд ли бросит своего раненного хозяина. Многие из них вынесли седоков с поля боя и доставили к самому дому. Такое случалось много раз.

- Вы, черкесы, высоко цените эту породу. Дорого ли она обходится обычным людям? - Клапрот продолжал делать заметки, хотя до него уже начал доходить смысл происходящего.

Настало время Хапца оценить тихую линию обороны, возведенную Ахметом.

- Вовсе нет, - гордо сказал князь. - Ни одна черкесская семья не обходится без нее. Конечно, самые хорошие экземпляры ценятся высоко, как редкое оружие!

Клапрот громко захлопнул свой блокнот.

- Очень хотелось бы посмотреть ваш табун. Подобные сведения я собираю для Академии наук в Санкт-Петербурге.

* * * * *

Через несколько дней Ахмет и Мурад встретились, чтобы обсудить дела на следующую неделю. Они поступали так постоянно в течение последних семнадцати лет со времени переезда в Малую Кабарду. Их поля, раскинувшиеся по берегам Терека, прилегали друг к другу, поэтому им частенько приходилось вместе собирать урожай или строить забор. Однако на этот раз им предстояло решать дела посерьезней.

Этим утром Анвар и Азамат стояли возле отца, прислуживая ему, как того требовали обычаи. Азамат наполнил бахсимой два кубка. Анвар принес сыра и грецких орехов для закуски. Отсутствие Казбека бросалось в глаза, и частично по этой причине Ахмет был рад компании Мурада. Ему нужно было обсудить планы на будущее своих сыновей.

Анвар был ближе всего к матери и лучше всех умел ухаживать за лошадьми - ему и предстоит наследовать табун. Но для того, чтобы основать собственное хозяйство, Анвару нужно жениться. Но как предписывают традиции, никто из младших сыновей Ахмета не имеет права вступать в брак раньше старшего, Казбека. Казбек давно уже вступил в брачный возраст, однако, до сих пор ни одна из свободных девушек джлахстней не

привлекла его внимание. Ахмет собирался обсудить с Мурадом еще несколько невест. В некоторых кабардинских семьях родители сами подыскивали невест своим сыновьям, но Ахмет твердо решил, что Казбек сам волен выбирать свою судьбу, как это некогда сделал это он. Тем не менее, он не был чужд естественно родительского стремления видеть в браке детей согласие, мир и любовь, чтобы ни один из супругов не доставлял неприятных забот другому. Кроме того, существовали непреложные сословные установления, уважать которые обязаны были все. Ахмет понимал, что ведет себя как старая чувствительная женщина, но ничего не мог с собой поделать: сыновья были ему еще дороже от того, что еще совсем недавно они пережили страшную эпидемию и спаслись, тогда как в других семьях вымерли целые поколения.

Что касается Азамата... самого младшего и, в некотором смысле, самого дорогого ребенка, то его будущее казалось еще совсем туманным.

- И почему это ни у одного из нас нет дочерей, Мурад? - спросил он. Было бы так удобно решать эти дела. Мурад рассмеялся:

- Ты же прекрасно понимаешь, что такие отношения между нашими семьями обречены с самого начала - ведь они считаются недопустимыми между семьями кровных братьев. В старых законах много мудрости! Парни все время воюют между собой. Он глянул на Анвара и Азамата, которые засмутились при упоминании об их не прекращающемся дружеском соперничестве с Джафаром и Тимуром. Вот и теперь Джафар не разговаривал ни с кем из них именно потому, что Казбек победил его на скачках.

Казбек вернулся поздно и выглядел каким-то растрепанным. Он низко поклонился, извиняясь за опоздание.

- Легко на помине..., - поддразнил Мурад. - Не удивительно, что ты держишься подальше!

- Я тебя со времени скачек не вижу, - сказал Ахмет, пронизательно глядя на старшего сына. - Где ты был?

- Охотился, - равнодушно ответил Казбек. Мурад хорошо знал, что за этим последует, но из озорства подыграл ему:

- Да ну! И какова добыча? Казбек выпрямился с гордостью:

- Я добыл недурного оленя. Сейчас шкуру сдирают. Может быть, наши женщины приготовят нам вечерком что-нибудь особенное!

Мураду с Ахметом нравились несколько высокомерные повадки Казбека. Их чеченские жены ии за что не потерпели бы такого поведения. Казбеку срочно надо было найти жену.

- За это время можно было добыть десять оленей.

Казбек пропустил мимо ушей это замечание и почтительно потупил глаза. Анвар - самый заинтересованный в скорейшей женитьбе Казбека человек, ибо от этого зависел срок его собственной свадьбы, был уже на грани того, чтобы выдать страшную тайну, которую знали уже все, кроме Ахмета. Однако яростный взгляд Ахмета остановил его в последний момент.

- Когда мужчина исчезает на два дня и две ночи, это значит, что он либо заблудился, либо уехал с определенной целью. Что справедливо относится к тебе? - спросил Ахмет.

Из уважения к старшим Казбек не спешил с ответом.

- У Казбека, наверное, полно друзей в Кабарде... Видимо, он хочет всех их навестить. Правда, Казбек?

Казбек оживился, почуяв выход из трудного положения:

- Да, Мурад. Так оно и есть. Я был в Чегеме.

Чегемская долина находилась в Великой Кабарде, дорога туда занимала не меньше дня, но Ахмет был недоволен таким поворотом дела. С Казбеком он связывал большие надежды, намереваясь подобрать ему жену из семьи уорков. Всю жизнь он работал не покладая рук, стремясь основать свою семейную ветвь на Тереке, хотел, чтобы внуки росли рядом, в достатке и благополучии, под его внимательным оком. Все его усилия были направлены на достижение этой цели. Он не мог допустить, чтобы Казбек болтался

Бог знает где в поисках невесты, а потом достался какой-нибудь простушке-молочнице или кому-нибудь еще похуже, да кроме всего в далекой деревне.

Все это Мурад прочитал по холодному и неодобрительному выражению лица Ахмета. Удивительным образом вдруг заявили о себе кабардинские черты его характера: он неожиданно стал таким строгим и недоступным, и лишь Мурад знал, какие необдуманные поступки совершал Ахмет порой в молодости.

- В таком случае, молодец, что выбрал время для охоты, - заявил Ахмет язвительно, - даже если это всего один олень! Но сегодня утром я намерен обсудить с тобой более важные вещи, если ты уделишь мне немного внимания...

Все затихли и сосредоточились.

- Как ты знаешь, свой дом на Кубани я покинул, когда мне было примерно столько же, сколько Азамату сейчас. И вот я чувствую, что нужно, наконец, послать туда весточку о себе, известить моих дядюшек о нашем существовании.

Мурад удивился. Его старый непреклонный приятель вдруг озаботился восстановлением родственных связей!

- Я решил, что один из вас, парни, должен отправиться в это путешествие, - это будет долгая и нелегкая поездка, а, может быть, и опасная.

Сердце у Ахмета колотилось. Он хорошо знал, какой ответ хочет получить, но хотелось быть уверенным...

- Кого из вас послать? Это я хотел бы обсудить. Кто из вас хотел бы отправиться в путь? Кто больше всего подходит для этого? Что думаешь ты, Мурад?

Мурад хорошо знал, чего стоили Ахмету эти слова. Нелегко отправлять сына в такой тяжелый переход, который сам когда-то выдержал с трудом. Азамата, например, посылать наверняка нельзя.

Мурад говорил мягким, тихим голосом.

- Я хорошо понимаю, что рано или поздно каждый должен отыскать свои корни. Но это под силу лишь молодым. Мы знаем, что Азамат сильно желает этого, но он слишком юн, чтобы пуститься в такое путешествие.

Азамат стоял неподвижно. Из всех сыновей он больше всего был похож на Ахмета: тонкий, с черными кудрями и глубоко посаженными горящими глазами. У него не было железной твердости, как у Казбека, или такого сложного, непростого характера, как у Анвара. Он обладал как раз всем, что делает младшего сына любимым: природным очарованием, веселостью, чувством юмора, открытостью окружающему миру. Азама-ту исполнилось двадцать два года, однако его окружал такой ореол невинности, что легко можно было дать и меньше. Сам он не знал об этом, Ахмет никогда не выставлял свои чувства напоказ, но на самом деле Азамат был для него светом в окошке.

- Позволь мне, отец, - взволнованно проговорил он. - Я хочу ехать и я не так уж юн. Я умею делать все то же, что и мои братья. А кое-что, может быть, и лучше.

Казбек и Анвар обменялись скептическими улыбками, будто говоря: «Как же, слушайте этого мальчика».

Ахмет прочистил горло:

- Я ничуть не сомневаюсь, что ты многое можешь делать лучше этих двоих, - начал он, бросив предупреждающий взгляд на старших братьев. - Но мать никогда не простит мне, если с тобой что-нибудь случится. Для нее ты еще ребенок.

Мурад старался не смотреть в глаза приятеля. Для Ахмета это было очень болезненным делом - испытать сыновей на их готовность покинуть отчий дом.

От возбуждения Азамат чуть ли не поднимался на цыпочки, однако, как истинный адыг, он следил за своими чувствами и мог говорить обдуманно.

- Но, отец, подумай сам: Казбек - самый старший и должен остаться здесь. Анвар - лучший объездчик лошадей и табунщик во всей округе. Я первый, кто предложил это. - Пожалуйста, учти это, отец.

Мурад улыбнулся:

- У твоего «малыша» убедительные резоны. Казбек добавил:
- Отец, ты только прикажи, и любой из нас отправится. Однако по его лицу было ясно, что он скорее умрет, чем уедет сейчас отсюда.
- Хорошо.., - проговорил Ахмет, изучая выражение лица Казбека. На этот раз он оказался более проникательным, чем сын. - Прекрасно.
- Прошу прощения.., - вставил Мурад.
- Ах да. Насчет этого фон Клапрота. Он собирается посмотреть наших лошадей, но прежде Мурад хочет вам что-то рассказать.

Парни наострили уши, а Мурад негромко заговорил:

- Вы знаете, что он приехал с письмами от нашего старого друга Василия. Тот предупреждает: этот человек вовсе не является официальным уполномоченным русского царя, но, почти наверняка, собирается шпионить. Нам следует быть особенно осторожными и ничего не рассказывать ему о наших отношениях с воинственными чеченцами. Понимаете, что я имею в виду?

Все посмотрели на Анвара. С детства Анвар был самым неистовым борцом за свободу. И все знали, кто питает его боевой дух - мать Цема. Анвар скрестил руки на груди.

- Я позабочусь, чтобы никто из чеченцев не приехал сюда, пока он здесь, - сказал он. Никто не спросил, как он собирается это сделать: есть вещи, о которых лучше молчать.

Казбек ответил за всех:

- Я поговорю со слугами и работниками в поле. Он шпион?

Мурад покачал головой:

- Противник может извлечь много пользы из самых невинных разговоров. Не говорите с ним ни о чем, кроме разведения лошадей и кабардинского языка.

Парни хмыкнули и разошлись. Мурад взял Ахмета за руку:

- Я понимаю, как сильно тебя это печалит, но так тебе скажу - должен ехать Азамат. Верный путь сохранить свой род - отослать от себя одного из сыновей. Такая уж судьба у нас - иметь в роду странников.

Ахмет неохотно согласился Мурад хлопнул его по плечу.

- Пошли. Выше голову! Чем быстрее мы обнаружим, где прячется зазноба твоего Казбека, тем лучше будет для всех нас, а особенно для моего Тимура... Все девушки мечтают о Казбеке, и пока он свободен, они не предпочтут никого иного!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Фон Клапрот в компании двух русских офицеров, приставленных к нему генералом Ртищевым, выехал из гостевого дома князя Хапца и направился к конюшням Ахмета. По дороге старший из офицеров пытался разведать, что именно вынюхивает здесь этот германский академик. Явился-то он с отличными рекомендательными письмами.

- Вам повезло, что вас пригласили, господин барон, - бодро проговорил капитан Трунов. -
- Насколько я понимаю, этот Ахмет разводит лучших лошадей во всей Малой Кабарде.
- А ваши военные покупают у него коней?

Трунов рассмеялся:

- Иногда. Для укрепления дипломатических отношений. У кабардинцев больше возможностей объезжать лошадей, чем у казаков, которые прикованы к оборонительным рубежам. Нет, я имею в виду, что вам повезло в другом смысле.
- В каком?

- Народ Хапца не доставляет нам беспокойства. Они живут сами по себе, мы мало общаемся с ними напрямую. Так, любопытно просто... только и всего. Мне говорили, они связаны с чеченцами.

- У многих племен встречаются смешанные браки. У некоторых брачные союзы внутри своего племени просто запрещены, поскольку браки с соседями предполагают появление политических союзников и обеспечивают более здоровое потомство, - отозвался фон Клапрот.

Капитан Трунов обернулся к нему:

- Я не знаю, как насчет здорового потомства, но я знаю, что от чеченцев исходит много бед. Они постоянно нападают на обозы с боеприпасами, идущие через Дарьяльское ущелье. Если кто-нибудь из кабардинцев снабжает их оружием и лошадьми, это следует немедленно пресечь.

Клапроту не хотелось углубляться в местные политические дразги, и он уклончиво промолчал.

Трое гостей въехали на двор Ахмета. Хозяин с двумя сыновьями ждали их у загона. Мурад также стоял возле Ахмета. За оградой один из парней объезжал красивого жеребца.

- Доброе утро! - Клапрот спешился и вежливо пожал руки встречающим. - А это, видимо, тот старый арабский скакун из Дагестана?...

- Нет, тот околел. Это его сын. Отца этого красавца мне подарил мулла, - заявил Ахмет с обескураживающей прямоотой, - глава чеченского племени в горах. Нам сказали, что того коня доставили из конюшен самого персидского шаха.

- Как интересно, ответил Клапрот, - и, насколько я знаю... Вы женаты на дочери этого муллы, не так ли?

Все поразились. Как это немец узнал об этом? Василий в своем послании и не намекал, что поделился с ним такими подробностями. Профессор продолжал взирать на жеребца с довольной улыбкой. Чувствовалось, что разговор доставляет ему удовольствие.

Ахмет отшутился:

- Да, но не потому, что он подарил мне коня.

- Хм! Меня очень интересуют эти чеченцы. Любопытный народ... Очень смелый, как я понимаю. А нельзя ли съездить к ним в горы, посмотреть собственными глазами? Как Вы думаете, Мурад?

Мурад быстро нашелся с ответом:

- Господин барон, я считаю, что это был бы крайне необдуманный шаг. Россия сейчас воюет с Чечней, Вы должны это знать. Ведь это так, капитан Трунов?

Вздвогнув от того, что к нему обратились по-русски, Трунов согласно кивнул.

- В отличие от кабардинцев, они вряд ли поймут цель вашего визита, - заявил Мурад многозначительно и важно.

Глаза Клапрота блеснули:

- Но они же знают, что я не русский. Я - немецкий профессор, преследующий свои академические интересы.

Тут вмешался Ахмет.

- Да, но мы знаем, что Вы приехали по распоряжению русского императора, - твердо заявил он. - Это дает Вам право на особые отношения с нашим князем. Чеченцы узнают об этом Вашем положении и их отношение к Вам вряд ли будет дружеским.

Капитан Трунов предупредительно кашлянул и похлопал стеком по своим сапогам.

Он не знал, радоваться или огорчаться тому, что кабардинцы так свободно разговаривают о подобных предметах. Столь свободные манеры и развитость плохо вязались с образом «покоренных туземцев».

Однако Клапрот настаивал:

- Капитан, может быть, следует сделать запрос через военное командование в Моздоке о том, возможно отправится в Чечню или нет. Особенно, если заручиться рекомендациями от этих милых людей!

- Капитан Трунов широко улыбнулся этому встречному маневру со стороны немца.

- Конечно, я так и сделаю. Мы ведь недалеко, и будем во Владикавказе на следующей неделе.

Ахмет досадливо отвернулся к лошадям, расстроенный тем, что Клапрот переиграл их. Быстро крикнул Анвару по-черкесски:

- Заводи жеребца обратно. Думаю, что лошади их больше не интересуют...

Между тем, Мурад сохранял спокойствие:

- Перед отъездом, профессор Клапрот, вы можете стать свидетелем одной церемонии, которая, надеюсь, заинтересует вас. Один из наших юношей возвращается от своего аталика.

- Ах да, - оживился Клапрот, радуясь возможности блеснуть знанием этого обычая. - Это что-то вроде воспитания у наставника или приемного отца, в результате чего ваши мальчики обретают независимость.

- Верно. Это также освобождает отца от тяжелых мыслей о судьбе сына во время войны.

- В каком же возрасте мальчик возвращается домой?

- Это решает италик. В данном случае мальчику четырнадцать лет, но он уже научился всему, что должен уметь черкес - охотиться, биться на саблях...

Клапрот внимательно посмотрел на трех сыновей Ахмета, что-то соображая про себя.

- А эти вот молодые люди... Они тоже обучались у италиков?

Мурад указал на Казбека:

- Да, конечно. Он кабардинец до мозга костей. Даже когда бреет бороду!

Ахмет задумался о том, как отреагирует Клапрот на их откровенность и доброе расположение. Будет гадать: питают ли они по-прежнему симпатии к чеченцам? Или счастливо прижились у Хапца? Постарается ли Клапрот выведать что-нибудь о его далекой семье на Кубани? Ахмету не хотелось, чтобы его личная жизнь становилась предметом изучения иностранца, истинные намерения которого толком не ясны.

- Тебя мать спрашивала, иди домой, - коротко сказал отец Казбеку.

Ахмет боялся, что Казбек не сумеет удержать язык за зубами, если Клапрот станет расспрашивать его о жизни и обучении у аталика Темпроки.

- Хорошо, отец, - Казбек повернулся и пошел прочь. Он был раздражен холодным тоном отца, а сложные чувства, мучающие родителя, мало волновали его.

Цема вязала, когда Казбек вошел в комнату.

- Ты хотела видеть меня, мама? - спросил он. Цема вскочила, быстрая и порывистая как всегда, и обняла шею старшего сына.

- Казбек, Казбек..., - нежно проговорила она, улыбаясь и ероша его волосы.

Казбек любил мать, но все же не проявлял свои чувства так открыто. Он снял с шеи руки матери и отступил назад, но при этом бросил ей нежный взгляд. Он наклонился, чтобы поднять упавший клубок шерсти, и намотал на него длинную нить. Цема заметила, что-то чем-то сильно озабочен.

- Ты так расстроил меня, - заворчала Цема по-матерински. - Две ночи подряд тебя не было дома. Отец был вне себя.

- Ты хочешь сказать, что он сердился на меня? - спросил сын, усаживаясь рядом.

- Нет, не сердился. Просто очень беспокоился, очень. - Цема кусала губы от нетерпения и встряхивала руки Казбека, которые крепко сжимала в своих. - Не понимаю этих черкесских обычаев, когда отец и сын не могут открыто выразить привязанность друг к другу! И это после того, что мы пережили!

Казбек освободил руки из материнских ладоней. Расстроенный, он поднялся, повернулся спиной, и принялся напряженно смотреть в окно.

- Ты только так говоришь, чтобы успокоить меня. Я знаю Тхамата. Он не из тех, кто может просто волноваться.

Цема поняла, что ее слова не достигают цели и принялась сокрушенно качать головой. Казбек услышал, как застучали спицы, когда она вновь принялась за вязание. Он

слишком любил мать, чтобы омрачить своим поведением тот остаток времени, что им суждено провести вместе.

- Я привез тебе добрую шкуру с охоты, - сказал он, пытаясь подбодрить ее. - Ты сошьешь отцу пару джлахстейских туфель.

- Что это за животное?

- Олень цвета меда. На шкуре еще остался зимний пух. Туфли получатся мягкие.

Цема посмотрела на его лоб благородных очертаний и длинные ресницы. Казбек был даже красивее Ахмета. Однако, когда сыну случилось расстроиться, как сейчас, он сильно напоминал того Ахмета, который впервые приехал в чеченскую деревню... чувствительный, скрытный, стремящийся проявить себя как можно лучше. Но Казбек был уже достаточно взрослым, чтобы справляться с трудностями в одиночку. Если даже он не найдет свою любовь, ему все равно следует жениться не откладывая, чтобы уступить дорогу братьям.

- Молодец, сынок, - мягко сказала Цема. - Я сделаю пару и для тебя. Но я хотела бы знать, что так заботит тебя, Казбек? Куда ты ездил на охоту? Скажи мне... у тебя есть девушка?

Казбек нахмурился:

- Что там Анвар наговорил тебе? Я убью его!

- Стой, стой! Послушай меня. Анвару ничего не надо было говорить. Может быть, ты удивишься, но мы с отцом тоже были когда-то молоды и влюблены. Ты вел себя странно последнее время - тут уж каждому станет ясно, что это любовный недуг. Ты должен радоваться, а не сердиться.

Казбек тяжело вздохнул.

- О, мама! - Он обрадовался, что она догадалась сама и не сердилась, как отец. - Ты не знаешь, как мне трудно!

- Лучше расскажи мне обо всем, - сказала Цема, и потом все время смотрела на свою работу, пока Сын изливал душу, повествуя о трудностях, которые ему казались невиданными, но Цема-то знала, что из-за них мужчины и женщины мучаются с начала времен. Странно было видеть Казбека, говорящего столь взволнованно: обычно он помалкивал.

- Она анзурийка из Чегема. Ее зовут Нурсан. Это прекрасная девушка, мама, такая живая, веселая. Ты полюбишь ее, как свою ниссу. Я просто уверен!

Казбек высказал матери все, что наболело на душе, и был рад этому. Цема тоже была счастлива, что сын решился на этот шаг. Она хорошо сознавала, что скоро он станет чьим-то мужем, и никогда уже не будет так близок к ней.

- Ее отец собирается выдать ее замуж за какого-то уорка из Чегема. Она еще ребенок, молодежь меня, и ее родители не разрешат ей выбрать мужа не из своего аула...

Предоставь это мне, Казбек. Будь терпелив. Такие дела требуют времени.

Рад, что исповедался, - Казбек крепко обнял мать, не стыдясь своих чувств на этот раз, и вышел.

* * * * *

Было общепризнанно, что долина по берегам Чегема самая красивая на притоках Терека. Утесы там были не такими устрашающими, как на Череке. Расселины и водопады там были живописнее, чем в других долинах, земли плодороднее, чем на Малке. Естественно, что кабардинцы с Чегема заслуженно гордились славой своего края и всю старались оправдать поговорку, гласящую, что кабардинцы могут и снежные вершины Кавказа заставить «колыхаться спелым колосом».

Гордость за свой край иногда пробуждала в местных жителях и тщеславие в отношении собственной внешности. И вот, когда молодые люди в Чегеме заметили знатного Хапца Казбека, зачистившего к девушке из их деревни, сразу вознегодовали.

- Влюбленный дурак-переросток! - проворчал Джанбулат. Он и его более молодой спутник Хатут выехали поохотиться, нарядившись по этому случаю в красивые черкески и шапки, отороченные мехом. У них были ружья и колчаны со стрелами за плечами. - Джанбулат опять ридел его. У них что ж, нет своих девок на Тереке? Или они такие же страшные, как он сам?

- Как ты узнал, что он страшный? - спросил его Хатут.

Впереди они заметили оленя с красноватым летним окрасом. Он был хорошо виден, но находился слишком уж далеко, подобраться к нему не было никакой возможности. Зато охота на Казбека обещала приятное разнообразие.

Джанбулат поскакал вдоль зеленого горного склона.

- Я-то, конечно, не видел его своими глазами, но представляю, что это за фрукт. Я слышал, что все джлахстней страдают плоскостопием. Правда что ли?

Хатут неожиданно поднял руку и указал куда-то. На далеком гребне горы появился Казбек и остановился, глядя вниз на их аул.

- Слушай! - воскликнул Джанбулат с воодушевлением, - направим ему послание из Анзури!

Всадники развернули коней и поспешили к узкой ложине у края долины. Летние травы глушили стук копыт. Они приблизились к Казбеку сзади, прежде, чем он ощутил их присутствие. Он сидел на скале в глубокой задумчивости. Мечтая о предмете своей страсти, Казбек забылся, однако, когда звякнула уздечка лошади Хату-та, он мгновенно вскочил на ноги и выхватил каму.

Джанбулату стало не по себе при виде его внушительной фигуры. Казбек казался совершенно взрослым человеком, а ему самому едва перевалило за двадцать. Вместе с тем, он не мог ударить лицом в грязь перед Хатутом.

- Эй ты, влюбленный придурок! Мы не собираемся драться с тобой. По крайней мере сейчас,- с вызовом проговорил Джанбулат, подбочениваясь и словно подчеркивая этим, как сильно ему хочется проучить Казбека.

Казбек поднялся и подтянул поводья своей лошади, чтобы можно было быстро вскочить на нее в случае нападения. Напряженность просто висела в воздухе: Казбек и его чуткий послушный жеребец представляли собой впечатляющую картину. Однако Джанбулат и Хатут не поддались этому впечатлению и не сбавили тона - ведь на карту была поставлена честь. Следующим заговорил Хатут:

- У нас для тебя послание от отца Нурсан. Он запрещает тебе приезжать сюда вновь или искать встреч с его дочерью. Ты понял?

Однако Казбек неподвижно стоял на месте и гордо молчал. Казалось, его трудно сбить с толку. Джанбулат продолжал напористо:

- И, кстати, о свадьбе уже договорено, она пойдет замуж за одного из наших чегемских ребят. Слышишь? Если ты понимаешь на язык адыгов, то тебе все должно быть ясно.

Казбек сильно сомневался, что они вообще вправе говорить ему все это. Ее отец вряд ли бы доверил подобный разговор этим недорослям. Он сел на лошадь без малейших признаков испуга и повернулся лицом к молодым воинам.

- Я хорошо слышу вас и понимаю наш язык, - громко сказал он. Я не понимаю только, почему это дело интересует вас двоих... Вы что – анзурийские пшитл?

Хатут расценил эти слова как намеренное оскорбление. Они с Джанбулатом были одеты как молодые урки. Казбек просто напрашивался на неприятности.

Хатут заговорил, не сдерживая ярости:

- Послушай еще раз, если понимаешь язык адыгов. Девушке ты не нужен. Ее родители не хотят тебя знать. И теперь, если ты сунешься сюда еще раз, считай, что сам призвал свою смерть.

Джанбулат и Хатут сердито повернули лошадей и поскакали прочь. Казбек остался стоять на краю лощины, оскорбленный, но непоколебимый, уверенный в том, что любим. Много лет он ждал встречи с той девушкой, о которой мечтал, и вот теперь она

произошла. Тем не менее, этот отпор не шутка, и он еще не мог представить себе, как добиться руки избранницы. Никогда адыг не посмеет нарушить решение деревенских старейшин, как бы ни были сильны его чувства. Казбеку вовсе не хотелось становиться причиной кровавых распрей между жителями Анзури и Хапча. Видит Аллах, у них и так было достаточно врагов.

Казбеку пришлось подождать наступления темноты. Он понимал, что теряет время, приехав сюда так рано, однако ему нравилось быть вблизи Нурсан, теша себя надеждой увидеть ее хотя бы издалека, смотреть, как она хлопочет по хозяйству там, внизу, в ауле. Как глупо он поступил, дав обнаружить себя местным парням. Ругая себя за неосторожность, Казбек покинул свой любимый наблюдательный пункт на каменном обрыве и углубился в чащу леса. Там он привязал коня к дереву и устало привалился спиной к поросшему мхом пню, печально размышляя, где же выход из его положения.

К полуночи селение Анзури угомонилось, отошло ко сну. Крадучись, словно волк, Казбек пробрался на окраину аула и спрятался за могучим старым дубом - свидетелем его встреч с Нурсан. Хотелось есть, однако голод мог помешать ему лишь громким урчанием в животе - это могло выдать убежище влюбленного. Он затаил дыхание: так было легче расслышать малейший звук ее шагов. Наконец! Это она! Небольшая фигурка под черным покрывалом быстро пробиралась между домами, стараясь держаться в тени.

Как только она приблизилась, Казбек соскочил с лошади и крепко обнял девушку. Покрывало упало с ее головы. Влюбленному юноше показалось, что его сердце перестало биться, когда лунный свет залил иссиня-черный шелк ее волос. В облике Нурсан было что-то чистое и хрупкое, и это наполняло его стремлением оберегать ее и хранить как зеницу ока до конца дней.

- Думал, что не придешь! - выдохнул он, целуя любимую.

- Я думала - ты тоже! - ответила она, прижимаясь губами к его щеке. - Я слышала, как отец давал какие-то указания насчет тебя... Я так волновалась, как никогда...

Казбек целовал ее лицо, пытаясь согнать с него выражение озабоченности, те тревоги и печали, что затаились у полных алых губ и атласных бровей.

- Меня не так-то просто испугать, - сказал Казбек. Он держал ее лицо в ладонях: это был таинственный, волшебный лик лунной богини, парящей в этом сумеречном свете. - Я, наконец-то, рассказал о нас. Матери...

Нурсан встревожилась:

- О, Казбек! Скажи мне скорее, каков был ее ответ?

Он крепко, ободряюще прижал девушку к себе:

- Она сказала, что найдет способ помочь нам.

Моя мать - чеченка, женщина упрямая. Так просто она не сдастся. Она сказала, что отыщет путь, как добиться твоей руки. Она сделает это, Нурсан, я уверен...

Нурсан спрятала лицо на груди у Казбека. Он гладил ее волосы, зная, что она не верит ему и не питает никаких надежд. Девушка тихонько заплакала.

- Хватит, хватит..., - он не мог выносить ее слез.

- Мне кажется, мы обречены, - проговорила она сквозь слезы. Мои родители непреклонны. Мама целый день провела со мной, уговаривая забыть о тебе. Она даже предложила мне трех парнем на выбор. Выбирай любую!

Казбек тоже остро ощущал всю безнадежность их положения, однако был убежден, что никакая сила не заставит его отказаться от Нурсан. Будучи старшим сыном, он всегда чувствовал, что обязан поступать, как подобает. И лишь теперь впервые ему захотелось нарушить правила и поступить так, как подсказывало сердце.

- Послушай, - начал Казбек, крепко держа ее за плечи на расстоянии вытянутых рук и пытаясь хоть немного передать ей собственной силы воли.

- Помнишь, как мы впервые встретились? Я охотился, и как раз спустился к реке, где была ты...

Нурсан кивнула и вытерла слезы с бледных щек. Ее кожа блестела, как алебастр.

- Я посмотрел на тебя, а ты сдвинула платок с глаз и тоже глянула на меня. И в то мгновение мы поняли оба, что не случайно ты оказалась в то утро именно там, где оказался и я, заехав дальше обычного...

- Я помню, - ответила Нурсан и нежно коснулась ладонью его щеки.

- Кто-то незримый помогает нам, - таинственно прошептал он. - Я просто уверен в этом.

Нурсан запахнулась в черное покрывало. Казбек вздохнул: опаловая кожа Нурсан в лунном свете будила в нем не только желание, но и более глубокое и серьезное чувство - он поистине обожал ее. Это была самая чудесная из девушек, которых он когда-либо встречал. Он хорошо понимал, почему отец Нурсан был столь бдителен и неумолим. Черкесские женщины славились своей красотой повсеместно, вплоть до Константинополя, Иерусалима и Санкт-Петербурга. Чегемские женщины составляли гордость Кабарды, а Нурсан была самой заметной красавицей из всех девушек долины.

- Мне надо идти, - прошептала Нурсан. - Они все время следят за мной. Надо идти...

Казбек крепко обнял ее. Нурсан прижалась к нему.

- Увижу ли я тебя на следующей неделе?

- Да, сердце мое. Увидишь. Я буду ждать здесь же.

Когда Нурсан скользнула во мрак, Казбек почувствовал озноб, будто огромная черная туча заслонила луну. Он тронулся и поехал по темному ночному лесу, где даже ярких звезд не было видно за пышными летними кронами деревьев. Здесь Казбек мог вволю поразмышлять о том, как он одинок в этом мире.

* * * * *

Приезд фон Клапрота в Малую Кабарду вызвал там немалое беспокойство. Советник Темиркан сидел дома, погружившись в молитвы, и, как всегда, благодарил Аллаха за то, что тот спас его от чумы, но при этом добавлял просьбу добавить ему еще толику мудрости, да еще толику жизни, чтобы помочь встать на ноги молодому князю. Темиркан интуитивно чувствовал, что на джлахстней надвигается большая беда и что для защиты адыгам потребуются немалое умение и выдержка.

Закончив молиться, он медленно направился к дому Ахмета. Туда пришел и Мурад, чтобы в узком кругу обсудить действия иноземца-профессора.

Цема со служанками принесли два небольших ана, наполненных мясом со специями и овощами, Азамат обслуживал старейшин, подавая им охлажденную бахсиму. Теперь, твердо решив отправиться в дальний путь, он внимательно прислушивался к рассказу Темиркана о происходящих событиях, хотя раньше все это показалось бы ему довольно скучным.

Ему очень хотелось знать, что чувствует мужчина, отправляясь на войну. Но всякий раз, когда он спрашивал отца о том, как тот воевал с гяурами, Ахмет сердился. Что толку слушать других, если сам никогда не участвовал в битве? Азамат не мог ждать...

- Осетин-военачальник, приезжавший вчера к нашему князю, привез некоторые новости..., - начал Темиркан медленно.

- Я знаю его, - отозвался Мурад. - Кажется, он служил у генерала Несветова в Гимри.

Гимри? Азамату хотелось спросить, где это, но ему не разрешалось перебивать.

- Да, именно так, - улыбнулся Темиркан. Интерес, проявляемый Мурадом к дипломатии, всегда радовал советника и вызывал чувство гордости за сына покойного князя.

- Получается так, что старик Гудович принял участие в битве при Гимри, где турки были разбиты, и вся слава досталась именно ему. Скорее всего, получит теперь маршала.

Мурад пожал плечами:

- Он стар и нелюбим. Своему предшественнику он и в подметки не годится. «Шайтан» Потемкин был раза в два талантливее и энергичнее его.

- Да, пока что русские по горло заняты Наполеоном. Но уже, кажется, произошел перелом в их пользу. Поговаривают о заключении мирного договора с Францией.

- Выходит, князь озабочен тем, что гяуры могут заинтересоваться нашими землями или Чечней?

Темиркан сказал, выдержав паузу:

- Пока нет. Мы располагаем иной оценкой намерений русских относительно южных кампаний. Это мнение наших братьев из Великой Кабар-ды. Они вновь подписали с Россией бумаги, подтверждающие свою преданность, и сообщили, что русские не интересуются нашими владениями. Они заверили их в полной безопасности!

Азамат внимательно наблюдал за выражением лиц всех троих и понял, что никто из них не согласен с этим, даже сам Темиркан.

- Каково же ваше мнение? - спросил Ахмет у Темиркана.

Но Темиркан ответил уклончиво:

- Наш новый князь - да наделит Аллах его силами - считает так: русский царь собирается объединить все христианские народы Кавказа.

После этой страшной смерти Цицианова в Баку...

Азамат, как и все молодые воины, не раз слышал эту историю о падении грузинского князя. Еще два поколения назад его предки покинули свою родную Грузию и поселились в России. Сам он дослужился до главнокомандующего русской армии, действующей на территории его пре жней родины. Многие поступки Цицианова говорили о нем как об энергичном, воинственном и остром на язык человеке. Он даже изгнал свою родственницу, царицу Марию, за то, что та плела заговор против России. Однако последующее падение стало расплатой за это предательство. Пять лет назад, в 1806 году, хан, правящий Кубинским ханством, что на Каспийском море, разгромил войска Цицианова, выступившие против соседнего Бакинского ханства. Они отрезали главнокомандующему голову и руки - и послали останки в дар своим духовным и политическим вождям в Тегеране.

- Таким образом, - заключил Темиркан, - война России с Турцией, захват ею турецкой крепости Анапы, нападение на Персию и мусульманские ханства - все это подчинено одной цели: окружить нас своими союзниками или захваченными землями.

Анапа! По крайней мере, это место Азамат хорошо знал. Это была крепость на берегу Черного моря недалеко от устья Кубани. Это название звучало в песнях и воинских погребальных молитвах, ибо именно там схватили и посадили в застенки славного воина - шейха Мансура, где он и погиб. «Орел никогда не привыкнет к клетке», - пели ашуги. Тюремщики изломали тело шейха на колесе, и никто не знает, где его могила.

- Новый договор между Россией и Турцией не долговечен, - заявил Темиркан. - Я уверен, что русские генералы возьмут дело в свои руки. В конце концов, они могут обменять Анапу на Бухарест, но будут удерживать Суккум Кале, стратегически важный для них пункт на Черном море.

Мурад вздохнул:

- Эта борьба не закончится никогда. Им нужны торговые пути на юге. Русские будут стремиться создать себе выход к морю через наши земли: через Чечню в Грузию и дальше...

Наступила небольшая пауза. Азамат стоял тихо, надеясь, что его не выпроводят и он узнает побольше. Однако Темиркан уже утомился разговором и поднялся, тяжело дыша.

- Ох, этому старому телу пора отдохнуть! Хватит пока разговоров..., - он пожал руки Ахмету с Мурадом. - Вы - здравомыслящие люди. Когда наступит время..., - Темиркан хотел удостовериться, что князь Омар дал понять старейшинам, что в случае осложнений ждет их поддержки.

Ахмет проводил старика до двери, бормоча ему на ухо что-то ободряющее. Мурад оглянулся на Азамата:

- А ты, юноша, как я заметил, наострил уши. Мой Джафар и не подумал бы интересоваться подобными вещами, а ведь он намного старше тебя!

Азамат вспыхнул:

- Мне интересно знать, что творится на свете... Это правда, что ашуги поют о шейхе Мансуре? Правда, что после Анапы его посадили в крепость и изломали на колесе? Вы помните, Тхамада, военную погребальную песнь «Орел никогда не привыкнет к клетке...»

- Песни говорят о том, что случилось на самом деле. Однако верно и то, что никто не знает, где он похоронен.

- Мой отец говорит, что вы воевали вместе с шейхом Мансуром. - Лицо Азамата горело от любопытства.

Мурад потер подбородок, помолчал:

- Да, мы удостоились такой чести. Много лет назад. До того, как ты родился. Действительно, это был отважный человек. Ему столько раз удавалось избежать плена, что это сделало его знаменитым и противник сбивался с ног в поисках Мансура. Когда шейх говорил с воинами, казалось, что оружейник-кузнец раздувает мехи своего горна. Это были искры, которые летели вверх и зажигали лесной пожар.

- Отец не рассказывал мне об этом, но рассказывал аталик, - сказал Азамат.

- Конечно, он и должен был это делать, чтобы воспитать тебя храбрым воином! Когда ты уезжаешь на Кубань, юноша?

Лицо Азамата вспыхнуло:

- На следующей неделе, Тхамада.

Мурад очень беспокоился за него: ведь Азамат не представляет себе, насколько труден путь и какие беды могут его подстергать на Кубани. Казаки и русские частенько прочесывали аулы в той местности.

- Будь осторожен, Азамат. Наступили плохие времена. Сколько же времени тебя не будет здесь?

- Не знаю, Тхамада. Может быть, год. А, может, и больше...

Возвращаясь, Ахмет услышал эту фразу и на ходу бросил резкое слово, которое, впрочем, не соответствовало теснящимся в груди чувствам:

- А, может быть, и никогда. Если новая жизнь на Кубани придется ему по вкусу, да если еще он пойдет по нашим стопам, то останется там навсегда и даст начало новой семейной ветви.

Азамат застенчиво улыбнулся: ему нравилось, что старшие ему доверяют и он почувствовал, что отец, конечно, не так бесстрастен накануне его отъезда, как хочет казаться, и не так уж спокойно к этому относится. Мурад постарался смягчить разговор:

- Ну, не думаю. Мы все хотим, чтобы наш герой вернулся на Терек. Мы не можем позволить себе раздаривать таких красавцев, как Азамат, тем более столь хорошо знающих историю.

Ахмет внимательно посмотрел на своего старого друга. Всю жизнь он поражался тому изяществу, с которым умел действовать Мурад. Но Азамату оно было по силам - поэтому, может быть, именно его и следует послать на родную Кубань. Младший сын поддержит семейную честь...

- Хорошо, хорошо, - примиряюще и грустно промолвил он, тем более, что в душе все сильнее разрасталась боль от предстоящей близкой разлуки.

- Спокойной ночи, отец, - сдержанно сказал Азамат. - Спокойной ночи, Тхамада.

Мурад дружески положил руку ему на плечо, и Азамат удалился.

Мураду не хотелось в чем-либо упрекать приятеля. Он знал, как тяжело на сердце у Ахмета и что сейчас ему как никогда нужна дружеская поддержка.

- Я хотел бы поговорить с тобой о старшем, Казбеке, - сказал Мурад, пытаясь перевести мысли Ахмета на другой предмет. - У него девушка в Чегеме. Вот тебе и охотничьи вылазки... - улыбнулся он.

- Странно! Чего его туда занесло?! Не мог найти девушку поближе! - Ахмет уже со страхом подумывал о том, что всем сыновьям суждено будет покинуть родительский дом.
- Вот всегда он шел мне наперекор.

Мураду захотелось поддеть друга:

- Наверное, это у него в крови. Насколько помню, его папочка не поленился проехать от самой Кубани, чтобы жену себе отыскать среди чеченцев. Не забыл еще, как все это было? Смотрю, вот, на Азамата и вспоминаю...

Разве мог бы Ахмет забыть эти ощущения? Страсть! Свобода! Безумный дух баталий! Они с Мурадом сражались плечом к плечу. Цема с Мединой танцевали, обняв друг друга за талию...

- С твоим сыном происходит то же самое, - говорил Мурад убедительно. - Он так же влюблен и так же беспомощен в своем положении. Я пришел просить у тебя разрешения действовать от его имени - просить руки той девушки. Не возражаешь? Ахмет удивился такому порыву друга:

- Но что это за девушка? Кто ее родители? Они настоящие уорки? Мы их знаем?

Но увидев лукавую усмешку на лице Мурада, Ахмет расхохотался и сам. Он вдруг понял, что рассуждает как заправский спесивый кабардинский аристократ. Как его собственный отец когда-то.

- Ох, Мурад! Теперь ты видишь, до чего могут довести сыновья!?

Ахмет раскаялся в своих словах. Напряженность спала, друзья рассмеялись и выпили до дна чарки с бахсимой. Теперь-то Мурад мог вволю посплетничать (иногда ему не было в этом равных).

- Это в Анзури, что на Чегеме. Хорошая семья, очень подходящая во всех отношениях. У них лишь одна дочь и они, естественно, не хотят, чтобы она уезжала далеко от дома...

Ахмет простонал и прикрыл глаза:

- Скорее всего, она весьма избалована. Будет давить на них, как моя сестра - на отца. Помнишь мою сестру Афуасу, я часто тебе рассказывал о ней. Она стала причиной всех моих бед...

- Пустяки, - твердо заявил Мурад. - Ты уехал с Кубани, чтобы испытать себя и закалиться. То же самое будет с Казбеком. Люди говорят, что это девушка редкой красоты, она будет отличной парой твоему сыну. Тем не менее, ее семья сильно раздражена тем вниманием, которое Казбек оказывает их дочери.

- У них нет для этого оснований! - воскликнул Ахмет запальчиво.

- Именно так, поэтому мы поедem туда и объясним им это. Я думаю взять с собой Темиркана как пожилого, уважаемого уорка. Надеюсь, он еще не настолько одряхлел, чтобы осилить это путешествие... Возьму еще двух братьев Шамирза, потому что они богатые и знатные адыги...

Ахмет перебил его, загоревшись вдруг идеей убедить Анзури, что он, Ахмет, - весьма уважаемый уорк и что брак с любым из его сыновей может считаться настоящей удачей. При этом сам этот, из Анзури, возможно, и не достоин подобной чести.

- Да, план хороший, но я хотел бы прихватить также еще одного человека из семьи Кануков с Баксана. У них родственные связи с анзурийцами. Им будет приятно, что мы уважили их соплеменников.

Мурад искренне рассмеялся. Кануки являлись давними и надежными покупателями Ахмета, это была дружная, зажиточная семья. Ахмет, таким образом, не заводя даже речи о торговле, сможет показать себя, свои связи и успехи в делах.

- Отлично. Я займусь подготовкой.

Мужчины, довольные друг другом, обменялись рукопожатиями и отправились по своим делам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ахмет с Мурадом стояли среди других уорков племени Хапца, ожидая, когда князь и Темиркан обратятся к ним с речью.

- Ты правда не знаешь, зачем твой брат собрал нас? - спросил Ахмет своего друга.

- Нет. Омар твердо придерживается законов правления. Я знаю лишь то, что могу узнать, но он не посвящает меня в свои секреты.

Князь Хапца величественно появился, освещенный солнечными лучами, облаченный в роскошные одежды и окруженный старейшинами. Слуги помогли Темиркану занять свое место. Несмотря на дряхлость тела, он сохранил цепкость ума и способность быстро принимать решения. Ахмет посмотрел на Мурада, который старался держаться бесстрастно по отношению к Темиркану.

- Братья, - начал свою речь князь суровым голосом. - Сегодня у меня плохие новости. Некоторым из вас уже известно, что казаки напали на черкесский аул к югу отсюда под предлогом, что его жители, якобы, вместе с чеченцами участвовали в нападении на станицу. Опасность может грозить и нам, - князь сделал знак Темиркану, чтобы тот продолжил его рассказ более подробно.

- Я так и думал, - сказал Ахмет. - Приезд Клапрота должен был насторожить нас.

Мурад отрицательно покачал головой:

- Клапрот тут не при чем. Сейчас он едет в Моздок. Это работа кого-то другого. Что тебе сказал Анвар?

- Тш-ш! - остановил его Ахмет, посматривая на окружающих.'

Начал говорить Темиркан:

- ... немедленно начинать подготовку. Следует запастись побольше боеприпасов и избегать любых столкновений с русскими. Мурад, попроси своих друзей прекратить помогать горцам хотя бы ненадолго. Нельзя давать русским повод напасть на Хапца.

Ахмет потупил глаза в землю. Со стороны Темиркана было весьма благородно адресовать это замечание Мураду, Хапца по рождению, а не напрямую тому, кого это касалось. С Анваром было немало проблем. Ахмет знал, что у его среднего сына сложились более чем тесные связи со своими чеченскими родственниками. В политических делах он был на их стороне. Когда Анвар отправлялся торговать лошадьми на местную ярмарку, то отсутствовал дольше, чем это было необходимо, и все знали, что он в это время продает или отдает коней чеченцам, которые уже заранее ждали его в условленном месте где-нибудь по дороге. Он скрывал это, не желая подводить отца.

- ... Если придет война, - продолжал Темиркан, - мы должны быть готовы к ней. Нужно посоветоваться с другими князьями.

Тут Ахмет не сдержался и громко выругался. Окружающие удивленно посмотрели на него.

- А я как раз послал партию из двенадцати лошадей через Сунжу! Они предназначались для ингушей! Я ж не знал...!

- Когда это было, Ахмет? - спросил князь Омар.

- Вчера на рассвете. Теперь уж их не вернешь. С ними двое моих людей.

Темиркан задумался:

- Если их перехватят, может случиться беда.

Мы попробуем вмешаться уже потом. Братья... нам следует сохранять спокойствие, не стоит волновать людей. Будем надеяться, по крайней мере, что на следующей неделе, когда наш человек вернется из Моздока, мы получим более подробные сведения о намерениях казаков.

Подобно чеченскому мулле князь Хапца имел собственную сеть осведомителей. Это было типично для Кавказа - пошущукаться, понаблюдать, доложить... Подозрительность, страх, слухи и опровержения слухов - все это было частью той психологической войны, которую активно вели русские генералы. Для этого они засылали к князю людей вроде

Клацрота или направляли дипломатов. Цель же в основном заключалась в том, чтобы отдалить Хапца от соседей.

Мурад с Ахметом сели на коней и отправились домой.

- Был бы я на двадцать лет моложе, - проворчал Мурад.

- Да, и я подумал, так же. Боюсь, правда, что все наши битвы уже позади. - Ахмет замолчал, поднял голову и посмотрел на стаю диких гусей, тянувшихся к Тереку. - Когда я вспоминаю нашу прошлую жизнь там, в горах, всегда удивляюсь, как мы выжили. По сравнению с нами, нашим сыновьям живется легко. Даже горячий Анвар, и тот не имеет никакого представления о войне. Что касается Казбека, то самую большую кровь в своей жизни он видел, лишь потроша лань. Как они поведут себя, начнись настоящая война?

Мурад кивнул:

- То же самое я думаю о Джафаре и Тимуре. С другой стороны грешно мечтать, чтобы они поскорее стали убийцами. Надо радоваться, что живем в мире. Надо благодарить Аллаха, что все они выжили в эпидемию... Пока что судьба к ним благосклонна.

- Быть может, даже слишком, - мрачно проговорил Ахмет.

- Ты не понял меня, - твердо сказал Мурад. Иногда он замечал, что Ахмета охватывает мрачное расположение духа, какая-то хандра, мучившая его еще в молодые годы, и боялся, что со временем это состояние будет возвращаться все чаще и отравлять ему жизнь. - Они живут здесь хорошо, поэтому им есть что защищать. Это чувство придаст им мужество, усилит боевой дух, когда придет время сражаться. Им есть за что воевать.

- Наверное, ты прав. Анвар просто спит и видит схватиться с гяурами.

- А Казбек? Твой старший? Он так страдает из-за отказа в Анзури?

Ахмет мрачно заворчал:

- Очень страдает. Жалко на него смотреть, да и жена досаждает мне без конца. Я все время объясняю ей, что ты сделал все возможное.

Мураду вспомнилось, сколько времени они с Темирканом потратили в Анзури, предаваясь посольским ухищрениям. Сколько было съедено и выпито, сколько было сказано хвалебных слов и высокопарных речей, сколько душевных бесед произошло за это время... Но в результате всего этого им сказали вежливо, но твердо, что девушка дала обещание одному из местных уорков.

- Надеюсь, что все, - проговорил он недовольно.

- Все-таки, я думаю, было бы лучше, если б ты взял с собой Кануку с Баксана, - проворчал Ахмет.

- У него были серьезные основания для отказа. Не везти ж его насильно.

- Ты вправду веришь этой истории о его болезни?

Мурад пожал плечами:

- Неважно, правда это или нет. Речь шла об уважении одного уорка к другому. Он не хотел ехать с нами под любым предлогом. Это само по себе уже достаточная причина!

Ахмет не мог не рассмеяться: это было типичное политиканство Мурада.

- Подумай сам: ты взял с собой братьев Шамирза - самое почетное посольство, какое только можно себе вообразить. И ты сделал все возможное, я просто уверен в этом. Ничего большего мы сделать уже не в силах. По правде говоря, если бы где-нибудь на Кубани молодой парень попал в такое же положение, как Казбек, он давно бы выкрал возлюбленную, не успели бы и глазом моргнуть. Быть может, Казбек не столь уверен в себе...

- Ты, старый волчище! Никогда уж, наверное, не изменишься. Это приходило и мне в голову, уверен - и Казбеку, тоже. Но подумай, насколько опасен такой поступок!

Ахмет ответил резко:

- Он хочет быть с ней, так? Значит должен совсем присущим ему мужеством действовать так, как если бы сама жизнь зависела от этого. В противном случае ему придется подыскать себе пару попроще!

Мурад не стал с ним спорить. Ему хотелось, чтобы Ахмет не считал, что у его сыновей жизнь сплошной мед. Никогда не знаешь, что ждет впереди.

* * * * *

А в, это самое время Казбек, Анвар и Тимур, младший сын Мурада, были заняты как раз тем, о чем разговаривали их отцы. Анвар и Тимур были почти ровесники, но сильно различались по темпераменту, и, может быть, как раз поэтому неплохо уживались. Если Анвар был серьезен, то Тимур любил подшутить надо всем и вся, если Анвар любил секретничать и плести интриги, то Тимур был страстным, открытым и всегда говорил то, что думает. От Медины он унаследовал благожелательную, энергичную натуру, а от Мурада - способность умело сражаться.

- Ладно. В общем Нурсан сказала, что будет ждать. Ты уверен, что выбрал нужный день? - Тимур обратился к Казбеку, который смотрел куда-то, прищурившись от яркого солнца, будто стараясь разглядеть свою дорогу в будущее.

Не говори глупостей! - вспыхнул Казбек. - Конечно, я выбрал нужный день!

Тимур примиряюще поднял руку:

- Ну успокойся, я пошутил., - он повернулся к Анвару, скакавшему рядом с ним легким галопом. - Красивое место этот Чегем! И денек что надо! - Тимур громко приветствовал пшитла, правившего повозкой с сеном, тянущейся вдоль разбитой дороги.

- Азамату понравилось бы это приключение, - задорно сказал Анвар.

- Он пожалеет, что упустил такой случай.

- Если б он был здесь, вряд ли бы присоединился к нам - просто из уважения к отцу, - усомнился Казбек.

Ему хватит собственных приключений, - сказал Тимур. - Сейчас он, небось, вовсю спешит к Кубани.

Он вытащил из дорожной сумки большой кусок сыра, а остальные, почуяв запах съестного, поняли, как сильно проголодались. Братья поднялись задолго до рассвета, чтобы ничто не смогло задержать их в ауле, и даже сейчас они не спешили, хотя и позволили лошадям пощипать сочной травы у ручья.

- Казбек, тебе ли не знать, - заговорил Тимур, жуя, - обычаи запрещают всем сыновьям одновременно участвовать в деле, если их всех могут при этом убить. То, что мы затеяли сегодня, конечно, выглядит как настоящее приключение, но все это может стать серьезным. И даже очень опасным.

Парни довольно заулыбались, посматривая друг на друга.

- Что ж! - воскликнул Анвар, - Пусть будет опасно. Я не боюсь.

Казбек начинал терять терпение.

- Если Нурсан вовремя придет в назначенное место, нам ничего не грозит.

- Но до тех лишь пор, пока ее родные не обнаружат пропажу..., - заметил Тимур.

- Погонятся за нами или нет?

Казбек подстегнул коня и двинулся вперед:

- Без сомнения. У нас есть возможность улизнуть, если только ее отсутствие не обнаружат до утра. К тому времени мы уже выберемся из Чегема и будем приближаться к дому.

Анвар поднял голову. Глаза у Казбека блеснули.

- Это ведь сразу поубавит остроты ощущений, не правда ли, дорогой мой боевой брат? - ехидно заметил Казбек.

Братья рассмеялись и поскакали навстречу судьбе. Тем не менее, после нескольких часов езды и долгого ожидания сумерек двое младших уже не казались такими веселыми. Единственно, что их еще удерживало от отступления, была решительность Казбека. Они вновь остановились на краю долины, где находился аул Нурсан.

- Это довольно далеко, - сказал Казбек. - Я пойду туда пешком один, и мы вернемся вместе. Вы двое ждите тут тихо, никуда не уходите и ничего не предпринимайте, даже если я задержусь. Еще не наступила полночь, и она, возможно, пока не может выйти из дома.

- Хорошо, Казбек, - сказал Тимур, - мы подождем. - Теперь его уже не так ужасала мысль, что они станут жертвами свирепых чегемских воинов, рыскающих в этих диких лесах в поисках обидчиков. Днем эта мысль не давала ему покоя.

Длинные вечерние тени легли поперек широкой долины. Где-то шумели водопады. Становилось прохладно. Казбек украдкой двинулся к деревне. Анвар и Тимур удобно расположились на травянистом холме и стали ждать. Некоторое время они старались не обсуждать происходящее. Потом Анвар услышал какой-то шум и выхватил свою каму. Оказалось, что это вернулся Казбек.

- Появились препятствия, - мрачно сказал он.

- В чем дело? - спросил Тимур напряженно.

- Нас там ждут в гости. Вверху ущелья. Я насчитал четверых. Один бодрствует, остальные спят.

Анвар побледнел, однако не от страха, а от возбуждения. Он вдруг почувствовал, что ему нравится риск.

- Что будем делать? - спросил он, готовый на все.

Казбек с минуту раздумывал, присев рядом с ними на корточки.

- Анвар, ты захватил с собой веревки?

Тот кивнул. Ведь он был объездчиком лошадей!

- У меня всегда веревка к седлу привязана. Серо-голубые глаза Казбека блеснули.

- Отлично. Лошадей оставим тут. Бери веревку - и за мной. Это будет нетрудно! Они двинулись вперед и дошли до густых кустов, откуда Казбек в первый раз наблюдал «гостевой отряд». Казбек сделал братьям знак оставаться на месте и дальше пошел один, сжимая каму в руке.

Сначала Анвар перепугался, подумав, что Казбек собирается убить местных, но тот перехватил его взгляд и быстро покачал головой. Он перевернул каму круглой рукоятью вперед: отличный инструмент для оглушения...

Анвар с братом обменялись понимающими улыбками.

Казбек полез вверх и подобрался сзади к часовому, сидящему на лошади возле своих спящих товарищей. В прыжке он закрыл ему рот ладонью и тут же сильно ударил по темени тяжелой рукоятью ножа. Всадник мягко свалился прямо ему в руки. Казбек дал знак братьям, чтобы они бежали к нему и проделали то же самое с остальными. За несколько секунд все четверо были оглушены и крепко привязаны к стволу огромного дуба с кляпами во рту.

Казбек возвышался над ними:

- Судя по тому, что эти молодцы тут караулили, Нурсан сегодня уже не придет... Боже мой, - яростно воскликнул он, - я не поеду обратно без нее!

У Тимура тоже разыгралась кровь:

- Ты знаешь, где дом ее отца?

Они понимали, что теперь у них нет другого выхода, как только пробираться в аул и там добывать Нурсан.

- Знаю, - решительно ответил Казбек, - но нам надо подождать еще час-два, пока все утомонятся и отойдут ко сну. Сейчас, когда его будущее счастье было в опасности, Казбек чувствовал прилив решимости и мог не бояться, что сон одолеет его.

Дождавшись первых петухов, трое со всех ног поехали к аулу. У Анвара отчаянно билось сердце, да и Тимур что-то поприхихивал с шутками. Ему вовсе не понравилось лупить по голове рослого чегемского воина, беззащитно распростертого на земле, но в то же время, он чувствовал, что участвует в правом деле - на кон были поставлены честь и

любовь его друга. Тимур с ужасом представлял себе, как страшно рассердится на них отец.

- Я перелезу через стену, - сказал Казбек, когда они подошли к длинному белому амбару, стоящему на границе владений семьи Нурсан. Казбек собирался залезть во двор и пробраться на женскую половину дома.

- Тимур, сторожи тут у ворот. А ты, Анвар, сходи в лошину и приведи лошадей. Когда я выберусь с девушкой обратно, ты должен быть уже здесь, понимаешь? Нужно быть готовыми к немедленному отъезду. В случае неудачи...

- Не волнуйся, брат. Я буду здесь.

Анвар бросился выполнять задание, а Тимур подсадил Казбека, помогая ему преодолеть высокую ограду. Каждую секунду теперь можно было ожидать заливающего лая анзурийских собак. Тимуру не нравился такой поворот событий: Казбек один отправился во двор, Анвар один бродит в кустах, а сам он отчаянно вжимается в стену чужого двора. Пальцы Тимура нервно выбивали дробь на рукояти камы, готовые в любой миг выхватить оружие.

С большими предосторожностями Казбек продвигался по спящему двору этого дома в Анзури. Вряд ли это первая комната, скорее всего, вторая... Никого внутри. В третьей комнате была кладовая. На мгновение в отчаянии Казбек подумал, не увезли ли Нурсан вообще из деревни, предвидя его попытку выкрасть ее.

Он вернулся ко второму окну той комнаты, которую считал пустой. Если нужно, он разнесет деревянные ставни и заберется внутрь... Казбек осторожно постучал. Внутри раздался какой-то шорох, сердце у него остановилось.

- Казбек! Казбек!... Ты пришел! Я готова... Нурсан отворила ставни, и в темноте забелела кисть ее руки. Она взяла руку Казбека. Потом он увидел ее лицо - несчастное, припухшее от слез. Ясно, что отец превратил ее жизнь в сплошную муку с того дня, как понял, что она может убежать с возлюбленным. Комната была пуста, дверь закрыта. Несомненно, она заперта. Нурсан начала говорить, но Казбек приложил ладонь к ее рту и без дальнейших проволочек вытащил девушку через раскрытое окно.

Его крупная крепкая рука обхватила Нурсан, и они быстро побежали к стене, Радость Казбека была столь велика, что он легко, как перышко, перенес девушку через ограду. К счастью, Анвар был наготове, и Казбек сразу вскочил в седло, посадив Нурсан впереди себя.

И тут залаяли собаки. Возможно, они учуяли лошадей или услышали их дыхание. Стоило начать одной, как уже зашлась вся деревня.

- Оа-опс! - задорно воскликнул Тимур вскакивая в седло без помощи стремян. Анвар и Казбек уже исчезли во мраке, он поспешил за ними.

Возвращение юношей в родной аул составило впоследствии особую страницу в семейных преданиях. Торжественно и церемонно Казбек подъехал к дверям дома князя Хапца, осторожно придерживая свою возлюбленную Нурсан. Чтобы сохранить тайну, Казбек пониже опустил покрывало ей на лицо: все женщины поселка - старшие и молодые, уорки и пшитл, высыпали из домов посмотреть на известную красавицу, которую завоевал, в конце концов, отважный сын Ахмета.

В воротах появился Темиркан:

- Казбек, Тимур, Анвар... Вы, кажется, ездили на охоту!...

- Ему не удалось сохранить строгую мину на лице, и советник князя расплылся в широкой улыбке.

- Тхамата! - проговорил Казбек зычным голосом. - Я привез сюда свою будущую жену под защиту нашего князя, как предписывают обычаи. Согласен ли князь Хапца исполнить это?

Темиркан кивнул:

- Князь согласен, Казбек. А теперь заводи скорее бедную девушку в дом, пока она не лишилась чувств от усталости!

И это было правдой: услышав этот разговор, Нурсан обессилено склонила голову на грудь Казбека. Она действительно сильно устала, правда больше от волнения и страха, чем от стремительной езды в седле в течение целого дня.

В это время из дома князя вышли две служанки и поспешили к Нурсан. Они подошли к лошади Казбека и в ожидании остановились у его стремян. С большой осторожностью и нежностью Казбек опустил свою «добычу» на руки служанок. В последний раз посмотрел он на застенчивое, наполовину закрытое покрывалом, лицо своей суженой. Нурсан несмело улыбнулась, как бы одобряя действия своего похитителя. Женщины быстро увели ее с собой.

Темиркан твердо следовал традициям:

- Ты говорил об обычаях, Казбек. Так вот...Теперь тебе следует исчезнуть до самого дня свадьбы. Твоя работа закончена, - потом же, понизив голос, он добавил: - Отлично сработано, юноша...

Его глаза блеснули. Он будто намекал на то, что сам в молодости вытворял и не такое. Потом главный советник повысил голос, чтобы было слышно окружающим и проговорил с важным видом:

- Не исчезает то, что сделано стариками!

* * * * *

Как страдал Казбек в последующие недели! Как долго и нудно тянулись переговоры, проводимые по всем правилам кабардинской дипломатии, предусмотренными на случай кражи невест. Все это означало, что он был лишен возможности видеть Нурсан, быть рядом с ней. Он постоянно пребывал в мрачном состоянии духа.

Прежде всего, ему нужно было встретиться с отцом. В тот день, когда Нурсан появилась в ауле, Ахмет был далеко от дома со своим табуном. Однако слухи летят быстрее, чем копыта горного скакуна. Когда Казбек с Анваром вернулись домой, домашние бросились встречать их у ворот.

-Ну вы, бесшабашные головы! - воскликнула Цема, не будучи, однако, в состоянии скрыть сильное волнение.

- Теперь придется платить бог знает сколько, - мрачно изрек Ахмет. - Ты понимаешь, что теперь чегемцы вправе запросить любой выкуп?

- Прости, отец. Но я не мог потерять ее.

Ахмет пристально смотрел на сына, и, казалось, что он никогда не ответит глаз.

Потом отец хлопнул Казбека по спине:

- Ладно, разберемся с тобой. Иди, помоги Анвару с жеребьями. Я подготовлю встречу со старейшинами.

Казбек пошел к лошади. Цема как бы случайно оказалась во дворе. Она отвела Анвара в сторонку.

- Ты видел ее? - зашептала ему на ухо. – Как она выглядит?

Анвар задумался на секунду.

- Ну-у... Красивая. Если тебе нравятся черноволосые девушки... Но это не в моем вкусе... Цема рассмеялась:

- Ого, ты, кажется, большой знаток в этих делах?

- Да нет, мама. Просто мне нравятся более светлые волосы. Как у тебя... Вот посмотришь - скоро я приведу тебе еще одну невестку.

- Ты молодец. Ладно, ступай.

Цема подошла к мужу:

- Вот видишь, я была права. Он все же ре шился на это!

Теперь, когда сыновей не было рядом, Ахмет позволил себе взять жену за руку:

- Ты всегда бываешь права, когда речь идет о делах сердечных. Только вот платить придется мне...

Ахмет отправился на встречу со старейшинами, ворча и улыбаясь одновременно.

Темиркан и остальные старейшины решили, что, в соответствии с Хабза, в сложившейся экстренной обстановке следует напрямую обратиться к родным Нурсан. В Чегем отправили посыльного с целью известить семью о местопребывании их дочери и о том, что она находится в доме самого князя Хапца.

Через несколько дней из Анзури приехал человек, чтобы убедиться, что Нурсан жива-здорова и ее не удерживают тут против воли.

- Конечно же, она очень рада, что оказалась здесь, - запальчиво воскликнул Казбек в разговоре с матерью. - По крайней мере, так оно и было бы, если б я мог видеть ее, разговаривать с ней!

- Успокойся. Ты заварил всю эту кашу, так уж позволь нам расхлебывать ее как положено. По традиции родственники обязаны проверить положение дел. Так поступали всегда.

Казбек молчал, ибо с уважением относился к тому, что делают «как поступали всегда», однако иногда чувства делали его слишком болтливым.

- Кабардинский уорк, собирающийся жениться, обязан следить за своим языком..., - резко сказала ему Цема.

- Извини, мама. - Он знал, что она права, и еще раз клятвенно пообещал исправиться.

Анзуриец Хамид, дядя Нурсан, был человеком весьма основательным, скрупулезным, отчего и сами переговоры с ним начинали казаться занудными. Он привез с собой одну из прежних служанок Нурсан, чтобы та осталась с невестой и помогла ей в предсвадебных приготовлениях. Несмотря на тот способ, которым Казбек заполучил любимую, им предстояло вступить в брак со всеми полагающимися церемониями. И все вокруг искренне хотели этого.

- Мы удовлетворены. Решение Принято. Девушка хочет остаться здесь, поэтому можно считать, что все наши разногласия устранены, - заключил Хамид.

После этого Темиркан перешел к вопросу о выборе доверенных лиц, которые отправятся на Чегем обсуждать выкуп за невесту.

Этот вопрос вызвал немало споров между старейшинами. Темиркан не спешил предлагать себя на эту роль, ведь именно они с Мурадом уже ездили туда сватать и получили отказ. Мурад считал, что и ему негоже ехать, ибо его собственный сын участвовал в увозе невесты. Об Ахмете речь уже не шла. В данном случае никто не мог соперничать с Темирканом в знатности и занимаемом положении. Князь настоял, чтобы Темиркан продолжил переговоры, ибо он, без сомнения, был наиболее уважаемым и опытным из всех.

Позже Казбек в смиренном молчании выслушал рассказ матери о принятом решении.

- Ты должен понять, - объясняла Цема, - что оскорбленная семья может запросить любой выкуп. Если они этого не сделают, то, выходит, любой лихой сорвиголова, вроде тебя, может безнаказанно воровать невест. Этого нельзя позволять, Казбек. И старшие не хотят, чтобы твой пример вдохновил других.

- Я понимаю, - покорно проговорил Казбек. Теперь, когда он уже сделал этот отчаянный шаг навстречу судьбе, ему хотелось лишь одного : чтобы все это поскорее уладилось и они с Нурсан, наконец, соединились. Если их семьи окажутся втянутыми в кровную вражду, то о каком покое может идти речь?

С подобающей сдержанностью Темиркан принял предложение князя ехать в Анзури. Все надежды возлагались на то, что, учитывая общую атмосферу опасности, царящую в Кабарде и Недавние грабительские налеты казаков, чегемские анзурийцы, назначая размер выкупа, не превысят разумных пределов.

Все, что оставалось Казбеку, это снова ждать. Темиркан уехал на целую неделю: гостеприимство чегемцев было широко известно, обид же они не прощали никому.

Наконец, главный советник вернулся и радостно объявил, что все счастливо уладилось и что свадьба может состояться в ближайшие две недели.

Весь аул участвовал в приготовлениях. Без сомнения, чегемцы пошлют на праздник самых достойных представителей. Опытный дипломат Темиркан умело навел мосты дружбы между двумя кланами, а предстоящая свадьба Нурсан и Казбека станет самым ярким символом этой дружбы.

Свадьба - это сложный ритуал, в котором участвуют множество людей. Свадьба - это приготовление угощения и шитье, плетение кружев, перетряхивание со вздохами содержимого сундука с приданым Нурсан: ковров, одежды, шалей, детских пеленок; чистка конской упряжи, заплетание грив и хвостов, правка и точка сабель и кама в среде молодых мужчин, стремящихся выглядеть как можно более впечатляюще во время торжества; тихие слезы и воспоминания пожилых женщин, вдов, потерявших мужей в схватках с казаками, воспоминания о розовых мечтах, которым потом так и не суждено было сбыться; невеселые разговоры стариков - чегемцев и Хапца о своих опасениях за будущее и о внуках, которых они, Аллах даст, еще увидят; ну и, наконец, поцелуи Ахмета с Цемой, видящих как споро идет подготовка к свадьбе их старшего сына.

Казбек следил за последними приготовлениями в доме, расположенном на земле его отца, где им предстоит жить с Нурсан. Он сам оштукатурил стены и смастерил крепкие ставни для окон, чтобы дом его был защищен от непрошенных гостей. Везде, где бы он ни работал, Казбек встречался с Нурсан, она появлялась вслед за ним всюду: у костра, чтобы поговорить с ним, в окне, чтобы приглашающе помахать ему рукой, в спальне, чтобы обнять его, пылая от смущения.

Наконец, наступил назначенный день. Свадьба на Тереке началась с того, что у ворот князя собралась большая толпа гостей, чегемцев и Хапца, съехавшихся из местных деревень. Вокруг толпы постоянно сновали туда-сюда молодые воины на лошадях, совершая иногда сложные маневры, чтобы не наскочить на пришедших. Они то и дело вытворяли чудеса джигитовки: выпрямлялись в седле в полный рост, соскакивали на землю на ходу и так далее. Несколько милovidных девушек в красивых вышитых шапочках, с белыми кружевными накидками и в пышно расшитых халатах до пят, из-под которых виднелись шелковые рубашки?, ожидали появления Нурсан. Наконец, она появилась, что вызвало дружный вздох присутствующих, будто волна прокатилась по толпе. Нурсан была облачена в белое кружевное платье, с которым могла бы поспорить нежная бледность ее щек. У Нурсан были темные глаза испуганной лани, но в то же время эти глаза замечали все происходящее. Она приковала к себе взоры гостей. Ни у кого уже не могло оставаться сомнений (если они вообще были) в том, что Нурсан видела в этой свадьбе главное событие в своей жизни.

Хатиахва, свадебный распорядитель, поднял свой длинный посох - и танцор с прикрепленными к голове рогами, ажегада, принялся кружиться среди молодых людей. Ритмично притопывая ногами он исполнял ритуальный танец, которым следовало сопровождать невесту в эти торжественные минуты. Заиграла музыка, и люди принялись хлопать в ладоши. Красивый молодой парень затянул свадебную песнь: «Мы привели невесту, варидада, счастливое семейство, мы привели вам невесту...» Девушки заботливо взяли Нурсан подтэуки и повели к деревенской площади, будто куклу из китайского фарфора (она и впрямь казалась такой же хрупкой и ценной). Танцы продолжились на площади, а затем процессия двинулась к дому Ахмета, как предписывал древний ритуал ниссаша.

Двор дома Ахмета превратился в главное место праздничных забав: в центре отплясывала молодежь, а по краям жарились на вертелах целые бараны и откормленные гуси. Старики и гости, восседающие на маленьких скамеечках, поставленных кругом, вовсю угощались бахсимой. Кругом были во множестве расставлены черкесские ана, полные изысканных яств и фруктов. Это была поистине незабываемая свадьба, которая длилась более семи дней и ночей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Анвар ждал своих друзей у реки. Сунжа была полноводной. Стоял чудесный летний денек, в воздухе мирно жужжали пчелы, и легкий ветерок шевелил заросли тростника вдоль берега. Сено было скошено, пора было убирать рожь. Полосы розового и белого клевера окаймляли поля. Кругом была разлита какая-то живительная сила. Букашки весело копошились в траве. Прогретый воздух дрожал. Все это придавало ожиданию какое-то особое очарование. Среди жителей гор укрепилось новое настроение, оно передалось и Анвару: в него вселилось беспокойство, он ощущал постоянную готовность к Действиям. Жизнь была хороша, даже слишком хороша. В то же время русские, кажется, несколько ослабили свой нажим. Русское командование на Кавказе действовало не столь уверенно, было склонно скорее к компромиссам. Анвар знал причину этого. В командовании Южной армии остались лишь престарелые уже и довольно слабохарактерные люди вроде нынешнего командующего Ртищева. Если когда-нибудь здесь и складывалась обстановка, благоприятная для удара со стороны чеченцев, так это именно сейчас.

Лич и Зелимка опаздывали. Дурной знак. Анвар отпустил коня на водопой, а сам сел в ожидании, держа винтовку в руках. Оба они - Лич и Зелимка - были хорошими военными. Когда-то, еще мальчишкой, Лича взяли проводником во время сражения при Кизляре под знаменами шейха Мансура. Анвар много времени проводил с чеченцами, и именно Лич нередко обучал его боевому искусству. Лич нравился ему более других. Зелимка разделял его взгляды. Это был сын старого воина Ати, который занимался в основном тем, что тайно собирал для горцев ценные сведения. Получив ранение под Кизляром, Ати вдруг сильно затосковал от одиночества и решил, наконец, обзавестись семьей. Вскоре он женился. Зелимка стал его первенцем. С Анваром они были почти ровесники - обоим было сейчас по двадцать восемь. С помощью лекаря Василия Ати выучил Зелимку русскому языку. Зелимка унаследовал от отца его «слишком обычную», неприметную внешность и благодаря этому смог продолжить семейную традицию - начал тоже шпионить в интересах чеченцев.

Сегодня им предстояли великие дела. Анвару не терпелось поскорее приступить к воплощению задуманного. Лич и Зелимка, между прочим, были весьма подходящими напарниками для боевых операций. В то время, как Лич по натуре был отчаянно-храбрым и безжалостным, Зелимка отличался осторожностью, немногословностью и верткостью. Себя же Анвар считал превосходным наездником и большим знатоком стратегии, что являлось ценным вкладом в общую коллекцию талантов. Предстоящую операцию разработал он сам.

Анвару надоело покорно ждать, когда судьба предоставит ему шанс. Если Казбек предпочел завести семью и вести обычную жизнь добропорядочного кабардинского уорка, то он, Анвар, носил в душе неугасимый огонь бунтарства, унаследованный от дедушки-чеченца, и поэтому не мог удовлетвориться каждодневной скучной работой в конюшнях. Месяцы, проведенные в горах, когда в Кабарде бушевала чума, оставили в его душе неизгладимый след. С тех пор он поддерживал связь со своими родственниками, помогая им всем, чем мог: снабжал хорошими лошадьми, передавал собранные по крохам сведения о передвижении русских войск, вербовал сочувствующих среди воинов-кабардинцев, так как не все из них поддерживали политику компромисса, проводимую старейшинами.

Месяцами они ждали своего часа. И вот он, кажется, пробил. Генерал Ртищев (нынешний командующий на Линии при общем верховном командовании Гудовича) находился в Моздоке и пригласил туда на обед всех старейшин, включая и почетного князя Хапца. Именно сегодня и следовало нанести удар.

Анвар различил какой-то шорох в кустах. Шум был не громче, чем возня куропатки, шуршащей по кустам в поисках ягод, но он сразу понял, что его друзья близко. Вскинув винтовку, Анвар отполз за кусты, ожидая их появления.

Первым выполз Лич. Длинный, тонкий, жилистый, он полз в высокой траве, извиваясь, Как ленивая змея. Это был уже зрелый мужчина далеко за тридцать. Его лицо, выдубленное солнцем, снегами и ветрами, было покрыто морщинами, а глаза превратились в узкие темные щелочки всякий раз, когда он сощуривался, пытаясь разглядеть Анвара или, напротив, обнаружить устроенную на них засаду. Глядя на это, Анвар улыбался, сидя в своем укрытии.

За Личем следовал Зелимка, старый приятель Анвара. Не будь он так мал ростом, мог бы волновать сердца многих девушек, однако Зелимка, как и Анвар, был человеком отнюдь не романтического склада. Ему нужна была только свобода и ничего, кроме свободы - чтобы воевать с гяурами.

Ловушка, устроенная Анваром, сработала, и Зелимка успел лишь неразборчиво выругаться, когда его левая нога неожиданно попала в крепкие путы. Анвар вскочил на ноги и заблеял козленком. Зелимка яростно боролся с силками в то время, как Лич подхватил ружье и отпрыгнул назад, готовый защищать своего товарища.

- Вы готовы! - крикнул Анвар, выпрыгивая из своей засады, очень довольный тем, как ему удалось провести дружков.

- Придурок! - Зелимка освободил, наконец, ногу и покатился к Анвару с намерением схватить его за ноги. Мужчины начали бороться в траве, счастливые от того, что снова вместе, ивобужденные предчувствием задуманной ими маленькой «диверсии».

- Ну хватит, - проворчал Лич. - Нас ждет неблизкий путь. Ты привел мне добрую лошадку, - Анвар?

- Да.

- Жаль, что Балина захромала. Отличная была кобыла. Завтра я доставлю ее к твоему отцу. Вот и предлог для нашего маленького путешествия, -ухмыльнулся Лич.

- Она еще принесет славных жеребят.. Так что не так все плохо, - заметил Анвар.

- Ладно, братцы, поехали. - Лич направился к тому месту, где Анвар оставил оседланных лошадей. - Ого, красавица! Спасибо, Анвар. - С видом знатока он вскочил в седло и дернул за повод, направляя лошадь в сторону и проверяя реакцию кобылы. - И имени у нее, наверное, нет...

Анвар кивнул:

- Не могу я еще выдумывать имена перед такими делами! Поехали, время идет...

- Где встречаемся с остальными? - спросил Зелимка.

- За поворотом реки, - ответил Анвар. - Я покажу дорогу.

Анвар с двумя чеченцами проехали вдоль реки и углубились в буковый лес, где им предстояло встретиться с единомышленниками Анвара, собравшимися там в условленном месте из чеченских, ингушских и лезгинских деревень. Все они были вооружены до зубов. Лич узнал пару человек. Мужчины поздоровались друг с другом, это заняло немного времени. Всего собралось пятнадцать человек.

Быстрым ходом они направились к выбранному для операции месту - лощине на северной стороне Терека на полпути между Моздоком и Екатериноградом. По этой дороге транспортные подводы следовали в городки, расположенные на Линии. Это был долгий и утомительный путь с юга вверх через Дарьяльское ущелье вдоль течения Терека до первых укреплений на Линии: у Екатеринограда река круто сворачивала на восток и устремлялась к Каспийскому морю.

Это место было выбрано из-за его удаленности от чеченских и ингушских владений, чтобы подозрение не пало непосредственно на эти племена. В то же время оно находилось в стороне и от кабардинских деревень, так что те тоже должны избежать прямых обвинений.

Анвар объяснил свой план.

- Русский генерал пригласил к себе наших кабардинских князей и некоторых местных старейшин, видно, для того, чтобы немного развлечь. Чтобы не заскучали. Но я знаю о его истинных намерениях, - начал он сильным зычным голосом. - Он будет потчевать князей

винами да разносолами и убеждать их в том, что их судьбы неотделимы от судьбы России. Они очень вежливо побеседуют о сыновьях, об урожае, о военных талантах Наполеона и вероломстве турков. Генерал Ртищев будет внимательно рассматривать свои ногти и убеждать себя в том, что ему удалось-таки создать образ цивилизованного, заботливого наместника. Но мы все знаем, что добивается он лишь одного, того же, чего добивались остальные русские генералы: захватить наши земли и превратить нас в царских рабов. Советники генерала наверняка сообщат ему, что «местные» любят под арки. Так что можно не сомневаться, что с этого приема наши славные князья и уорки вернутся с мешками всяких безделушек, словно малые дети!

Лич не мог удержаться от смеха:

- Да уж моя жена не отказалась бы от парочки персидских ковров, фарфорового сервиза или ложек!

Мужчины дружно рассмеялись, но Анвар быстро поднялся в стременах.

- Прекрасно, что вам так весело, - яростно проговорил он. - Но только не забывайте старой поговорки: «От тех, кого любишь, слезы проль-ешь, враги же и заставят смеяться». Ладно, это шутка... Сейчас, когда я говорю с вами, сюда вдоль Терека прямо из Тифлиса движется августовский обоз для генерала Ртищева.

Лич поднял в воздух кулак.

- Да здравствует Анвар! У него самые лучшие разведчики в мире!

- Спасибо, мой друг. Итак, я думаю, мы сможем помочь нашим старикам составить послание, которого заслуживает этот глупый Ртищев. Нас так просто не купить, и, кроме того, если уж дело дошло до подарков, то тут уж мы не продешевим.

Зелимка, между тем, не предавался общему веселью.

- Твой князь Хапча знает об этом плане? - тихо спросил он.

Анвар отрицательно покачал головой:

- Нет. Я думаю, нельзя его компрометировать, поэтому мы должны действовать самостоятельно.

Зелимка посмотрел на каждого из присутствующих по очереди:

- Но может последовать суровое наказание. Вправе ли мы накликасть беду на семьи других людей?

Его непроницаемое широкое лицо не выражало стремления навязать кому-либо свое мнение. Он хотел, чтобы каждый делал то, что считает нужным.

Лич старший из присутствующих чеченцев, говорил от лица остальных:

- Ртищев не будет мстить нам напрямую, это обесценит его политику компромиссов. Это будет глупо выглядеть. Не думаю, что он прикажет начать расправы. Вместе с тем, то, что мы собираемся сделать - это риск, и мы должны быть готовы к нему. Важно показать гяурам, что нас не так-то просто соблазнить рабством.

Последовал одобрителный ропот - решение было единогласным.

- Ладно, - сказал Анвар. - Будем держаться под прикрытием леса и двигаться на запад, пока не увидим конвой. Нападем ночью, лучше до того, как они раскинут лагерь.

Бросимся на них сзади, окружим повозки и возьмем что сможем. Вы, три метких стрелка, - сказал Анвар, на высоких смуглых ингушей, - остановите передовой отряд, чтоб он не смог придти на подмогу. Они не ожидают нас так близко от дома. Если повезет, обойдемся без рукопашной.

- Но как же мы атакуем их сзади, если они будут на той стороне реки? - спросил молодой чеченец. - Терек сейчас полноводен и быстр.

Анвар терпеливо улыбнулся:

- Хороший вопрос. К западу отсюда есть переправа. Казачьи патрули не знают о ней. Это песчаный порог, образованный наносами во время таяния прошлогоднего льда. А недавно река принесла пару деревьев, которые застряли в песке. Это удобный брод... но он сохранится недолго. Я сам недавно нашел его, когда переправлял лошадей в одну деревню в тех местах. Я покажу дорогу.

Отряд двинулся вперед. Сердце каждого колотилось в предвкушении боя. В молчании Анвар быстро вел друзей через лес, пока они не вышли к берегу Терека. Здесь сразу бросались в глаза последствия недавнего нашествия в эти места русских. Богатые кабардинские леса были вырублены на полверсты вдоль реки, а на другом берегу Терека земля была изуродованной, черной, истощенной. Такова была российская политика огня и меча - лишить местное население любого прикрытия вблизи Линии.

- Останемся здесь до темноты, - сказал Анвар. - Но мне нужны два смельчака, готовых перейти реку вброд для разведки. Обоз подойдет нынешней ночью, в крайнем случае, завтра на заре.

- А позже мы и не сможем рисковать, - проговорил Лич.

Анвар обернулся: - Давайте пока не думать об этом... Будет так, как захочет Аллах.

Каждый из них изо всех сил молился, чтобы обоз подошел под прикрытием темноты. Издалека горцам было видно, как казаки обходят дозором укрепления вокруг своей станицы. Через каждые несколько верст возвышались деревянные вышки с лестницами, ведущими на смотровые площадки, рассчитанные только на одного человека. Дозорный в случае необходимости мог подать сигнал на следующую вышку, и так он передавался вдоль Линии до ближайшей станицы. Налеты надо было совершать с быстротой молнии, поднимая как можно меньше шума, чтобы из станицы не смогли подоспеть крупные казачьи отряды. За стенами казачьего поселения была выстроена маленькая пятиглавая церковь. Раздавался звон колоколов, печальный и монотонный - чуждый для горцев звук. Он напоминал им о том, что чужая жизнь постепенно теснит их собственную.

К счастью, песчаный нанос находился как раз на середине между двумя вышками, вне досягаемости ружейного выстрела с обеих из них.

Ингушский всадник вытащил свою каму и поплевал на лезвие на счастье.

- Мы с братом переправимся на ту сторону и укроемся под теми валунами, - сказал он.

Никто ему не возразил. Все смотрели и считали проходы и повороты часовых: проход-поворот, проход...

- Давайте, - выдохнул Анвар. И в это драгоценное мгновение ингуши бросились в воду, прячась за застрявшими бревнами. Лошади шли наклонив головы, нервно покачиваясь из стороны в сторону в поисках опоры посреди потока. Всадники скользили, подсакивали, иногда почти плыли на спинах своих лошадей к противоположному берегу Терека. Затем они бросились на землю, дав лошадям возможность без седоков войти под прикрытия кустов - животные догадались об этом отчасти инстинктивно, отчасти благодаря дрессировке. Несколько секунд ингуши лежали неподвижно, затем медленно поползли в укрытие.

- Вот видите, - сказал Анвар, как бы между прочим. - Это действительно хорошая переправа.

Некоторые из мужчин скрестили руки на груди. Кто-то сплюнул. Молодой чеченец усмехнулся, но суровый взгляд Лича остановил его.

- Конечно, - сказал Зелимка, - там, где ингуш на коне переедет, чеченец одним прыжком перемахнет.

В три часа утра, перед рассветом, люди Анва-ра лежали, завернувшись в бурки, наполовину проснувшись. Послышалось кваканье лягушки: один раз, два, три, пауза, один, два, три, пауза... Это был сигнал.

Они вскочили на коней и погрузились в реку, держа ремни винтовок в зубах. Непроницаемая чернота ночи таила тысячи возможностей. И тут они услышали скрип повозок и звяканье сбруи. Замерев в песке Терека на ничейной земле, каждый положил ладонь на морду своей лошади, чтобы даже ее дыхание не выдало их присутствия. Мимо проходил обоз - всего в сотне шагов от них.

С саблей и камой в каждой руке, с оружием наперевес, нападающие выскочили из реки вслед за русским отрядом. Через десять минут безжалостная атака была завершена. У

шестерых казаков было перерезано горло, еще несколько остались лежать пробитые пулями. Передняя часть отряда обратилась в бегство под непрерывным жестким огнем стрелков. Лошади разбежались. Три груженные повозки исчезли в темноте.

Ахмет и другие старики стояли посреди деревенской площади, не веря своим глазам. Они окружили кучу добытого добра, появившегося ночью у ворот дома князя Хапца. Это была доля Анвара. Здесь были ковры, ящики, источающие ароматы восточных специй, тюки с чаем, и - самое ценное - груды восточных мехов. Анвар оставил все это в подарок своему господину, а сам удалился. Для него важен был этот жест, а не само добро. Он не собирался купаться в лучах славы.

Мурад, улыбнувшись Ахмету, указал на свернутый ковер:

- Турецкий, самый лучший... неплохо. Ахмет нахмурился:

Князь Хапца еще даже не вернулся. Плохо дело.

- О, не будь таким мрачным! - воскликнул Мурад. - Нравятся мне эти герои, кто бы они не были... Не догадываешься, полагаю? - Его задорный взгляд ясно говорил Ахмету о том, что он точно знает, чьих рук это дело.

- Глупец, - проворчал Ахмет. - Да у нас тут мог быть уже казачий полк.

Мурад покачал головой:

- Ртищев не такой глупец. Подбежали Цема с Мединой.

- Ты видела серебряный самовар? - сказала Медина. - Анвар говорит, что это для меня.

- Здорово, правда?

Мурад поморщился:

- Было бы еще лучше, если бы Джафар «приобрел» столь чудесный подарок для своей матери.

Медина вспыхнула. Она всегда упрямо защищала своего первенца:

- Он слишком дорожит репутацией послушного сына - не хочет вызвать твоего недовольства.

- Ты не прав, когда упрекаешь его, муж мой. Анвар всегда поддерживал чеченцев. Твой сын - кабардинский уорк. Ты сам этого захотел.

С надменным видом Медина подняла огромный серебряный самовар и направилась к своему дому. Цема пошла вслед за ней, бросив мрачный взгляд на Мурада. Воспитание не позволило ей разделить возмущение Медины, но она все же не удержалась от выпада в сторону собственного мужа.

- Разве ты не завоевал мою руку благодаря газавату? - сказала она Ахмету с притворной улыбкой. - И разве наш уважаемый друг Хапца не содействовал твоему успеху?

Она показала то, что было у нее в руках - коробочку из красной марокканской кожи с серебряными ложками филигранной работы. О таких она давно мечтала. С чувством собственного достоинства, Цема опустила подарок в складки юбки и пошла с Мединой.

Теперь Ахмет рассмеялся, глядя, как Цема горделиво и прямо идет через деревенскую площадь. Он, как и все мужчины, гордился добычей этого дня.

- Знаешь, Мурад, лучше биться с ордой казаков, чем с этими двумя чеченками.

* * * * *

Тем временем в Санкт-Петербурге, Юлиус фон Клапрот отправился с визитом вежливости к князю Васильчикову, который был для него источником постоянного раздражения. В течение трех лет, прошедших со времени его путешествия на Кавказ, он напряженно работал - обрабатывал свои записи, готовя работу к публикации, посылая отчеты царю и в Военную Коллегию. В промежутках у него было множество лекций в университетах Германии, но известия об ухудшающемся здоровье князя Василия было достаточно для того, чтобы он снова прибыл в Россию. На этот раз, привратник открыл дверь сразу. Клапрот сообщил свое имя.

- Прошу Вас, сударь...

В доме было тихо прихожая была темна и холодна, несмотря на прекрасный летний день. Клапрот отметил отсутствие графини Софьи. Возможно, семья Комаровых уже переехала на лето в деревню.

- Прошу сюда, сударь..., - дворецкий почтительно указывал ему дорогу. Клапрот подумал о том, каково сейчас князю Василию, в одиночестве, в этой духоте, под опекой одного только льстивого слуги. Было очевидно, что эта семья не была знакома с *va et vient*, принятым в обществе.

Его проводили в кабинет князя Василия, где известный исследователь лежал укрытый меховым пледом, обливаясь потом. Чудесный день не проникал в тщательно закупоренную комнату. Князь показался Клапроту еще более бесплотным, чем обычно - словно его тело постепенно покидало этот мир, еще до того, как душа приготовится последовать за ним.

Голос князя был хриплым и дребезжащим:

- Я читал Ваши записки для Академии Наук, барон. Хорошая работа.

Несмотря на свое стремление не поддаваться лести, Клапрот почувствовал удовольствие и облегчение.

- Спасибо Вам за письма. Приятно было получить известие от старого знакомца. - Васильчиков говорил с усилием.

- Особенно Вам кланяется Ахмет с Кубани... Мы часто говорили о Вас. У меня есть несколько записей таких бесед, которые я привожу в этой небольшой книге. Останется память.

В глазах князя Василия появился проблеск удовольствия:

- Что ж, очень мило с вашей стороны, друг мой.

- Вы здесь один, князь? Разве Вы не выезжаете из города на лето?

Васильчиков добродушно улынулся:

- Мне ни к чему уезжать от городской жары. Я редко покидаю эту комнату.

- Мне очень жаль.

- Тут не о чем сожалеть. Я счастлив. Расскажите мне еще о Кавказе, - князь полулежал на подушках, сложив руки на коленях.

Хапча Мурад помог мне совершить поездку в Чечню. Я был также в Сванетии, Мингрелии...

- Скажите, - прервал его вдруг Васильчиков, поднимая свой прозрачный палец. - Что Вы думаете о чеченцах?

- В каком смысле? - Клапрот пытался потянуть время.

- Почему Вы считаете, что мы не сможем покорить эти земли?

- По многим причинам..., - медленно начал Клапрот. Ему хотелось уйти от этого разговора. Политика всегда была болезненной темой в его беседах с князем. Кроме того, сейчас тот был болен. У Клапрота был свой интерес - ему хотелось обсудить с Васильчиковым некоторые сложные вопросы чеченской орфографии... Пока еще не стало слишком поздно.

- Да перестаньте. Голова у меня ясная, хоть тело и начало разваливаться, - резко сказал собеседник Клапрота.

- Ну, во-первых, природный дух независимости... Это их культурная традиция. В отличие от кабардинцев, чеченцы не имеют общественной иерархии. У них каждый сам за себя... Не можем же мы вести переговоры с толпой...

- Толпа...

Испарина на лице Василия собиралась крупными каплями, которые катились вниз, как слезы. Но он уже не обращал на них никакого внимания.

- Эти люди испытывают, также и давление иного рода: например, со стороны религиозных фанатиков, живущих на юго-востоке, в Дагестане, - продолжал барон.

Васильчикова явно раздражали упрощенные ответы Клапрота:

- Вы имеете в виду мюридов? Да, это так, там было возрождение суфизма. Ведь мюридизм - всего лишь одна из форм суфизма, как Вам, вероятно, известно. - Васильчиков украдкой глянул на свои руки. - Чего Вы, скорее всего не знаете, так это того, что это совершенно мирная мистическая секта. «Мюршид - тот, кто ведет», «Мюрид - тот, кто следует...» Куда? - он помахал своей бесплотной рукой.

Клапрот спросил себя, не присутствует ли он при разгадке тайны этого блестящего ума. Предсмертная агония... Видения, вызванные лекарствами...

- Да будет Вам известно, что, если мюрид впадает в состояние экстаза, - продолжал Васильчиков слабым, будто на последнем дыхании, голосом, - это называется «хал», он становится равен Аллаху. В этот момент он сознает, что ни знатность, ни убеждения, ни классовые или национальные различия - ничто! - не имеет абсолютно никакого значения... Он познает бесконечность, он сливается в Одно. И ничего более не волнует его.

Клапрот вежливо кашлянул:

- Но существовал еще сильный политический привкус в учении того же Измаила Эффенди, который возглавил дагестанский ренессанс местного значения - в Ширване, если память мне не изменяет...

Клапрот лукаво взглянул на князя, но в душе его росло чувство неловкости за то, что он ввязался в эту интеллектуальную дуэль с таким больным человеком. Тем не менее, он продолжал:

- «Шариат» - закон. «Таракат» - путь. Есть три ступени суфизма, и «Хакикат» не есть лишь истина в последней инстанции, как Вы изволили выразиться. Именно поэтому Измаила Эффенди выслали в Турцию, а его секта подвергается гонениям со стороны русских.

- И что же? Вы не предвидите возможность нового возрождения мюридизма в Дагестане? И что они будут подыскивать союзников в Чечне, как это уже было с шейхом Мансуром? Как Вы думаете? - проговорил Васильчиков.

Клапрот отчаянно поднял руки:

- Это политические резоны, а вовсе не те, что я хотел бы обсудить...

- Да, верно. Но ваша работа призвана объяснить культуру горских народов их врагам - нам. Кроме того, я уверен, что у Вас есть друзья в Военной Коллегии. Например, эта восходящая звезда Ермолов, который легко может одобрить ваши изыскания. Давайте начистоту! Согласны? Самая замечательная ваша работа, без сомнения, раскроет «гяурам», как нас называют, весьма сложную, утонченную натуру горцев, их неистребимую способность восстанавливать силы. Вы говорите, что они постоянно ведут междоусобные войны. Я читал Ваше исследование о кровной мести - наказании за убийство. Но Вам следует отдавать себе отчет, что эту работу можно интерпретировать иначе...

Клапрот понял, к чему он клонит. Васильчиков с усилием поднялся.

- Конечно, у них хватает внутренних раздоров. Но ведь мы, постоянно раздражая и притесняя горцев, - а это длится уже десятилетия - мы создали там уже, так сказать, культуру войны. Горцы создают против нас военные союзы так же ярко, как и воюют между собой. Их возможности неограниченны, особенно при хорошем руководителе.

- Но у них нет хорошего вождя, - резонно заметил Клапрот.

Васильчиков принялся яростно жестикулировать.

- Вы разве не понимаете? Борьба сама порождает достойных противников и выдвигает личности. Возьмем Европу. Вы думаете без Наполеона в русской армии появились бы личности вроде Ермолова? И что же они должны были подумать, когда вернувшись из Европы, узнают, что тут творится за их спинами?!

- Вы, верно, имеете в виду последний договор с Турцией... в Бухаресте...

- Да, разумеется! - Васильчиков закашлялся.

- Мы вернули Турции почти все, что она потеряла. Поти, Анапу... Возделывается почва, понимаете. Мы уже знаем о честолюбивых замыслах Вашего большого друга - исполина Ермолова. За ним стоят высокопоставленные военные, раздраженные и поднакопившие, между прочим, ценного опыта в Европе. А с другой стороны - орды горцев, которые совершенно напрасно считают, что русская армия на Кавказе ослабит хватку... Я уверяю вас, господин барон, что война на юге дойдет до такого накала, что все, происходившее до сих пор, будет казаться чем-то вроде учебных сражений кадетов в летнем лагере под Петергофом.

- Вы считаете, что если русские разбили Наполеона... Так?

Васильчиков бросил на Клапрота взгляд, полный гордого величия.

- Мы разбили Наполеона, ибо такова была воля России. Я могу симпатизировать чеченцам, но я - родня царствующей династии.

- Помилуйте, я не хочу.., - Клапрот остановился, стараясь подбирать выражения помягче. И тут вдруг он понял, что собеседник пытается подвести его к какой-то мысли и что все его красноречие объясняется отнюдь не только желанием князя блеснуть своей осведомленностью.

- Мы не имеем никакого права распоряжаться на Кавказе. Конечно, для нас было бы политически целесообразно владеть этими землями, но мы никак не можем понять, что рано или поздно горы изгонят нас оттуда. Горы - не Россия. Горы позволяют жить там черкесам, чеченцам, но не русским. Нельзя рассматривать эти края как путь на юг или вражескую крепость, которую требуется держать в осаде. Это совершенно особое образование. Так было задумано Богом. Людские волны накатываются на эти громады... Мы тоже накатимся, ударимся об эти скалы, и, что совершенно естественно, однажды откатимся назад.

- Занятное рассуждение, - проговорил Клан-рот без энтузиазма.

- Поэтому я и сжег все мои бумаги.

- Что?!

- Оставляю поле деятельности для вас, господин барон. Не хочу упрощать задачу русским стратегам. Чего уж тут! Назвался груздем - полезай в кузов.

- Но ведь этот материал! Языки! Мифология!

- Однажды в горах старый мусульманский священник сказал мне, - тут Васильчиков свободно заговорил по-чеченски, и Клапроту пришлось напрячься, чтобы уловить смысл сказанного, -«Оставь это бесполезное дело. Разве можно передать на бумаге раскаты грома меж горных вершин, грохот сходящей лавины, гул горных потоков и рев водопадов? Как воспроизвести стук камней, катящихся в ущелье, или стон ветвей в бурю, или крики и пение птиц, выкликающих друг друга в вышине? Как можешь ты надеяться выразить знаками вольную речь Кавказа?»

Князь Василий снова лег на диван. Лицо его выражало какой-то мальчишески озорной задор. Клапрота не могла не раздражать эта истинно русская черта, эта чрезмерная театральная сентиментальность, охватывающая человека даже на краю могилы, эта искренность и вера. Все-таки он был верным сыном своих предков и своего сословия.

- Типичные кавказские сантименты, друг мой, - подшутил князь Василий сам над собой, догадываясь, видно, что чувствует немец. - А теперь вам придется оставить меня. Я устал.

Он прикрыл веки, и Клапрот поразился, что даже это не могло скрыть глубину его глаз. Князь Василий все больше становился похож на мертвеца.

- У меня видения, господин Клапрот. Старый карачаевский обычай, что я однажды наблюдал в горах... синие бороды...

- Вызвать врача?

- Нет, спасибо. Фон Клапрот...

- Да, Ваше Превосходительство?

- Эта война унесет миллионы жизней. Жизней гяуров.

Любой ответ Клапрота прозвучал бы цинично. В стране, где молодых, насильно загнанных в армию рекрутов, сковывали цепью со старыми служаками, чтобы они не сбежали, жизнь человека ничего не стоила, и этими жизнями можно было швыряться направо и налево. Здесь были миллионы крепостных. Один только император владел десятками тысяч душ.

- Хотел бы узнать ваше мнение о работоторговле, которой занимаются черкесы, - произнес вдруг Клапрот в отчаянии, тиская в руках шляпу и поглядывая на задумчивое лицо князя Василия.

Так много предметов о которых мне бы хотелось поговорить с Вами.

Васильчиков быстро открыл глаза:

- Они не продают и не покупают своих соплеменников. Вам следует лучше изучить культуру и этику захвата заложников... Я уверен, что вам как академику можно вполне доверять, - добавил он как бы между прочим и широко зевнул. - Можете поблагодарить меня, что не стал вашим соперником. Вот, пожалуй, единственное утешение, которое могу предложить.

Клапрот подался вперед, коснулся руки князя Василия в мгновенном порыве выражая тому свое уважение.

- Верьте мне, Ваше превосходительство, я скорее предпочту занять второе после вас место в этих исследованиях, чем смириться с утратой ваших трудов.

- Не предпочтете. Не рассуждайте, как круглый дурак.

Васильчиков снова закрыл глаза, и Клапрот поспешил удалиться.

Он не удивился, когда узнал через неделю, что у его недавнего собеседника началась пневмония. Князь Василий умер в одиночестве, но он не ощущал его, ведь его видения были наполнены адыгской поэзией, и жидкость, втекающая в его легкие, сливалась с весенним разливом на Тереке. В памяти всплыло прекрасное лицо чеченской женщины, низко наклонявшейся над ним, чтобы напоить. Белая шаль покрывала виски женщины, и он успел заметить лишь серебряные украшения да серые глаза с крапинками синевы, в которых светилась ее чистая и преданная душа. Его жажда была утолена, дух успокоен. Он легко покинул сей мир. Он спас ее сыновей и все это время любил ее самое – Цему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

- Ты мой славный маленький вояка, - нежно проговорила Цема, поглаживая внука по густым кудрям.

- Поцелуй меня, бабушка...

- Спи сладко, мой герой, - она положила маленького Имама в кроватку и задула свечу.

Нурсан сидела на террасе, куда как раз выходило окно спальни, и слушала этот ежевечерний ритуал. Так уж получилось, что с самого рождения ребенка именно Цема убаюкивала его и целовала на ночь.

Нурсан не ревновала: как нисса она чувствовала к свекрови должное уважение, и, кроме всего прочего, Цема была умной и обладала весьма многими качествами, которые нравились Нурсан. В частности, она, дочь родовитого кабардинского уорка, очень удивилась, когда узнала, что такая высокородная чеченка, как Цема, так хорошо владеет многими искусствами, которым Нурсан обучали когда-то в семье аталика. Конечно, кабардинских девушек не учили сражаться на саблях и не растолковывали те части Хабза, которые надлежало знать только мужчинам. Их учили вышивать, прясть, плести корзины, готовить еду, а также знакомили с легендами и обрядами, которые им надлежало потом передать следующим поколениям. Для подобной «шлифовки» на воспитание отдавали девочек только из знатных семей и на недолгий срок. Нурсан получила подобное «образование», отличившись по всем статьям.

В этом отношении Нурсан была подходящей парой для Казбека. Оба они были добродетельны, возвышенны и глубоко преданы всему тому, что им было дорого в этом мире. Можно сказать, что они были блюстителями традиций в лучшем смысле этого слова.

Вместе с тем, Нурсан была хрупким созданием: белой, мерцающей, как свет луны, кожей, тонкой изящной талией, которой завидовали все девушки в поселке, она напоминала березку. Уже вскоре после рождения Имама Нурсан обрела прежние формы и вновь стала столь же женственной и грациозной, как и до родов. Нурсан могла бы служить образцом красоты черкесской женщины.

В то же время, она очень серьезно относилась к жизни: свои новые семейные обязанности выполняла с завидной самоотверженностью. У нее были лучшая кухня, лучший огород, куда не было ходу гусеницам и жукам. Ее дом был полон подушек с самой искусной вышивкой, отменных камышовых матрасов и замечательных изделий из серебра, подаренного матерью. Однако, по правде говоря, бывали моменты, когда Цема и другим женщинам не нравились эти безупречные преданность и умеренность Нурсан. Близкие Казбека чувствовали, что еще недостаточно хорошо знают свою новую родственницу.

- Я зайду к вам утром, Цема, - тихо проговорила Нурсан и почтительно сложила руки на груди, в то время как свекровь закутывалась в толстое шерстяное покрывало, собираясь совершить короткий путь до дома.

- Хорошо, дорогая. Смотри-ка, как рано стало подмораживать. Ночь будет холодной... Везет же Казбеку, что дома его ждет яркий огонь в очаге и сытный ужин!

Нурсан лишь улыбнулась в ответ. Быстрыми шагами Цема пошла через двор.

Предчувствие заставило ее оглянуться. Она заметила закутанную в черное фигурку, такую тоненькую, что это могла быть только Нурсан. Она, таясь, выскользнула со двора, направляясь к ивам, растущим вдоль Терека.

Цема замерла. Ей не стоило вмешиваться в семейные дела сына. Однако, если что-то не так, придется все разузнать, прибегнув к хитрости. Нурсан не будет с ней откровенничать. Она прожила в деревне уже три года, но ее душа все еще была скрыта от близких. Внешне все шло так, как положено. Душа Нурсан - от что было окутано тайной, для всех, кроме Казбека. Цема не сомневалась, что молодые страстно любят друг друга. Ее беспокоил не недостаток чувств между ними, а, скорее, их избыток.

Цема поспешила за таинственной темной фигурой. Несмотря на хрупкость, Нурсан двигалась довольно быстро, словно испуганная газель. Цема не была приучена к поэтическим сравнениям, но в Нурсан была какая-то магия, которая заставляла думать о ней именно так. Цема любила невестку и хотела быть к ней ближе. В конце концов, это Нурсан произвела на свет любимца семьи - маленького Имама, этого крепыша с чудесными ясными глазами своей матери и сильным телом, которое он, к счастью, унаследовал от Казбека. Сейчас ему было чуть больше двух лет. Это был цветущий, здоровый ребенок. Нурсан явила себя хорошей матерью, и вся семья обожала ее ребенка.

Нурсан свернула с тропы. Сначала Цема удивилась, но потом вдруг поняла, куда направляется ее нисса. У подножия скалистых утесов на берегу Терека, в зарослях колючих кустов и берез разбили свой табор цыгане. Они появились несколько дней назад. Жители деревни не общались с ними, и старики уже передали им приказ свернуть лагерь. Оседлые жители всегда испытывали к цыганам смешанное чувство любопытства и страха, не зная, откуда они пришли.

Цема расспрашивала о них Ахмета. Этот табор, похоже, пришел откуда-то с берегов Азова, кочуя из одного места в другое. Но никто не знал, откуда они пришли на Азов. Скорее всего, цыгане остановились на этой стороне реки, чтобы избежать стычки с российскими властями. Цыгане умели неплохо чинить кухонную утварь. Кроме того, кое-кто из девушек пшитл покупали у них всякие безделушки, возможно краденые.

Интересно, что нужно Нурсан от этих людей? Запыхавшись, Цема подбежала поближе. Как раз в этот момент Нурсан опасливо оглянулась по сторонам и скользнула в шатер, где сидела старая цыганка. Ее черные волосы были заплетены во множество толстых кос, на шее висело несколько монист. Несмотря на холод, она была одета лишь в тонкую кофту и ветхую юбку.

Эти смуглые, коренастые люди... Даже если они бродяги и воры - жизнь их трудна. Убогая одежда, шатры из ветвей, покрытых шкурами, костер, который старый дед раздувает с помощью скрипучих мехов. Малоподходящее место для воспитания детей. Однако отблески костра высвечивают лица трех-четырех маленьких сорванцов, которые обглаживают кости, крепко зажав их в грязных кулачках.

Так вот оно что! Как же она раньше не догадалась! Цема быстро выпрямилась и побежала обратно к дому. Надежная тропинка была только одна, а она не хотела, чтобы Нурсан увидела ее, возвращаясь. Цема была уверена, что разгадала тайну невестки. Цыгане славились своим умением предсказывать судьбу и варить колдовские зелья, хотя Цема считала, что балкарцы обладают большим даром предвидения. Она была готова поклясться, что Нурсан снова беременна и что ей не терпится узнать пол будущего ребенка.

Цему охватила радость. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы в старости ее окружали внуки и чтобы Ахмет смог создать крепкий семейный клан, ведь не зря он приехал издалека. Это стало бы осуществлением его мечты, он был бы по-настоящему счастлив. А Казбек, конечно, смог бы гордиться собой.

Цема поспешила в дом. Служанка, сидя у очага, перемешивала мясо в горшке. На жаровне подогревались кукурузные лепешки.

- Дай, я сама, - сказала Цема. Ей хотелось поскорей к огню. У Терека она продрогла до костей. - Скажи хозяину, что еда готова.

Ахмет появился сразу же. Он сел рядом с ней за маленький ана.

- Женщина, ты вся дрожишь, хоть и готовила ужин... Ты что, заболела?

- Да нет, замерзла. Я только что вошла.

- Нянчилась со своим любимым Имамом.

- Не говори глупостей, Ахмет. У меня хватит ума, чтобы не вмешиваться в хозяйство другой женщины.

Ахмет промолчал. Или ему пришлось весьма по вкусу барашек, или он просто не захотел высказать свое мнение.

- Послушай, муж...

- Что, женушка?

- Перестань подшучивать надо мной. Я хочу посоветоваться с тобой, если позволишь...

Ахмет вздохнул. Весь день он тяжело трудился, укладывая сено, и у него болели все кости. Да, он уже не молод...

- Тогда дай мне сначала спокойно поесть. Цема тоже была голодна, но, она была еще и взволнована, поэтому просто сидела, сцепив пальцы, и наблюдала, как ест муж. По обычаю, она подчинилась ему. Вскоре Ахмет откинулся на подушки - ему ненадолго хватило выдержки.

- Ну, в чем дело?

- Ты говорил, старики прогнали цыган. Но они все еще здесь. Я их сегодня видела.

- Ну что ж, уйдут завтра. Их так быстро не сдвинешь с места. Надо будет попросить еще разок. А ты за каким дьяволом туда ходила? Неужели ты настолько глупа, чтобы...

- Гадать по руке? Да нет, конечно.

- Тогда зачем же ты туда ходила?

- Некоторые наши служанки слишком любопытны. Мне не нравится, что они шастают туда, а потом рассказывают о высоких смуглых незнакомцах...

Ахмет засмеялся и взял ее за руку:

- Однажды и в твоей жизни появился высокий смуглый незнакомец, и это было не так уж плохо, правда?

- Я видела там Нурсан.

Ахмет уставился на нее:

- Вот это да! Такая благовоспитанная женщина, как наша нисса?

- Заставь их уйти немедленно. Прошу тебя!

- Да в чем дело, Цема? Ты так взволнована. Я уверен, что это всего лишь какая-нибудь чепуха.

- Надеюсь, что ты прав. Но, пожалуйста, сделай, как я прошу, Ахмет.

- Не беспокойся больше об этом, дорогая.

- Спасибо, муж, - сказала Цема, целуя его. Она была довольна.

Однако всю ночь она не сомкнула глаз, и, как это часто бывает при бессоннице, погрузилась в глубокий сон лишь под утро. На рассвете кто-то из домашних растолкал ее.

- Вставай, Цема. Нурсан заболела, ей нужны твои лекарства.

Охваченная дурными предчувствиями, Цема быстро оделась и поспешила в дом Казбека. Казбек ходил по комнате взад-вперед. Он выглядел усталым. Было заметно, что он тоже не спал всю ночь.

- Хорошо, что ты пришла, мама. Я не могу от нее ничего добиться, а у меня столько дел... Это, наверное, что-то женское. Она меня к себе не подпускает, а служанка говорит, что ей очень плохо.

Казбек был расстроен от того, что не мог утешить жену. Только перед матерью он мог чуть-чуть обнаружить ту привязанность, которую испытывал к Нурсан - обычно он был очень сдержан.

- Иди работай, Казбек. На свежем воздухе ты почувствуешь себя лучше. Сегодня хороший день, сынок. Я уверена, с Нурсан все будет в порядке. А, может быть, это даже хороший знак, - она сделала протестующий жест рукой, словно говоря: «Не будем пока обсуждать это». Лицо Казбека просияло:

- Правда?

- Ни слова больше. Я сама этим займусь...

Цема поспешила в комнату Нурсан. Молодая женщина лежала, прижав руки к животу. Ее лицо было покрыто потом. Увидев Цему, Нурсан пришла в ужас.

- Пожалуйста, уходите. Пожалуйста, оставьте меня! - закричала она и уткнулась лицом в подушку. !

Надежды Цемы испарились в одно мгновение. Это было не то легкое недомогание, которое женщина испытывает в начале беременности -тошнота, слабость. Это был выкидыш - и насколько Цема в этом разбиралась, невестка сама устроила его.

- Так вот зачем ты ходила в табор! - закричала Цема. Она была вне себя. - Эта женщина дала тебе зелье! Зачем ты это сделала, Нурсан?! Ты же могла отравиться!

Нурсан застонала и скорчилась. Цема оглянулась в поисках воды, чтобы облегчить ее страдания.

- Зачем, зачем ты сделала эту ужасную вещь?!

- Ничего я не делала! - пыталась защититься Нурсан. - Просто я была больна. Иногда у меня бывают сильные боли. Мне нужно было взять лекарство. Как Вы можете обвинять меня, Цема? Я делаю все, чтобы вы были довольны. Я ни разу не обидела ни вас, ни Казбека, разве это не правда..., - и она разразилась рыданиями.

Цема пожалела, что была резка с ней. Нурсан и впрямь выглядела больной, ее лицо было залито потом и слезами.

- Прости меня, я была слишком жестока. Прости, если я была не права, обвинив тебя.

Она долго сидела рядом с Нурсан, ожидая когда та успокоится. Наконец, приступ боли и слезы прекратились. Цема погладила невестку по голове.

- Ну как ты? Схватки остановились? Выпьешь отвара ромашки? Вот капли, настойка полыни.

- Спасибо, Цема.

Полностью боли прошли только через несколько часов. Цема не задавала больше вопросов. Она только вытирала лоб невестке, давала ей ромашку и капли через положенные промежутки времени.

- Ты должна поговорить с Казбеком, когда он вернется. Он места себе не находит, - наконец сказала она.

- Хорошо, Цема, - ответила Нурсан.

Цема вздохнула и покачала головой. Ясно было, что даже теперь Нурсан не собирается откровенничать с ней.

- Ты должна слушаться мужа. А это значит, помимо всего прочего, не давать повода ему волноваться. У мужчин нашего аула большое бремя ответственности. Мы обязаны сделать их ношу более легкой.

Нурсан казалась убитой горем. Цема попыталась было найти еще какие-нибудь слова, чтобы убедить ее, но отступила. Чтобы она ни говорила, ей не было доступа к сердцу этой женщины.

Наконец, свекровь ушла заниматься своим собственным хозяйством. Нурсан лежала в полузабытьи - она успокоилась, боль, казалось, уже не мучила ее.

Через некоторое время Казбек проехал мимо огорода, где работала Цема.

- Я еду домой, мама. Ну что, есть новости? - спросил он, улыбаясь.

Цема уже забыла о своем неосторожном намеке. Она выпрямилась и подошла к забору. Казбек спешил и приблизился к нему с другой стороны.

- Пора тебе серьезно поговорить с ней, - сказала Цема сурово. - Я ее совсем не понимаю. Ясно одно: она не беременна.

Казбек вспыхнул:

- Что ты имеешь в виду?

- Я больше ничего не должна говорить. Позор даже обсуждать это.

Казбек казался смущенным и разгневанным. Он вскочил в седло и схватился за уздечку.

- Постой. Спроси ее только об одном: зачем она ходила в цыганский табор.

Казбек озадаченно нахмурился и двинулся прочь. Нурсан слышала, как он подъехал к дому. Она уже давно предчувствовала, что дело дойдет до этого. Она лежала в прохладной комнате - ставни были закрыты. Сердце у нее колотилось. По тяжелым шагам Казбека она поняла, что настало время сказать ему правду.

Но когда Казбек вошел, на его лице было выражение любви, почти жалости к ней. Он встал на колени перед ее кроватью:

- Тебе лучше? - спросил он с искренним беспокойством.

Сердце Нурсан устремилось к нему. Она обвила его шею руками. Казбек крепко обнял ее, хотя и был встревожен, и не знал, как вести себя. Они с Нурсан были очень близки, так близки, что им почти не нужны были слова. До сих пор они всегда испытывали одинаковые чувства, понимали друг друга, хотя почти не говорили об этом. Казбек и Нурсан были одно целое. Оба были счастливы, наблюдая, как растет Имам. Часто одному из них было достаточно лишь взглянуть поверх головки ребенка, чтобы понять радость другого.

Нурсан решила на откровенность:

- Ах, Казбек, я вижу такие ужасные вещи... Это не сны, это явь...

- О чем ты? Когда? Когда остаешься одна? - он еще крепче обнял ее. - Может, ты просто скучаешь по дому?

- Нет, не скучаю. Ахмет и Цема так добры ко мне... Нет, я всегда видела это. Но в юности не обращала внимания, мне даже было стыдно думать об этом. Но после того, как я стала матерью, мои предчувствия усилились. Я чую опасность, Казбек. Для всех нас.

Казбек не был склонен к фантастическим вымыслам. Его отчужденность в детские годы приучала держать в узде и ум, и чувства, по крайней мере, управлять ими, не давать воли. Это была самодисциплина. Однако в натуре Казбека была некая духовность,

глубоко запрятанное чутье. Нурсан интуитивно ощущала это свойство и ценила его. Он и сам уже почти осязал зловещие призраки ужаса и убийств, вползающие в их мир. Иногда казалось, что находишься в таинственном, незнакомом лесу, где царит какая-то гнетущая атмосфера, где на каждом шагу человека подстерегают затаившиеся злые духи, горные джины, страшные символы в масках ритуального танца войны и кровавого жертвоприношения... Темные силы мира сего напоминали о себе таким образом. Но Казбек, в отличие от Нурсан, умел лучше обуздывать эти кошмары - вот и все. По-видимому, у Нурсан хватило безрассудства отважиться на гадание, предсказание судьбы, а, может быть, - и черную магию... Неудивительно, что старики всегда старались избавиться от цыган, коль скоро те так бессовестно наживались на чувствительных людях вроде Нурсан...

- Никогда бы не подумал, что ты так суеверна, Нурсан, - мягко упрекнул ее муж. - Богобоязненный человек всегда постарается отогнать от себя такие опасные мысли. Мать рассказывала мне о подобных вещах: это просто пустая болтовня бездельников...

- Ты не понимаешь! Мир полон настоящих ужасов! Ты думаешь я не знаю, что творится вокруг?! Анвар напал на обоз, теперь казаки мародерствуют и убивают людей! А мы все делаем вид, что ничего не происходит! Но я-то знаю, что принесет будущее. Нашего малютку Цема всегда называет «маленький вояка», а Ахмет принес ему недавно деревянный кама... Вы все хо-тите, чтобы рождались сыновья - солдаты для будущих войн!

Нурсан говорила все более отчаянно и самозабвенно. Казбек понял, что дело серьезнее, чем он думал, но уже не мог удержаться от возражений:

- Это наша жизнь. А чего бы ты хотела от нас? Мы благородный, сражающийся народ. Ты сама - дочь уорка. Мы с честью защищаем свою землю от врагов. Разве это для тебя пустой звук?! Нурсан истово замотала головой. - Нет, я не могу, - прошептала она. - Не могу рожать детей, обреченных на заклятие!

Казбек был испуган и поражен подобными речами собственной жены, всеми этими бунтарскими мыслями, бродящими в ее голове. Она, должно быть, слегка повредила в уме, попала под чары какой-то колдуньи, которая заморозила ее.

Казбек натянуто рассмеялся, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, хотя испытывал сильное волнение.

- Какая ерунда! Ты так говоришь, будто семья Ахмета с Кубани не защитит своих женщин! Ты же знаешь, что сейчас у нас мир с гяурами, так что забудь о своих страхах, дорогая... И не ходи больше к этим предсказателям, что забивают тебе голову чепухой...

Нурсан резко села в постели, оттолкнув мужа. Губы ее побелели.

- Я ходила туда не для того, чтобы гадать по руке. Я купила у них травы, прерывающие беременность. Я хочу всего лишь любить тебя, Казбек. Я так люблю тебя, не проси меня о большем...

Казбек был потрясен. Рожать сыновей - обязанность жены. Будущее мужчины-адыга зависит от его семейной жизни. Единственная причина, из-за которой он может расстаться со своей женой - ее неспособность родить ему сыновей... Но глядя в глубь огромных, расширенных зрачков Нурсан, он не смог не ответить на ее страсть и ее боль.

Если бы они, находясь в объятиях друг друга, оказались замурованы навечно, даже и тогда какая-то часть его существа охотно приняла бы такое слияние в одно целое, такое забвение.

Он крепко обнял жену и приник к ее губам долгим поцелуем. Они опустились на постель, обвив друг друга руками, словно боясь, что их разлучат. Казбек гладил ее черные, как вороново крыло, волосы и повернул ее лицо так, чтобы его черты были различимы в лунном свете

- Я иногда чувствую то же самое, - признался он. Схожу с ума от любви. Но мы не должны прятаться от жизни. Мы должны выполнять свой долг. Может быть, ты боишься

за Имама. Я тоже за него беспокоюсь. Когда у тебя есть собственные дети, которых надо защищать, все видится иначе...

Нурсан лежала совсем тихо, не отвечая. Казбек попытался начать снова, борясь с надеждами, слишком важными, для того чтобы быть высказанными.

- Я думаю, что когда у тебя еще появятся дети, тебе не будет так тяжело. Помню, мать ужасно не хотела, чтобы мы ушли из дома к аталикам, но потом она смогла гордиться нами...

- Твоя мать похожа на амазонок, о которых поют старики в горах, - сказала Нурсан с горечью.

Казбек прижал ее к себе, радуясь, что она, наконец, ответила:

- Ты такая же храбрая. В конце концов, ты пошла против своей семьи ради любви!

Нурсан отвернулась к стене.

- Только ради тебя, Казбек. Ты - все, что мне надо... Я не хочу больше рожать детей для заклания, - голос ее был слабым от усталости.

Казбек поднялся:

- И ты - все, что мне надо. Но ведь не только это главное. Нурсан лежала неподвижно. Повернутая к нему спина выражала несогласие со всеми его словами.

Он знал, что прав, и что Нурсан не права. Он знал, что запомнит эту минуту на всю жизнь. Так или иначе, с этого дня его брак уже не будет прежним. Такие слова не забываются. Он взглянул на Нурсан - на ее прекрасное тело, на ее длинные шелковистые волосы, на ее белоснежную кожу - и желание пронзило его. Но несмотря на все это Казбек понимал, что они не сделают друг друга счастливыми.

* * * * *

В конце года, когда равнины вдоль Терека покрыли густые снега, соглядатай из племени джлахстней с удивлением увидел костры, разложенные вдоль Линии и оживление, царящее во всех станицах. Он быстро поскакал в деревню Хапца.

Князь Омар принял его и, услышав новости, нашел им объяснение:

- Я знаю в чем дело. Это ежегодный ритуал гяуров: праздник рождения пророка Иссы - они называют его Иисусом.

- Возможно, Тхамата. Повсюду звонят, колокола, они празднуют.

Князь Хапца после кое-каких расспросов собрал всех старейшин и уорков на совет - хасэ.

- Мне кажется, казаки и гяуры очень довольны собой, с тех пор, как французский военачальник Наполеон наконец разбит, - сухо объявил он.

- Да, царь Александр пышно отпраздновал это событие в Париже... Как и его союзники, англичане. Но я не думаю, что великому генералу Веллингтону нравятся «Священный союз» всех европейских стран. Англичане, как и мы, понимают, что Россия становится все более и более могущественной, и вряд ли они доверяют русским.

- Я слышал, что донские казаки здорово нажились на этой войне, - сказал Ахмет. - Они вернулись в Новочеркасск с навьюченными на лошадей гудами добра. В станицах говорят, что казаки никогда еще не добивались таких успехов...

- Наше счастье, что царь был так долго занят в Европе. Боюсь, что положение может измениться. Возможно, именно поэтому колокола в станицах звонят так громко, - заметил князь.

- Теперь, конечно, больше казацких переселенцев двинется на юг, - согласился Мурад.

- Хозяева возвращаются домой с войны на западе.

Ахмет и другие старейшины молчали, размышляя о том, что их ждет. С каждым годом князь становился все проницательнее в отношении происходящего. Ахмет не

переставал удивляться тому, как много известий доходит до этой маленькой деревни Хапца. Однако, Мурад сообщил ему под большим секретом, что некоторые кабардинские князья, живущие под покровительством царя, все же сообщают ценные сведения своим соотечественникам на Тереке. Цепь осведомителей тянулась из Москвы до Дона и до Азовского моря, а оттуда - до Кубани.

Затем они вполголоса обсудили политическую обстановку. Было ясно одно: с окончанием военных действий в Европе высвобождаются войска для кавказской кампании. Оставалось непонятным, как на это отреагируют мятежники в горах.

Ахмет вернулся домой и застал Казбека работающим на конюшне. В последнее время он казался озабоченным и трудился на сборе урожая и заготовке припасов на зиму с таким ожесточением, будто от этого зависела его жизнь; Ахмет не любил обсуждать личные дела близких. Вместо этого он просто начал работать рядом с сыном, давая ему таким образом возможность обратиться к отцу за советом. Но Казбек просто поблагодарил отца за помощь. Мужчины перебирали конскую упряжь, откладывая то, что нуждалось в починке.

Ахмет подумал, не начать ли разговор с Казбеком, спросив его о домашних делах. Он выпрямился:

- Знаешь Казбек, князь предупредил нас, что необходимо присматривать за молодыми воинами.

- Что ты думаешь об Анваре?

Казбек нахмурился:

- Держи его дома. Уверен, что у него на уме какая-то девушка. Ему не терпится участвовать в набеге по двум причинам: во-первых, у него кровь играет, а, во-вторых, хочется показать себя смельчаком.

- Ему не нужно завоевывать богатство в бою. Мы заплатим за его невесту любой калым.

Казбек засмеялся, но голос его звучал глухо:

- Думаю, он стремится избежать твоего не одобрения, отец. Тебе ведь не очень понравилось, что за Нурсан пришлось платить особый калым?

Ахмет взглянул на сына:

- Твоя жена стоит вдвое больше, чем мы за нее заплатили. Она прекрасная женщина...

Казбек вновь принялся за работу.

- Она бесценна, отец. Просто бесценна... Думаю, что лучше мне возить лошадей на продажу к северу от Линии в ближайшие несколько месяцев. Держи Анвара поближе к дому, потом он сам тебе спасибо скажет...

- Так, значит, он ухаживает за девушкой... А ты не знаешь, где?

- У джлахстней, по-моему, - Казбек прошептал имя одного из уорков Хапца.

Браки между членами одного клана не одобрялись, но Анвару повезло: его отец не был местным, пришел с Кубани, поэтому он мог выбирать девушку по всей округе, вплоть до дочерей своих соседей.

Казбек уже собирался рассказывать дальше, но вдруг в конюшню вбежал слуга и сообщил, что приближается небольшой отряд с повозками и что первый всадник спрашивает Казбека.

Отец с сыном оставили работу и вышли за ворота, наблюдая за тремя повозками, осторожно катящими по тронутой морозцем дороге, ведущей к деревне от берега Терека.

Один из ездоков приподнялся в стременах и помахал папахой над головой. Находящиеся за ним повозки были покрыты черной тканью, сбруя потерта, лошади под оглоблями казались столь слабыми, что их не оживил бы и кнут. Этот жалкий караван представлял собой малоинтересное зрелище, однако что-то неуловимое во внешности худого жилистого всадника заставило сердце Казбека биться сильнее.

- Вот уж не думал снова встретить его! - крикнул он отцу и бросился вперед.

Незнакомец спрыгнул на землю и тоже поспешил навстречу Казбеку с каким-то мальчишеским задором. Ахмет наблюдал за ними с любопытством. Гость был старше его

сына: тонкий, быстрый, со сдержанным выражением на лице. На нем была потрепанная одежда татарского купца., но когда накидка спала с его плеча, у пояса блеснуло оружие - два кинжала и кривой клинок. Повадки его и вовсе не напоминали манеру торговца. Он скорее походил на перебежчика.

- Рад видеть тебя, Казбек! Слава Аллаху, что застал тебя дома! Твои работники в поле сказали, где тебя найти..., - человек говорил по-татарски с легким акцентом.

Ахмет слегка вытянул шею, прислушиваясь и стараясь, в то же время, не уронить достоинства главы семейства, который ожидает, что ему будет отдан долг уважения.

-Я приехал, чтобы просить помощи, - объявил незнакомец без всяких околичностей.

- Ты получишь ее. Но сначала, познакомься с моим отцом. Тхамата, это Аслан Гирей, сын Бахадира, принадлежащего к роду правителей некогда могущественного Крымского ханства...

-Я мог бы сам об этом догадаться! Я слышал много интересных рассказов о вашей дружбе от моего сына. Добро пожаловать, Аслан. Мой дом - твой дом. Правда, его не сравнить с дворцами Крымского хана.

В душе Ахмет был поражен, что Аслан выглядит таким постаревшим, покрытым морщинами. Он помнил, что мальчиком, во время учения он был ровней Казбеку, потому что они были одногодками.

Аслан низко поклонился:

- Прошло много времени с тех пор, как я жил во дворце, - сказал он смиренно. - Казбек, помоги мне, пожалуйста... Со мной моя мать. Путешествие было долгим, а она уже немолода.

Мужчины подошли к крытым повозкам. Аслан инстинктивно посмотрел по сторонам, словно опасаясь слежки. Но усадьба Ахмета находилась вдали от центра аула, единственным соседом был Мурад - не стоило опасаться любопытных взглядов.

Аслан поднял полог, и все увидели женщину преклонного возраста, но обладающую впечатляющей внешностью. Она приподнялась на подушках, набитых соломой. Под огромной черной шалью виднелось блестящее, расшитое золотом платье из синего бархата. Она была увешана драгоценностями - толстыми золотыми цепями, украшенными золотыми монетами и изысканными подвесками с бриллиантами и жемчугами. Руки ее были по локоть унизаны золотыми браслетами. Но Ахмет лишь мельком увидел все это великолепие, так как женщина сразу же закрыла лицо черной шалью и сжалась на своем импровизированном ложе.

Аслан заверил ее, что их путешествие окончено и что они находятся у друзей, но оно продолжала лежать, закрывшись.

- С нами едут две ее служанки, - сказал Аслан. Из-за холщового полога третьей повозки виднелись наполовину закрытые чадрой испуганные лица. Угольно-черные очи, дикие и одновременно, бесстрастные, напоминали глаза зверушек, попавших в капкан.

- Я позабочусь о помощи, - поспешил сказать Ахмет, и крикнул слуге, чтобы тот привел ему коня. - Я поеду к князю. Казбек, пусть женщины принесут гостям воды. Пусть Цема займется матерью Аслана.

Через секунду он ускакал, а повозки окружили хлопотливые слуги. Но Аслан преградил им путь к пологу повозки:

-Пожалуйста, потише. Она сильно напугана. Он повернулся к повозке и шепотом заговорил со своей матерью, которая, продолжала молча прятаться внутри.

- Она страшно устала... Убежище - вот все, что я хочу ей дать.

Цема вышла за ворота, и Казбек быстро объяснил ей вполголоса, кто были эти беженцы. Аслану, наконец, удалось убедить свою мать, чтобы она впустила Цему в повозку и приняла от нее освежающую тизану. После короткого отдыха конвой выехал вперед. Теперь Казбек находился во главе отряда рядом со своим кровным братом. Покачиваясь в седлах, один подле другого, друзья детства предались откровенной беседе.

Прошедших лет словно и не бывало - они снова почувствовали себя юными воинами, овладевающими военным искусством.

-Мой отец умер.

-На все воля Аллаха., - Казбек прочел традиционные молитвы.

-Теперь мы, Гирей, рассеялись по свету. У нас мало друзей. После того, как мой дядя, последний хан, был свергнут с престола, он по сути дела, находился под домашним арестом в Воронеже, в воле русских. Наконец, они позволили ему выехать в Турцию. Некоторое время дядя пользовался покровительством султана. Но когда Блистательная Порта объявила России войну, султан обвинил Шагина в сочувствии к русским, а те предоставили его воле Божьей. Ему удалось бежать на Родос, но в конце концов, турки казнили его - он был обезглавлен. . - Да упокоится его душа с миром. Аслан фыркнул:

- Шагин Гирей был деспотом, отступником нашей веры, марионеткой в руках русских. Он получил то, что заслуживал. Что касается моего отца... Он был бы более мудрым правителем. Но он умер в прошлом году в Анапе от бубонной чумы.

-А ты, Аслан, что ты собираешься делать?

-Поговорим об этом позже. Этот слуга, наверное, человек вашего князя? - Аслан Гирей спешился.

Формальности были соблюдены. Старая Ха-нум, поддерживаемая сильными руками слуг, была выведена из повозки и, кутаясь в свои черные одежды, перешла на женскую половину дома в сопровождении двух своих служанок, которые семенили сзади. Князь Омар распорядился, чтобы в честь Аслана вечером устроили пир, а тем временем последний из рода Гиреев отправился с Казбеком к нему домой, чтобы поведать о своих планах.

Аслан помылся с дороги и переоделся в кафтан и халат из китайской парчи, что больше приличествовало его положению. В более привычных условиях он вновь обрел прежний вид. Аслан удобно расположился в уютном доме Казбека, Нурсан безмолвно готовила мужчинам чай с засахаренными фруктами. Теперь, в привычной хозяевам домашней обстановке, Аслан выглядел как-то слишком блестяще, а длинные шелковистые усы и орлиные черты лица придавали ему особое очарование. Нурсан имела обыкновение не разглядывать интересующий ее предмет в упор, а удовлетворить свое любопытство исподволь.

Когда Нурсан вышла из комнаты, Аслан похвалил ее красоту в принятых у кабардинцев выражениях.

-Ты просто счастливчик, мой друг. Дом, жена, сын...

-Аллах был ко мне благосклонен, - отозвался Казбек раздумчиво.

-А вот к Гиреям он так не благоволил. Поэтому я и хочу обратиться к тебе за помощью, - лицо Аслана приняло то подчеркнуто непроницаемое выражение, которое бывает обычно у самолюбивого человека, принужденного обстоятельствами искать расположение другого.

-Все, что угодно. Только скажи, в чем дело.

Аслан скрестил руки, словно не желая делиться с собеседником своими тайными помыслами. Его глаза поблескивали, как угли:

- Я собираюсь совершить паломничество в Мекку. Хочу сделать хадж.

Казбек очень удивился. Если бы его спросили, «что, по его мнению, Аслан делал все эти годы с тех пор, как они расстались, он бы предположил, что тот стал союзником России, старался понравиться при дворе, другими словами, стремился услужить победителю...

Аслан перехватил его внимательный взгляд, будто угадав мысли друга:

- Ну да, я послужил свое при дворе в Санкт- Петербурге. Моя страна потеряна, понимаешь... На трон вошел Александр - значит можно оставить всякую надежду на возрождение ханства. Многие из нас бежали в Турцию, опасаясь жестокости гяуров... Ныне моя родина уже не та, что была раньше.

Казбек живо вспомнил фантастические силуэты на фоне бархатного неба, башни, сады, минареты, фонтаны, бурлящие изобильные базары Бахчисарая. Трудно было себе представить невозделанными террасные поля или опустевшими деревни этого полуострова.

У него возникло мгновенное желание отправиться в паломничество вместе с Асланом, но Казбек понимал, что для него оно невозможно, хотя это и могло бы помочь преодолеть нынешнюю сложную ситуацию в доме. С Божьей помощью Нурсан поправится, и, кроме того, у него было наследство и семья, которую нужно защищать. Вместе с тем каждый мусульманин должен совершить это паломничество хоть раз в жизни. Сам Казбек давно уже мечтал о хадже.

-Когда ты трогаяешься в путь? - спросил Казбек.

-Как только получу разрешение от вашего князя оставить здесь мать с обещанием полной ее безопасности.

Казбек поднялся:

-Я поговорю с отцом. Я уверен, что он будет рад стать ее кунаком, защитником.

-Спасибо, Казбек, - впервые, кажется, Аслан выглядел успокоившимся. - Некоторое время мы скрывались среди крымских татар в Кизляре, потому и приехали сюда в таких лохмотьях... Они посоветовали нам ехать скрытно. Ты не можешь себе представить, каково моей матери жить в таких стесненных условиях. Хочу, чтоб по крайней мере, остаток дней она провела спокойно.

У Казбека сохранились лишь смутные воспоминания о женщинах во дворце Гиреев – томные существа, шепчущиеся где-нибудь в розарии или фигурки в блестящих одеждах, тихо смеющиеся за решетчатыми стенами гарема. Ему трудно было все же представить, как Ханум грустит в изгнании.

Однако Нурсан была способна на это. Подслушав этот разговор, она почувствовала, что в ней нарастает какое-то волнение. Наконец, мужчины уехали на праздник к князю Омару. Нурсан вернулась на свою половину, стараясь получше припомнить все чудесные истории, которые Казбек рассказывал ей долгими ночами, вспоминая о том, как мальчишкой ездил во дворец Гиреев в Крыму. Об этой поездке у нее сложилось довольно ясное представление, но она не могла вообразить, как именно выглядит Ханум.

Аслан пробыл у них всего несколько дней. Было решено, что князь лично обеспечит безопасность Ханум. Лишь несколько человек во всем ауле знали, кто именно приехал к ним, и домашние Ахмета поклялись князю Хапца хранить эту тайну. Ханум была уже не молодой женщиной, вряд ли ей захочется далеко отъезжать от дома князя Хапца. Это был, конечно, не первый случай, когда бежавшие из разных мест люди являлись в долины Кавказа в поисках укрытия. И не последний...

После отъезда Аслана Казбека начали частенько посещать грустные мысли. Вспоминались те времена, когда душа лелеяла высокие идеалы, великие надежды, когда кипели в сердце благородные порывы. Он шел на тронутые заморозками поля, работал там без усталости, стараясь внутренне справиться с собственными бедами.

Нурсан показала себя хорошей хозяйкой, безупречно вела домашние дела. Когда Аслан уехал, она будто почувствовала, как тоскует Казбек, и вечерами старалась подольше сидеть рядом с ним у очага, засыпая мужа вопросами о тех днях, что он провел у аталика. Казбек все рассказывал и рассказывал, чувствуя, что снова сближается с женой, будто по волшебству. Иногда Нурсан пускала его к себе в постель, и он забывал обо всем в ее объятиях.

Но все это не могло до конца избавить Казбека от душевной боли. Однажды ночью он лежал возле жены, погруженный в свои невеселые мысли. Если она забеременеет, то как убедить ее не предпринимать ничего снова?

Нурсан, оказываясь, думала о том же:

- Я не буду больше пить никаких снадобий, Казбек. Я знаю, что поступила плохо. Я... я очень жалею об этом...

Он крепко обнял ее, не в силах произнести ни слова. Одна половинка его сердца чувствовала облегчение, но в другой по-прежнему бродило раздражение.

- Казбек, - вновь прошептала она в темноте своим бархатным голоском, - Можно мне будет навестить Ханум?

Он удивленно повернулся к ней.

- Там хватает людей. Она такая немощная... Скорее всего, ей будет неприятно развлекать незнакомых людей.

- Ты сможешь поговорить с князем? Пожалуйста, передай ему мою просьбу... Понимаешь, она знатная госпожа, и я думаю, ей очень одиноко без семьи, без тех, кто окружал ее при дворе.

Казбек снова лег, в который раз поразившись странному поведению Нурсан. Она была, вероятно, единственной женщиной в деревне Хапца, кто мог бы высказать такое осмысленное, и в то же время, необычное желание.

- Если это доставит тебе удовольствие, я передам ей твою просьбу.

Через несколько дней Нурсан было позволено посетить Ханум. Она вернулась домой в каком-то странном возбуждении. Казбек был заинтересован. Позже, когда они сидели у очага, она все ему рассказала.

- У нее на стенах висят невиданные ковры и украшения. Князь предоставил ей небольшое помещение, но ее слуги так красиво все там устроили! У нее есть персидские светильники и самовар из чистого золота. У нее даже есть английские стенные часы - я их никогда раньше не видела. Их заводят с помощью цепочки и гири... Мы говорили по-татарски, и она читала мне стихи. Я спела ей и научила ее девушек кабардинской колыбельной, той, которую так любил Имам, когда был крошкой. На завтра она опять меня к себе пригласила.

- Почему бы тебе не взять с собой Имама?

- Нет, она слишком стара для возни с шаловливым ребенком. Цема будет рада побыть с ним это время.

- По крайней мере, это посещение развеселило ее. Казбек был очень доволен. Но со временем он почувствовал досаду от того, что Нурсан было так же хорошо в обществе старой Ханум, как и в компании мужа. Ему не в чем было упрекнуть жену. Она было послушной, ласковой, внимательной. Но она больше не беременела. Он верил ей, когда она утверждала, что ничего для этого не делает. И все же сомнения терзали его. Может быть тогда, когда она потеряла ребенка и была так больна, с ней что-то произошло? Может быть, она изуродовала себя колдовскими травами? Может быть, она просто слишком боялась забеременеть, а ее тело было столь чувствительно, что потеряло эту способность? Казбек был одинок в своей печали. Его любовь к Нурсан была так велика, что он прекрасно понимал ее страхи и никогда бы не поделился своими тревогами ни с кем за пределами своего дома. Он смирился со своей судьбой, и его беспредельная любовь к жене не уменьшилась.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Генерал Алексей Петрович Ермолов дожил до исполнения своей мечты. Император Александр, вернувшись с триумфом в Москву после взятия Парижа в 1814 году, пожаловал его, генерала, внесшего столь большую лепту в этот успех, должностью главнокомандующего на Кавказе, а также назначил чрезвычайным послом в Персии.

Сам Ермолов считал, что сполна заслужил все это. Он, и только он один по-настоящему разбирался в вопросах, связанных с югом, и считал необходимым овладеть этими землями. Повезло ему и с коллегами: Ермолова окружали люди, разделяющие его взгляды и отличающиеся служебным рвением. Взять, к примеру, Ивана Александровича

Вельяминова. Он выдвинулся в сражении при Аустерлице и успешно прошел бок о бок с Ермоловым путь от Москвы до Парижа, Сейчас Алексей Петрович как раз ожидал его визита.

Ермолов основал свою штаб-квартиру в Георгиевске - не очень большом и не очень ухоженном поселке к западу от Екатеринограда, к северу от Терека, между Малкой на юге и притоками Кумы на севере. До прихода Суворова на эти земли предпринимали набеги ногайцы. Это был довольно запущенный маленький городок-крепость, полный русских переселенцев, влачивших жалкое существование, а рядом находилось обычное приграничное казачье поселение, где бегали полторы курицы. Для Ермолова это место в данный момент имело особое значение благодаря тому, что находилось фактически посередине русской Линии и было очень удобным для сбора и обработки сведений.

Впрочем, это не должно продлиться долго. Ермолов намеревался укрепиться на первом рубеже, на линии Терек-Кубань, а затем продвинуться вперед к горам, оборудовав там вторую линию, сначала на Малке, а затем с постепенным приближением к реке Сунже. Подобное же наступление будет вестись на западе, к землям бжедугов.

Кроме того, Ермолов собирался значительно расширить узкий проход через Дарьяльское ущелье и построить надежную военную дорогу на этом месте - достаточно надежную, чтобы по ней могли ехать повозки, и достаточно широкую, чтобы лошади смогли передвигаться быстро. Запряженные волами телеги не будут больше медленно, с трудом тащиться по горному проходу, являя собой прекрасную мишень для горцев. Он намеревался привлечь сюда отряды гребенских казаков для охраны строителей дороги, а также оставшихся здесь немногочисленных ногайцев. Пусть чеченцы знают, что он, Ермолов, пришел сюда всерьез и надолго.

Ермолову не терпелось начать работы. Вся его жизнь была посвящена Империи и осуществлению ее великих замыслов. Он не собирался терять время в гостиных приграничных городах. Он хотел, завернув в плащ, стоять на линии огня там, где ждали его большие свершения...

Прибыл Вельяминов, высокий худощавый человек несколько неуклюжего сложения.

- Входите, входите, какие могут быть церемонии между нами, старыми друзьями, - приветствовал его генерал.

- Поздравляю Вас с назначением. Счастлив, что будем снова служить вместе, - отрывистым жестом он пригласил Вельяминова садиться.

Офицер сдержанно поклонился и сел у огня, напротив своего командира. Ермолов протянул ему большой бокал вина, и сам сделал огромный глоток.

- За прежние времена, - голос его грохотал.

- За прежние времена, - ответил Вельяминов своим изысканным, мягким голосом. - За Москву, за Париж... V

Они уважали друг друга за воинскую доблесть, но им впервые предстояло служить в полном смысле этого выражения плечом к плечу, что предполагало более дружеские отношения. Вельяминов наблюдал за генералом. Он не мог не восхищаться им. Ермолов был безжалостен, бесстрашен, жесток (воспитанник Суворова, он получил георгиевский крест, когда ему было всего шестнадцать). К тому же, он был решительным тактиком. В отличие от других офицеров, обладающих подобными качествами, он не был холоден, и не опасался ввязываться в драку, за что солдаты обожали его. Он ел, как крестьянин, спал в одежде и имел обыкновение ходить по солдатским палаткам, выслушивая жалобы и пожелания нижних чинов, что ни на йоту не уменьшало его авторитета.

Вельяминов знал, что у него было что предложить этому титану. Он был всего на год моложе, имел столь же большой опыт и был, пожалуй, даже лучшим тактиком, чем Ермолов. Он глубже знал военную историю, возможно, превосходил генерала интеллектом и, наверняка, получил более блестящее образование. Но, несомненно, Ермолов был более талантлив. С некоторым раздражением Вельяминов был вынужден принять такую характеристику. Он сознавал, что может быть бесстрастным, иногда даже

жестоким. Но у него не было таланта ладить с людьми, присущего Ермолову... Да, он выглядел бледно по сравнению с этим великаном, который сидел напротив, поглощая вино и ворча по обыкновению.

Ермолов прокашлялся, словно прочищая горло от тумана и пыли Кавказа:

- Не так хорошо, как коньяк, что мы пили в Париже. Но результат тот же.

Он снова наполнил свой стакан. Вельяминов сделал только небольшой глоток.

- Мне не терпится скорее попасть в Тифлис, - заявил Вельяминов без предисловий, - и проверить войска, стоящие в Грузии. Как скоро Вы едете в Персию?

Ермолов потер глаз своим огромным кулаком.

- Сначала я должен закончить инспекцию здесь, - сказал он с явным удовольствием в голосе.- Ртищев был идиотом, а не командующим. Он вел совершенно неверную политику.

Как обычно, тон Ермолова был дерзок и непререкаем. Вельяминову было ясно, почему клика придворных военных советников, в основном немцев, считает Ермолова грубым, не заслуживающим доверия хвастуном, и ненавидит его. Коренастый, похожий на льва, презирающий этикет, он явно демонстрировал недостаток воспитания. Помимо решения «небольшой» проблемы горцев, миссия Ермолова, возложенная на него императором, включала поездку в Персию. Он должен был убедить шаха, что в его интересах позволить России держать под своим контролем ханства, находящиеся к югу от Грузии, в которых Россия закрепилась. Вельяминов сомневался, что этот нетерпеливый гигант сможет преуспеть в таком деле. Сначала он попытался узнать побольше о намерениях Ермолова в отношении Кавказа, чтобы затем перейти к этой теме.

- Мы скоро с этим сладим, - сказал Вельяминов уверенно. - Меня больше беспокоит недавнее восстание ингушей. Они напали на небольшую станицу на Сунже.

- Ничто из того, что происходит на Кавказе, не может удивить меня, - ответил Ермолов. - Чеченцев и ингушей следует проучить, вот и все. Это жестокие люди. С ними надо бороться жестокими средствами.

- В этом я с вами согласен, Ваше сиятельство. Ясно, что у восставших нет никакого представления о величине и мощи нашей армии. Мы должны смести их любыми доступными нам путями.

- Никакой дипломатии. Никаких предложений о заключении мира. Я преподнесу им «подарки»,

- сказал Ермолов, поднимая бокал в шутовском тосте, - огонь и меч. Эти горцы - азиаты. Они понимают только одно - силу. Мы заставим их покориться. Такова моя политика. Мы накажем их мечом, и предадим огню их селения, если они не подчинятся. Они понимают только этот язык. Вельяминов ничего не возразил в ответ на эту пламенную и многословную речь. Сам он, пожалуй, высказался бы менее резко, но Ермолов выразил и его собственную точку зрения. Удовлетворенный этим совпадением мнений, он стал прощупывать почву для более серьезных вопросов.

- Вы знаете, я вот о чем думаю... Мы, военные, проливаем свою кровь, чтобы завоевать новые земли для царя и Отечества. А после нас приходит какой-нибудь болван, и снова выпускает все это из рук. Так часто случалось в былые времена. Взять хотя бы мирный договор, который государь подписал с Турцией в Бухаресте четыре года назад. Все, что завоевал Гудович, и другие до него, благодаря своим трудам и отваге, было возвращено одним росчерком пера. Зачем же мы продолжаем воевать? Стоящее ли это дело?

Ермолов не был удивлен соображениями Вельяминова. Они выявляли один из недостатков его заместителя. Он слишком много размышлял.

Ермолов наклонился к нему и сжал его руку, словно стараясь передать ему свою решительность и напор.

- Обещаю Вам, Вельяминов, этого больше не произойдет. Мы должны покорить эти земли раз и навсегда и удерживать их вечно. Это Россия, - сказал он, сделав жест собственника, словно ему принадлежал даже воздух в легких горцев. -

Народы, живущие в ней, должны подчиняться законам у установленным нашим государем. Мне наплевать, мусульмане они или язычники. Они живут на российской земле.

Вельяминов вздрогнул от фамильярного прикосновения Ермолова и от его слабого знания событий прошлого.

- Я могу не согласиться с вашими географическими соображениями, но я безусловно поддерживаю вашу политику. Вы не должны позволять дворцовым интригам в Тифлисе и Санкт-Петербурге мешать нашему делу. Мы потеряли почти все, что Гудович завоевал для России.

В его словах звучала обида. Ермолов же явно испытывал совершенно иные чувства. Он расхохотался:

- Еще один идиот. Гудович ничего не завоевал. Этот самовлюбленный болван разрушил не сколько карьер и приписал себе достижения своих офицеров. Даже битва при Гимри, по сути дела, была вовсе не его победой, а победой Несветова.

Это заинтересовало Вельяминова. Ему нравилось собирать факты:

- Так вот почему вы... дезертировали! Ермолов фыркнул:

- Черт побери, я вовсе не дезертировал! Когда Павел, эта карикатура на царя, эта трясушаяся развалина заменил Зубова престарелым Гудовичем, многие офицеры Зубова предпочли вернуться домой, чтобы -не служить под началом этого мешка с дерьмом. Я был всего лишь одним из них. Кроме того, в то время интереснее было сражаться в Европе, а не валять дурака на Кавказе вместе с этим никчемным стариком. Я решил, что горы подождут, и оказался прав.

- Значит, это было... недоразумение. А ваш арест?

Ермолов уставился на Вельяминова. Уж не проверяет ли тот его на преданность? Как он осмеливается ?..

- то не имеет ничего общего с моей военной карьерой. Вы можете быть уверены в этом, Вельяминов. Просто на европейском фронте я попал в плохую компанию.

Он откинулся в кресле и закурил сигару:

- у что, удовлетворены? Хотите еще что-нибудь узнать? Вельяминов был не из тех, кого легко вогнать в краску. Он допил свое вино и тщательно облизал губы.

- Нет, - ответил он, помедлив, - Я вовсе не собираюсь проводить расследование, но лучше, чтобы между нами не было недомолвок. Я намерен служить вам верой и правдой, Алексей Петрович. Если нам не помешают, мы многого достигнем. И начнем с того, что не вернем ничего шаху.

Это казалось Ермолову забавным. Вельяминов был хорошим офицером, но идея не иметь никаких недомолвок в отношении со столь мрачным, склонным к рефлексии человеком, представлялась ему несколько смешной. Вельяминов будет поддерживать его только потому, что согласен с его политикой. Но впереди ждала слава, в этом он был уверен.

- Я сейчас не в том настроении, чтобы делать подарки, - сказал он томно, тоном восточного владыки. - Далее если бы государь предписал мне такие действия. Я рад, что Вы со мной согласны. Как бы то ни было, мы должны избавиться от притязаний шаха. Он хочет вернуть себе некоторые кавказские территории. Но я не отдам ему ни одной пяди. Однако, мне не хотелось бы защищать свою точку зрения с помощью оружия. Ни к чему мне ввязываться в новую войну с Персией- Хватит с меня возни здесь, на северной Линии.

Вельяминову, казалось, очень понравился этот план. Он поднялся, стряхивая невидимые пылинки со своего безупречного мундира.

- Рано утром я собираю офицеров штаба. Должны присутствовать все командующие гарнизонами. Будут какие-нибудь изменения планов операций или новые приказы?

Ермолов улыбнулся. Вельяминов по-своему тоже рвался в бой.

- Нет. Начнем немедленно нашу новую политику. Я хочу, чтобы горцам стало ясно, зачем мы при-шли, - внутренности Ермолова были разогреты огнем вина, а благодаря дыму сигары, эйфория распространялась по всему его огромному телу. -Скажите, чтобы командующие не дожидались новых набегов. Пусть совершат набеги сами. Я хочу, чтобы они сожгли несколько селений.

- Это будет вызовом.

- Конечно. Я желаю, чтобы мое имя, наводящее на них ужас, охраняло наши границы лучше, чем цепь укреплений.

Вельяминов нашел, что эта была удачно высказанная мысль и, довольный, откланялся.

* * * * *

На заре, в ясную погоду, Тимур с друзьями, возвращаясь с охоты, увидели трех всадников, направлявшихся к деревне Хапца. По обыкновению, они немедленно поехали наперерез незнакомцам, чтобы выяснить, друзья это или враги.

- Они похожи на чеченцев. Может быть, это друзья Анвара?.. - крикнул Тимур своему товарищу, Хамиду.

Тем не менее, Тимур, Хамид и остальные молодые кабардинцы вынули свои сабли и поскакали во весь опор навстречу чужакам, готовые продемонстрировать вызов и отвагу, но не совсем всерьез.

Каково же было их удивление, когда незнакомые юноши осадили коней и широко развели руками, показывая, что сдаются. Тимур разобрал, что один из них кричит: «Чеченцы, чеченцы!» Затем другой, у которого на голове была грязная повязка, прохрипел:

- Мурад? Хапца Мурад?

Тимуру стало страшно. Эти мужчины были их сверстниками, но вид их был ужасен - грязные и взлохмаченные волосы, лица в подтеках грязи и крови. Запах крови и лошадиного пота смешивался с другим, незнакомым запахом, и Тимур инстинктивно понял, что это был запах войны - страха, ненависти, бессмысленной жестокости. Эта отвратительная вонь ударила ему в ноздри, и у него перехватило дыхание. Свежесть ясного утра исчезла.

Тимур повернулся к Хамиду:

- Поезжай, предупреди моего отца, что к нему едут чеченцы. Я сам приведу их.

Хамид ускакал, испуганный и возбужденный, а Тимур, с трудом сохраняя достоинство, жестом пригласил чеченцев следовать за ним в усадьбу его отца. Почувствовав себя в безопасности и слегка расслабившись, всадники ссутулились в седлах и поехали шагом.

Мурад поднялся с постели и вышел к воротам, готовый взять под уздцы лошадь первого всадника. Вытянув вперед руку, он обратился к прибывшим по-чеченски:

- Я не знаю вас, юноши, откуда вы?

- Разве ты не узнаешь меня, Мурад? - сказал первый всадник, вытирая грязное лицо рукой,

-Я Лич, тот мальчик, что ездил с тобой в Кизляр...

Мурад был поражен. Неужели прошло столько времени? Тогда он был совсем ребенком, а теперь стал взрослым воином...

- Мы все из горного аула муллы. Спасаемся бегством от казаков. Многие из моих товарищей погибли... Остались в живых только мы трое...

Лич сполз с коня, крепко держась за луку седла, чтобы не упасть.

Я Зелемка, - сказал второй всадник, коренастый, грозного вида мужчина лет под тридцать

- моложе, чем сыновья Мурада... Ну конечно! Мурад внезапно вспомнил это имя:

- Ты сын Ати! Добро пожаловать в мой дом! Заходите, пока вас никто не видел.

Мурад думал не только о слухах и шпионах, но и о своей жене. Медина будет в отчаянии, узнав о том, что ее престарелые родители в опасности. Он должен был подготовить ее.

- Мои слуги займутся вашими ранами, а я пошлю за Анваром и его отцом Ахметом, чтобы они зашли навестить вас. Рад вас видеть, рад идти...

Мурад обнял каждого из молодых мужчин и крепко пожал всем руки, быстро проводив их в дом.

Итак, слухи подтверждались. Гяуры зашевелились. Мурад мрачнел по мере того, как воины рассказывали ему о постигшей их трагедии.

Позднее он подъехал к конюшне Ахмета, где его старый друг наблюдал, как его сын - Анвар ухаживает за жеребцом в загоне.

- Хорошо, что я смогу рассказать тебе новости до того, как твой сорвиголова услышит их, - Мурад говорил спокойно, прислонившись к забору рядом с Ахметом, словно просто заехал поболтать с ним.

Приехали три чеченца. Один из них - сын Ати.

Ахмет был удивлен:

- Зелимка? Он здесь? Что случилось?

- Казаки напали на чеченцев. У приехавших ужасный вид. Они явно не спали несколько дней.

- А как наши родственники, мулла?! Семья Медины?

Мурад успокоил его:

- Мулла вместе со многими другими жителями аула ушли высоко в горы. И родители Медины с ними. Войска Ермолова жгут селения, уничтожают дома и посеы повсюду, куда ни придут. Они вырезают всех на своем нуги. Плохие новости.

Изрезанное морщинами лицо Ахмета помрачнело. Рано или поздно, это должно было случиться. Они оба об этом знали.

Мурад выругался и сжал кулаки:

- Если бы мы могли сделать что-нибудь! Тимур предложил поехать туда с повозками и привезти наших родственников - Анвар мог бы поехать с ним.

Ахмет покачал головой: - Не думаю, что это мудрое решение. Сейчас это может быть слишком опасно. Чересчур рискованная поездка. Казаки могут встретиться с ними еще до того, как они доедут до места.

Мужчины молчали, размышляя, каким образом они могут помочь соседям, не подвергая риску хрупкую безопасность своих близких.

- Я еще ничего не сказал Медине, - добавил Мурад.

- Не стоит этого делать, - согласился Ахмет, - До тех пор, пока мы что-нибудь не придумаем.

Но они напрасно думали, что смогут что-то скрыть. Цема вышла из дома, неся две большие чашки сока для мужчин. Лицо ее было бледно и озабочено.

- Мурад, я слышала, у вас гости, - сказала она осторожно.

Мужчины переглянулись. Мурад попытался избежать объяснений:

- Как можно иметь секреты от вас, женщин?! - сказал он мягко. - Да, гости, это чеченцы, но у нас еще не было времени как следует поговорить с ними. Они спят с тех пор, как приехали.

Дорога была дальняя.

Цему нельзя было обмануть. Она посмотрела на Мурада долгим напряженным взглядом, затем повернулась к Ахмету:

- Прошу тебя, муж, позволь мне поговорить с ними. Я беспокоюсь за свою семью.

Ахмет не мог вынести этого выражения тревоги на ее лице.

- Конечно, жена. Мы все с ними поговорим, когда время наступит.

Теперь Цема поняла, что случилось что-то серьезное. Вежливо улыбнувшись Мураду, она вернулась в дом, оставив их в покое.

Мурад потрепал друга по плечу:

- Я помню времена, когда ты говорил: «Да, Цема, все, что твоей душе угодно, дорогая!»
- Как быстро мы снова стали адыгами, - в голосе Ахмета звучало сожаление. - Не знаю...
Может быть, я был бы счастлив там, в горах. Свобода... Меньше условностей.

Мурад посмотрел вокруг - тучные нивы, загоны для скота, блестящие темно-бурые спины лошадей...

- Ты говоришь ерунду, - когда надо, Мурад мог быть лаконичным. - Мы такие, какие мы есть.

Он следил глазами за Анваром, который объезжал молодого жеребца:

- У этого парня призвание заниматься лошадьми. Тут он даже превзошел своего отца. А как Казбек? Я уже целую неделю не вижу его. Куда он поехал?

- Казбек перегоняет два десятка лошадей в Псехваба. Думаю, он пробудет в пути еще дней семь-десять. Это дальнее путешествие.

Ни одному из них не было нужды делиться опасениями - могло случиться все, что угодно. Псехваба, или, как называли это место русские, Пятигорск, находился к западу от Терека. Это был курортный городок, который облюбовал русский гарнизон, расположенный поблизости, в Георгиевске. Оба мужчины горячо молились про себя о том, чтобы Казбек вернулся домой живым и невредимым.

Цема погрузилась в домашние дела, весь день ожидая возвращения Ахмета и его рассказа о приезжих чеченцах. Ближе к вечеру, вне себя от беспокойства, она послала служанку в усадьбу Мурада, надеясь получить хоть какие-нибудь известия. Но девушка вернулась, так и не увидев гостей, даже мельком.

- Я знаю, что один из них ранен, госпожа, - прошептала служанка, - потому что там сжигают какие-то тряпки. Еще я видела их лошадей. У одной из них рана на бедре...

Внезапно Цема поняла, почему Мурад был так скрытен. Он рассудил мудро: по аулу могли распространиться слухи, сея панику среди жителей, и те могли бы почувствовать враждебность к приехавшим.

- Тсс. Молчи, девочка. Лошадь, наверное, поранилась на охоте. Не рассказывай никому о своих выдумках. Поняла?

Испытывая некоторое смущение от того, что служанка прекрасно понимает ее желание узнать о происходящем, Цема быстро вышла из комнаты и направилась туда, где стирали белье. Цема была рачительной хозяйкой.

Ахмет все рассказал ей ночью, в постели. Цема лежала в его объятиях, ощущая себя такой пожилой и усталой, что ей почти хотелось умереть. Она беззвучно плакала. Ахмет чувствовал, как сотрясается ее тело, но предпочел сделать вид, что не замечает ее слез. Не так ее надо успокаивать.

Он лежал без сна, обняв жену, до тех пор, пока у него не затекли руки. Цема тоже не спала. Глубокой ночью она услышала уханье совы вдалеке и кваканье лягушек в камышах у реки.

- Самое страшное впереди, не так ли, муж? -спросила она, чувствуя, что Ахмет тоже прислушивается к каждому звуку. - Этот шайтан, Ермолов...

- Мы не знаем, что нас ждет, что об этом гадать... Надо постараться сохранить спокойствие. Спать, хорошо питаться. Жить обычной мирной жизнью, насколько это возможно. И никому не рассказывать о том, что произошло.

- Конечно, муж.

Больше сказать было нечего. Не было никакого другого проблеска надежды. Цема прижалась к Ахмету и, наконец, почувствовала, как его большое тело обмякло. Он забылся сном на несколько часов, но она не спала...

На следующий день Цеме предстояло проследить, как идут дела в коровнике, и она из всех сил старалась найти себе занятие, чтобы не дать тревоге овладеть собой. Во второй половине дня она все время была на своей половине, где мо-лодая жена Казбека, Нурсан, ткала, сидя рядом. Они разговаривали мало, разве что обменялись незначительными

замечаниями о цвете пряжи, об ужине, да несколько раз отвлеклись на малыша Имама. Это был белокожий ребенок, с пышными русыми волосами и большими карими глазами, унаследованными от матери. Он был любимцем своей бабушки.

Цема заставила себя сосредоточиться на работе, чтобы не давать воли старым воспоминаниям о жизни в горах: фанатичный шейх Мансур, произносящий свои пламенные речи над ее свадебным костром, резкие черты лица русского лекаря Василия, который трогает ее живот и тут же подносит нож к ноге раненого, ее любимый брат Хамзет, скачущий на войну с голубой полоской ткани - амулетом, который она повязала ему на шею... Он так и не вернулся.

Цема взглянула на Нурсан, удивляясь, о чем это та думает весь день, спокойно работая и не произнося ни слова. Нурсан казалась вполне умиротворенной, сидя на полу перед ткацким станком, при мягком освещении светильника, падающем на черно-красный узор.

Может быть, она скучает по Казбеку, который повез лошадей в город теплых источников, Псахваба. Как бы Цема хотела, чтобы он сейчас был дома! Теперь для нее «тало необходимым, чтобы ее сыновья были дома, рядом с ней, на случай ухудшения обстановки...

- Так лучше, Цема? - робко спросила Нурсан, подняв голову, - при этом ее огромные карие глаза засверкали в свете лампы. В них явно читалось желание похвалы.

Цема глубоко вздохнула, стараясь оставаться спокойной. Ей нравилась Нурсан, но у них были совершенно различные темпераменты. Если Цема была сильной и уверенной в себе, то Нурсан - чувствительной, мягкой и настолько хорошо воспитанной, что бралась за любую домашнюю работу с той же охотой, с которой, вероятно, Геракл совершал свои подвиги.

- Прекрасная работа, дорогая. Насколько я могу увидеть. Мои старые глаза не очень-то различают цвета при таком свете.

Нурсан продолжала размеренно ткать:

- Мне не хотелось бы утомлять Вас. Мы можем закончить завтра, если позволите, - она собралась было остановить работу.

- Нет, я не это хотела сказать.

Цема внезапно почувствовала необходимость исповедоваться кому-нибудь, пусть даже своей застенчивой ниссе, которую она едва знала. В конце концов, Нурсан была членом ее семьи.

- Я...я просто беспокоюсь за мою семью в Чечне. Мой отец уже очень стар, а эти чеченцы, что приехали к нам, говорят, что он ушел высоко в горы.

- Я уверена, что за ним есть кому присмотреть. Если бы их можно было привести в Кабарду! - смущенно сказала молодая женщина.

Цема вздохнула:

- Я бы тоже очень хотела этого. Может быть, когда Казбек вернется, я попрошу его отвезти меня в горы, чтобы увезти их.

- Да, уверена, что это самое лучшее. Казбек часто рассказывает о Ваших родственниках. Его тянет снова увидеть горы.

Цема была удивлена. - Казбек всегда принадлежал к благовоспитанной молодежи Хапца. Это Анвара всегда влекли приключения.

- В Чечне мы с мужем были счастливы. Мы были тогда так молоды. Мне часто хотелось вернуться, но он.., - Цема пожалала плечами, как бы показывая безнадежность попыток-убедить Ахме-та переехать куда-либо вновь.

- Казбек отвезет вас туда, - сказала Нурсан уверенно. - Может быть, даже я с вами поеду. Я нигде еще не была, кроме Чегема и Хапца.

Цема удивилась еще больше. Возможно, Нурсан была гораздо решительнее, чем ей казалось.

В конце концов, она позволила себя украсть. Однако, пока что она доказала свою преданность Казбеку лишь рождением всего одного ребенка. Казбек клялся, что между ними все прекрасно, но дети больше не появлялись...

Цема взяла на руки внука:

- Пойдем, мой хороший. Такому драчуну, как ты, не мешает поспать. Я уложу его, Нурсан. Уже совсем поздно...

- Спокойной ночи, Цема.

Нурсан нежно поцеловала сына и в молчании снова принялась за работу. Спина у нее ныла, плечи были напряжены, но она еще не собиралась заканчивать. С помощью своих любимых цветов - голубого, красного и черного, она ткала надежду, вплетая в нее заклинания. Цеме неведомы были ее тревоги.

Нурсан знала, что Казбеку грозит опасность. У нее всегда была сильная интуиция, более того, иногда она становилась ей в тягость. По краю своего ковра она выткала белые звезды - поцелуи, которыми они с Казбеком обменялись под чегемскими дубами, и голубые цветы - счастье ее дома на Тереке. По кромке она пустила черные и золотые нити - смелость юношей Хапца, а в центре повторялся мотив, который она любила больше всего - красное дерево жизни.

* * * * *

Терские казаки сворачивали лагерь солнечным полуднем. Они ехали на юг от линии Терек - Кубань под покровом темноты, и им удалось поспать всего пару часов перед рассветом.

Разведчик проскакал мимо мужчин, собирающих свои переметные сумы и готовых седлать коней, и осадил лошадь у палатки атамана.

- Разведывательное донесение, господин атаман, - проговорил он

- Докладывай. Быстро и четко, - приказал атаман, подтягивая подпругу и бросая на разведчика небрежные взгляды.

- В деревне ничего не известно. Все тихо. Никаких военных приготовлений.

- Что еще? Есаул доволен?

- Осмелюсь доложить... Заметили группу из трех всадников, они гонят табун лошадей из деревни на запад. Выехали они рано утром. Есаул ничего не предпринимал. Сейчас они уже далеко.

- Прекрасно, - отозвался атаман. - Можешь возвращаться к своим, и скажи есаулу, что мы начнем атаку в течение часа.

Разведчик исчез так же быстро, как и появился. Напряжение висело в воздухе. Кровь раздувала вены. Казаки знали, что произойдет: одни были готовы к этому, другие пребывали в мрачном расположении духа. Некоторым нравилось участвовать в налетах, пускать кровь гяурам, другие помышляли о более высокой оплате их трудов, которая позволила им бы жить пошкарней.

Подошел офицер, заговорил скороговоркой:

- Господин атаман, почему это есаул позволяет добыче ускользнуть у нас из рук? Нам ведь все время нужны лошади.

Атаман степенно прилаживал высокую меховую шапку.

- Потому, любезный, - наставительно сказал он, - что ни один хороший офицер не раскроет противнику свои карты из-за каких-то лошадей. Мы здесь не для того, чтобы красть домашний скот. Мы пришли хорошенько проучить кабардинцев. Очень важна и неожиданность. Я хорошо усвоил эти уроки при Йене и Эйлау. Полагаю, это было до того, как вы начали карьеру, - атаман щегольски приладил шапку набекрень, натянув ее до самых бакенбард.

- Так точно, Ваше превосходительство. 1807 год. Мои поздравления.

Мужчины сели верхом. В полевых условиях они мало отличались внешним видом от против-ника: те же высокие папахи, черкески с газырями, набитыми патронами. Единственное заметное отличие - гораздо менее ухоженные лошади: казаки не особенно заботились о внешности своих животных. Однако у их лошадей были крепкие ноги и они легко совершали броски на короткие расстояния. От них никогда не услышишь позвякивают уздечки: у всех казаков не было ни единой пуговицы на одежде, а в лошадиной упряжи вы бы не отыскали ни единой цепочки.

Казаки - страшные всадники смерти - приближались к деревне Трам с неумолимостью стихийного бедствия - землетрясения или извержения вулкана. Первое, что почувствовали жители, это дрожание земли и ощущение неизбежности гибели.

Первая цепь всадников держала сабли наголо, готовая пустить их в ход. Во второй цепи поджигали факелы, сделанные из просмоленного тряпья. Нескольких, таких факелов было достаточно, чтобы сжечь деревню дотла.

Артиллерийский расчет из солдат российской армии установил пушку таким образом, чтобы стрелять поверх голов наступающих казаков. Офицер подал сигнал - и загрохотали залпы. Дома начали рассыпаться на глазах: в воздух летели солома, штукатурка и кирпичи вперемешку с телами людей.

Сотни кабардинцев высыпали на улицу. Женщины и дети в ужасе метались среди разрывов, старики застыли в оцепенении, а молодые мужчины отчаянно пытались добраться до оружия и лошадей, чтобы дать отпор нападающим. Однако у них уже не было времени вскочить в седло. Воспользовавшись суматохой и смятением первых минут атаки, казаки вклинились в самый центр аула и рубили в клочья все живое на своем пути. К полудню этого солнечного дня в деревне Трам не осталось в живых ни одного ее жителя, ни один дом не уцелел от пушечных ядер.

* * * * *

Казбек с помощниками возвращался из Псехваба. Они выгодно продали лошадей и теперь с удовольствием пустились в обратный путь к дому.

По дороге он собирался обязательно заехать в деревню Трам. Они останавливались там, когда ехали на базар, и их очень тепло приняли. Кое-кто из знатных кабардинцев захотел купить лошадей из табуна его отца, которых можно было бы захватить в следующую поездку.

Впрочем, была и другая причина завернуть туда. Стояла отличная погода. У одного из знатных кабардинцев в Трамe имелаась дочь-красавица по имени Кулла, примерно ровесница его сына Имама. Казбек всем сердцем любил свое дитя, знал причины этой привязанности, но не старался подавить в себе отцовское чувство. Он устал, но был счастлив, что может позволить себе хотя бы такую маленькую слабость - поддаться чувствам.

В Пятигорске он купил этой девочке куклу, облаченную в вышитую одежду с блестящими пуговицами и шелковый фартук. Он представлял, как будет дарить куклу и получит в награду чарующий взгляд карих глаз, таких же любящих, как когда-то у Нурсан, таких же невинных и чистых, как у сына.

Когда они гостили в Трамe по дороге на базар, Казбеку довелось держать маленькую Куллу на коленях во время обильного застолья, и в этот момент ему на ум даже пришла крамольная для мужчины мысль: было бы огромным удовольствием иметь такую дочку. Он так надеялся, что они с Нурсан сумеют преодолеть все трудности в их отношениях: случится какое-то чудо и все станет на свои места. Возможно, в глубине души он тешил себя мыслью, что эта нежность к Кулле поможет смягчить его жестокую судьбу...

Помощники Инал и Васман ехали впереди. Вдруг они замерли на месте. Казбек поравнялся с ними.

- В чем дело? - спросил он.

Вдалеке над буковой рощей поднимались струйки дыма.

- Тхамата, - спросил Инал, - по-моему это где-то рядом с Траммом?

Радость моментально улетучилась из сердца Казбека. - Это не рядом с Траммом. Это как раз Трам и горит. Поехали.

Они пустились вскачь, и каждый удар копыт о землю будто вливал в их жилы свинец вместо крови. Им необходимо было пережить этот леденящий душу ужас, ибо то, что они увидели в Трамме, было жутким, нечеловеческим зрелищем.

Обугленные тела лежали там, где огонь застал их. Обезглавленные трупы, разбрызганные по земле мозги, обезображенные лица. Полуобгоревшие торсы, виднеющиеся из-под обугленных бульжников. Жизнь, низведенная до самых низких ее форм - пепел, шелуха, лужи, кости и пыль...

Когда Инал заговорил, голос его дрожал:

- Зачем? Кто? Кто мог это сделать?

Вне себя от бешенства, Казбек поскакал к дому, где он недавно гостил. Он прыгнул с коня и взбежал по ступенькам. Скорченное тело мужчины лежало поперек порога, на шее зияла огромная рубленая рана, изливающая кровь. Позади лежали его жена и служанка, обе были обезглавлены.

Васман и Инал подошли к своему господину. Казбек на некоторое время исчез внутри дома, а затем, покачиваясь, появился с телом маленькой Куллы на руках. Она, видимо, задохнулась в дыму - лицо ее, некогда такое прекрасное, было покрыто копотью и испещрено точками кровоизлияний из лопнувших сосудов. Пламя обожгло ее одежду, ноги были покрыты волдырями, крошечные ступни - обуглены и изуродованы.

У Васмана подкосились ноги. Он упал на четвереньки.

- Они звери. Жестокие варвары. Как они могли сделать такое с невинными людьми?! С детьми?! Где же здесь воинская слава?! - закричал он.

Казбек, спотыкаясь, вышел из дома - запах смерти внутри помещения был невыносим. Он сел на ступеньку, укачивая Куллу, как он делал это раньше...

«Сказку, расскажи сказку!» - услышал он ее голос, и затем, свой ответ, невпопад: «Я не умею рассказывать сказки, малышка.»

«А дедушка мне всегда рассказывает!»

«Молодец. А я, зато, привезу тебе подарок! Сюрприз.»

«Какой, какой?»

«Ну, если я расскажу, это уже не будет сюрпризом.»

«А когда привезешь?»

«Через неделю.»

«Через неделю?»

«Ах ты моя сладкая, ты не знаешь, что значит, через неделю? Ну, давай посчитаем: один, два, три, четыре... Семь дней. И тогда ты меня поцелуешь.»

«Семь... Значит, ты мой друг? Поцелую, поцелую.»

«Да, конечно, я твой друг.»

Казбек раскачивался, сжимая девочку в руках. Это была жалкая копия того очаровательного ребенка. Сломанная кукла, разваливающаяся, с остекленевшими глазами. Это было ужасающе.

Он покачивал ее, словно успокаивая, молясь о том, что смерть ее была быстрой. Но он знал, что ее последние мгновения были полны ужаса и чудовищной боли. За что? За что?

- Аллах акбар, Аллах акбар, Аллах акбар... - повторял он, - Господь велик...

Васман лежал ничком на полу позади него, роняя в пыль слезы, и тоже повторял молитву:

- Ла Иллаха Илла Аллах - Нет Бога, кроме Аллаха...

Казбек еще долго сидел так. Он потерял ощущение времени. Только жужжание мух нарушало эту тягостную тишину и пустоту.

Наконец, на место побоища въехала скорбная процессия из нескольких кабардинцев, жителей соседней деревни.

Один из них, крепкий крестьянин лет пятидесяти с небольшим, увидел троих молодых мужчин, измазанных кровью и глядящих на него остановившимся взглядом, словно обезумев.

- Пойдемте, - сказал он отрывисто, - ему не обходимо было вывести эти молодые души из состояния тупого отчаяния. - Надо похоронить людей. Нам нужна ваша помощь. Вставайте.

Крестьянин принял тело маленькой Куллы из одеревеневших рук Казбека. Тот не мог говорить.

Васман с трудом поднялся и прислонился к дверному косяку, стараясь преодолеть головокружение.

- А остальные жители? - спросил он чужим голосом.

Крестьянин покачал головой. Девяносто убитых лежат на кукурузном поле. Около трехсот - в деревне. Никого не осталось в живых в Траме. Никого.

- Никого. Никого. - повторял Казбек, ударяя себя кулаком по колену.

Похороны заняли много времени. Люди работали в каком-то оцепенении, день и ночь потеряли для них всякое значение, ибо ими владело одно стремление - похоронить семьи погибших вместе - пусть лежат друг подле друга. Хотя бы в могиле.

Крестьянин и его товарищи оказались сильными и широкоплечими. Были выкопаны несколько могил. Васман и Инал перетащили к ним тела. Не сговариваясь, они всматривались в лица, пытаясь соблюсти порядок родства.

- Это его брат, посмотри...

- А это, наверное, жена.

- На руке обручальное кольцо. Но тело не сохранилось.

Они похоронили отрубленную мужскую руку вместе с телом женщины.

Иногда, не найдя трупа мужчины, Казбек соскребал немного пыли со стен его дома, надеясь, что душа хозяина соединится с душами его близких, и что все вместе они упокоятся с миром.

Наконец труд был закончен. Крестьянин предложил им еду и ночлег, но как только был насыпан последний могильный холм, Казбеку и остальным захотелось немедленно уехать отсюда.

Они ускакали прочь, ощущая во рту горечь, а в теле - боль. Это была новая, неизвестная боль, которая не имела ничего общего с физической.

Казбек знал, что только одно средство сможет избавить его от страданий. Он внимательно смотрел перед собой на дорогу, пока наконец не нашел место, где хитроумное изобретение казаков - связка хвороста, привязанная позади повозки - подвело убийц. Он разглядел на мягком песке глубокий след пушечного колеса. Осадив коня, он соскользнул на землю. Васман, волнуясь, наблюдал за ним, потом осмелился высказаться:

- Они, должно быть, уже на том берегу Малки, Казбек. Нам надо возвращаться на Терек. Мы бы мало что могли сделать, даже если бы догнали их. Пушка - значит, это идет армия. Мы не можем сражаться с армией.

Казбек глянул на него, не отвечая, затем вскочил в седло и поехал вперед.

Так они ехали весь день - Казбек молчал, а Васман пытался урезонить своего хозяина. Но все было напрасно. Гнев Казбека неумолимо гнал его вперед. Казалось, шестое чувство помогает ему следовать за всеми поворотами и извилинами пути казачьих войск. Но на самом деле, ему помогали долгие годы учения у аталика Темироки. С наступлением темноты, он был вознагражден - вдали мелькнул отблеск костра и донесся говор солдат, устраивающихся на ночлег.

Лунный свет. С легким похрустыванием лошадей переступают с ноги на ногу, фыркают на привязи. Это весьма кстати, и Казбек с товарищами поползли вперед, в сторону аккуратных белых палаток и пушек, чьи жерла ненасытно зияли даже во тьме, как пасти страшных хищников. Часовой механически вышагивал по своему маршруту, сокрушаясь, что вытянул несчастливый жребий на дежурство после такого кровавого дела...

Воистину несчастливый. Кама Казбека мягко вошла ему в бок, и тело часового само упало прямо в руки своего убийцы. Казбек оттащил его в кустарник.

- И хватит на этом, - взмолился Васман. Надо убираться отсюда поскорее!

Но Казбека было уже не удержать. Его взгляд, словно магнитом, был прикован к белому, колеблющемуся на ветерке, атаманскому флажку. Первое убийство уже стало наполнять вены какой-то особой жидкостью вместо крови, которая вызывала нестерпимый жар мести. Он уже начал. Уложил одного, открыл счет.

Казбек пополз вперед, впиваясь ногтями в землю, как обезумевший сильный хищник - барс, тигр или лев... Каждый нерв был до предела напряжен, и тело, как заведенная пружина, готово было рвануться через открытое пространство. Казбек успел уже проделать почти половину пути от края лагеря до бивуака атамана.

Но тут второй часовой заметил черную тень.

- Стой, кто идет?! - крикнул часовой.

Казбек не чувствовал страха - настолько он был ослеплен яростью и жаждой мести. Он лег и затих, пока часовой не подошел к нему совсем близко и ткнул сапогом в спину, чтобы проверить то ли он в стельку пьян, то ли... Казбек стремительно поднялся, схватил часового, дернул вниз и всадил кинжал в живот второй своей жертве. Тут начался страшный переполох: раздались крики, выстрелы. Пули засвистели над головой. Казбек вскочил на ноги и бросился наутек.

Однако, он не смог уже самостоятельно сесть верхом, и Васману пришлось затащить его к себе и класть поперек седла. Только тут Казбек понял, что в правой ноге у него зияет пулевая рана. Трое кабардинцев крылись в спасительном мраке ночи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Казбек вернулся домой - и оправдались самые худшие опасения Нурсан. Ахмет быстро обработал рану у него на ноге, вынул пулю, однако, Казбек впал в бессознательное состояние, которое длилось несколько дней.

Ахмет стоял рядом и мучился от мысли, почему сын так слабо борется с недугом.

- Не понимаю, - пробормотал он. - Конечно, большая потеря крови, но ведь у Казбека сильный организм. Рана чистая, да и травы делают свое дело.

Нурсан бережно взяла руку Казбека:

- Его болезнь скорее не от раны, Тхамата. Он видел такие вещи.., которые сильно ухудшили его состояние.

Ахмет удивился. Об этой резне он слышал • уже от Инала и Васмана. Князь Хапча тоже, естественно, был осведомлен о случившемся и сразу же предложил созвать всех кабардинских князей. Инаду и Васману строго наказали никому пока не рассказывать о трагедии в Траме. Для Нурсан тоже не сделали исключения.

Старейшины не хотели распространять слухи о случившемся, чтобы не сеять панику или, хуже того, полный упадок духа среди населения всего этого края.

- Как ты узнала, Нурсан? Он что-то говорил в бреду? - удивленно спросил Ахмет.

Нурсан покачала головой.

- Нет. Слова тут не причем. Я просто поняла, что он видел что-то ужасное. Потребуется время, чтобы это потрясение сгладились. Понимаете, мы с Казбеком очень близки, нам не нужно слов, чтобы понимать друг друга. Еще до того, как он вернулся, я почувствовала, что с ним случилось что-то ужасное.

Ахмет был расстроен:

- Нисса, никому не говори об этом! Ты поняла меня? Никаких фантазий. Никаких домыслов!

- Хорошо, дадэ, - Нурсан склонила голову, ее глаза увлажнились.

Нурсан постоянно дежурила возле Казбека, позволяя Цеме лишь ненадолго подменять ее по вечерам. Несколько дней Казбек не приходил в сознание, однако, постепенно речь стала возвращаться к нему. Он начал что-то бормотать, но пока неразборчиво и невнятно. Однажды, когда Нурсан вернулась на свой пост, Цема спросила у нее печально:

- Кто такая Кулла? Ты знаешь, о ком он говорит?

Маленькая девочка из Трама. Он так любил ее - просто ответила Нурсан. - Ее тоже убили.

Цема нахмурилась:

- Что происходит с моим сыном? Его горе так велико, Нурсан. И что так сильно угнетало его раньше? Он ходил сам не свой...

Нурсан не осмеливалась сказать правду и промолчала.

Цема быстро поднялась:

- Мы должны сделать все, чтобы Казбеку стало лучше. Тебе, молодушка, нечего сидеть тут днями-ночами, потакая его прихотям. Главное для Казбека - его долг мужчины, его работа, семья... Если б только Аллах дал ему еще детей! Ему нужна его собственная дочь, чтобы чужие дети не овладевали его сердцем!

Охваченная горем, Цема высказала все это быстро, на едином порыве, не размышляя. Очевидно, этого не нужно было делать столь опрометчиво, однако, это были как раз те мысли, что давно уже преследовали ее, и сейчас лишь забота о сыне заставила Цему открыто высказать их. На бледном лице Нурсан появилось выражение раскаяния:

- Простите меня. Я не выполнила своих обязанностей и прошу снисхождения... Возможно, в ближайшее время, когда не будет войны...

- Нурсан, дорогая, не принимай все это близко к сердцу! Принеси суп и мы попробуем вытащить Казбека из мрака. Приведи Имама тоже, пусть посидит рядом с отцом. А мы споем и развеселимся.

Цема суетливо передвигалась по комнате, стараясь умерить нетерпение. Она знала, конечно, что Казбека и Нурсан связывало сильное, неугасающее чувство. Поэтому они и любили друг друга с такой страстностью. Сама-то она была сделана из более крепкого материала, но стоило ей вспомнить, насколько чувствителен и раним был любимый брат Хамзет, как горечь и сочувствие физическим и душевным страданиям Казбека усиливались в ней.

Маленькому Имаму было невдомек, что отец серьезно болен. Он быстро вбежал в спальню, обрадованный тем, что ему разрешили, наконец, побыть рядом с ним. Он с разбега плюхнулся на грудь отца и весело замолотил по ней кулачками.

- Папа! Папа! Проснись же! - закричал он. Нурсан отвернулась к стене, чтобы скрыть слезы. Казбек лежал неподвижно, погруженный в свои страшные видения.

- Папа очень устал, он долго был в пути, - сказала Цема, - но он так обрадуется, если увидит тебя, Имам, рядом, когда проснется.

Твердой рукой она вывела Нурсан из комнаты, а мальчик остался подле отца, затаившись у изгиба его руки. Он посасывал большой палец и смотрел на звезды через полуприкрытые ставни окна. В его душе был покой, и он любил этот огромный мир за окном, но особенно - свой дом, который и был его миром.

Вместе с остальными женщинами Цема и Нурсан вознесли вечернюю молитву и пропели песни надежды. Уже шестой день Казбек лежал без сознания. Завтра мусульманский праздник.

- Да будет воля Аллаха на то, чтобы Казбек вернулся к нам в этот день молитв, - говорила Цема. Нурсан же просила Господа об ином:

- Господи, не посылай мне больше детей. Это тяжкое бремя для меня. Я так боюсь за наше будущее... Пожалуйста, избавь нас от кровопролития... от сражений... Пожалуйста, сделай так, чтобы мой муж понял, что я не могу ничего больше...

Между тем Иمامу стало скучно и он принялся внимательно изучать и разглядывать тело отца: долго вглядывался в заросли на скулах - они делали Казбека похожим на какого-то свирепого незнакомца. Малыш почувствовал странный запах, исходящий от отца, и забрался прямо на родителя, чтобы выяснить его источник. Оказывается, так пахла повязка на ноге: смесь запаха крови и целебных трав. Казбек напоминал великана, отдыхающего нарта, огромную гору, на которую Имам мог взбираться, как на тот снежный пик недалеко от их дома, в честь которого отца называли...

Имам лез вверх по телу отца, пока, наконец, не оказался на груди у великана. И вот он, как всякий горец, достигший трудной вершины, издал радостный клич и подскочил на месте от радости. Казбек застонал под ним, и это было совсем как в бабушкиных рассказах о громах и падающих с грохотом камнях, когда нарты начинали сражение, о том, как при этом дрожала земля.

- О-о-о-о! - застонал Казбек и открыл глаза.

- Грудь! Дайте дышать! - и он издал глубокий вздох.

Имам скатился прямо ему в руки:

- Папочка! Ну это же я! Просьпайся, поиграй со мной!

Казбек прижал к себе мальчика. Впервые за много дней запах жизни пересилил зловоние смерти. Страх, разраставшийся у сердца опасной опухолью, начал отступать.

* * * * *

Одиннадцать кабардинских князей со своими свитами собрались на берегу реки Баксан. Был там и князь князей Хатукшука. Собравшихся было несколько сотен. Здесь можно было видеть все разновидности великолепного национального костюма кабардинских кланов. На лугу у реки, на некотором расстоянии друг от друга были установлены княжеские шатры, украшенные развевающимися на ветру знаменами, разноцветными балдахинами и богатыми коврами. Толпы слуг ухаживали за лошадьми, готовили яства для пира и прислуживали знати. Поодаль молодые слуги и свита князей соревновались в конных играх или обсуждали политические вопросы, сидя на траве, в непринужденной обстановке. Несколько любопытных мальчишек, приехавших со своими аталиками, залезли на деревья, чтобы лучше видеть и слышать происходящее.

Главным событием съезда был меджлис, что проводили одиннадцать великих кабардинских князей без свидетелей. Для этого был специально сооружен большой шатер, где могли поместиться все влиятельные лица - участники и их советники. В центре сидел молодой князь Хапча Омар, а рядом с ним - пожилой главный советник Темиркан. Мурад и Ахмет сидели позади них. Мурад чувствовал ответственность за соблюдение интересов брата. Впервые с тех пор, как он вошел в верховное руководство Хапча, ему пришлось представлять их на таком важном собрании. Омар и Темиркан знали, что мудрость старого князя Хапча очень помогла бы меджлису в выборе решений, будь он сейчас здесь. Мурад наклонился вперед:

- Будь стоек, брат. Мы с тобой.

Омар благодарно глянул на него, но ничего не ответил. Держал речь князь Хатукшука.

- Нам всем известна мощь русского царя. Было бы глупо замышлять битву с ним. Сражаться можно тогда, когда есть надежда победить! Сейчас у нас нет такой надежды. Таково мое мнение, братья...

Следующим говорил князь мисостов Сараби. Мураду и князю Хапча было известно, что это он устроил возвращение Мурада к его семье.

- Я считаю, что воевать с Ермоловым. - равносильно самоубийству. Это не обычный генерал.

Он не похож на тех, которых мы знали в прошлом. Царь разрешил ему творить на Кавказе что он хочет и как хочет. Это умный воин. К тому же, он обладает огромной властью. Нам, несомненно, придется оказать ему достойное сопротивление.

Князь Канука не мог сдержать гнева:

- Он палач! Бешеный пес! Убийца женщин и детей!

О бойне в Траме не говорили прямо из уважения мертвым, но воспоминание о ней, словно черная туча, омрачало мысли всех присутствующих.

Заговорил князь Канука. Он то и дело многозначительно поглядывал на посланников мисостов, которые были известны своими связями с русскими властями.

- Некоторые из здесь присутствующих, кому довелось жить в Петербурге, может быть, считают его великим военачальником, которого следует опасаться. Так вот, могу поведать вам, зачем ему понадобилось творить такие жестокости с нашим народом. Цель одна - запугать нас, заставить подчиниться. А теперь вы, кажется, убеждаете нас именно в том, чего бы и хотелось Ермолову.

Слова князя Кануки были встречены мертвым молчанием. Неписаное правило гласило, что каждый участник такого собрания вправе до конца высказать свое мнение и никто не смеет оборвать его. Решения на этих встречах принимались без какого-либо принуждения, совершенно свободно, независимо от того, как долго длятся споры.

Канука поднял руку, желая пояснить собственную позицию:

- Я не собираюсь подчиняться. Не буду подписывать эти соглашения о мире, что вы тут предлагали. Я никогда у русских в услужении не состоял, не собираюсь делать этого и ныне.

На этот раз его слова были приняты более благосклонно. Среди собравшихся начался ропот, сначала негромкий, но потом, как водится, он становился все мощнее, страсти разгорались. Тут были представители кланов, давно уже терпящих притеснения со стороны русских. Резня в Траме вызвала много споров. Князья стали советоваться со своими помощниками, советники из разных кланов принялись обсуждать между собой различные точки зрения неофициально, за пределами крута высших лиц.

Однако соблюдалось золотое правило: когда кто-то выражал свое мнение, собрание хранило вежливое молчание. Особенно, если следующим выступающим был Темиркан - один из старейших и опытнейших политиков в Кабарде.

Свою речь он начал тихо, почти шепотом, заставляя, таким образом, всех замолчать и напрячь слух:

- Мои князья, повелители наши, братья... Когда я был подростком, братья предложили мне проехаться на самом норовистом коне, что был на дворе у отца. Я знал, что этот старый сердитый зверь не в себе и опасен для меня, однако согласился. Вскоре конь начал неистово подпрыгивать и лягаться, пытаясь изо всех сил прикончить меня. Когда братья поняли, какая опасность мне грозит, то начали советовать, как спастись, призывали прыгать на землю...

Некоторые из присутствующих начинали уже беспокоиться, пытаясь угадать, к чему клонит этот бормочущий старик. Князь Хапча знаком попросил этих людей повнимательней выслушать своего главного советника.

- ...У меня уже не было времени обдумывать их советы, - продолжал Темиркан. Его голос становился все тверже. - Они мне были уже не нужны, потому что старый коняга сбросил меня на землю и прошелся по моим костям.

Темиркан остановился, чтобы перевести дух и вывести мораль из сказанного со всей присущей ему энергичностью:

- Братья, наша сегодняшняя ярость от деяний этого человека похожа на того старого коня. Этой ярости уже не один год. Но если мы вновь попробуем оседлать ее, то будем

обречены рухнуть лицом на камни. Мы ведь заранее знаем, каков будет исход. Нам ведь не нужно советовать, как лучше упасть...

Темиркан медленно оглядел присутствующих, пытаясь угадать, как они восприняли его речь. На их лицах он увидел сомнение и неопределенность, и это встревожило главного советника.

- Мои князья, сейчас нам нужно вовсе не убеждать себя в необходимости воевать с Ермоловым. Аллах ведает, что для этого у нас причин более чем достаточно. Но, прежде чем принять такое решение, давайте же крепко подумаем о последствиях. Какую цену мы будем вынуждены или... может быть... сами желаем заплатить!

Князь Канука первым отозвался на слова Темиркана. Он говорил пылко, стремительно:

- Конечно, еще много деревень, как Трам, будут сожжены дотла... Многие тысячи молодых воинов погибнут. Но хуже всего, если они безнаказанно захватят нашу Кабарду и отберут у нас все, начиная с нашего священного права быть хозяевами на собственной земле. А ведь это право наши предки берегли для нас, пуская в ход всю свою мудрость и опытность.

Князь Мисостов Сараби был одним из лучших ораторов. Он без труда мог овладеть всеобщим вниманием, заставить себя слушать. Говорил Сараби очень убедительно:

- Ермолов предлагает нам мир в обмен. Он не воюет с Кабардой! Трам - это послание нам и предупреждение. Наглядное и понятное. Разумеется, что для отвода глаз он использовал какой-то предлог, обвинив жителей этой деревни в воровстве. Но мы должны правильно истолковать это послание. На мой взгляд, Ермолову вполне хватает войны с чеченцами и горными племенами. Поэтому он хочет быть уверен, что с Кабардой не будет осложнений. Давайте же подпишем этот договор с его генералами - и наша Кабарда обретет покой и мир.

Вновь прокатилась и угасла волна возбуждения. Князь Хапча почувствовал, что не может больше сдерживаться. Несмотря на свою молодость (по сравнению с сидящими рядом почтенными старцами), Омар догадывался, что именно сказал бы сейчас его отец, и решил сделать это вместо него.

Омар поднялся. Он был не так высок и строен, как князь Сараби, однако его осанка внушала уважение. Голос у него, как и у Мурада, был низкий, раскатистый, приятный для слуха:

- Братья, я отворачиваю свое сердце от русских, хотя не все здесь согласны с этим. Моя душа плачет о жертвах Трама, и кровь вскипает от жажды возмездия. Однако, все эти сильные чувства не могут наделить меня мощью, достаточной для разгрома русских войск. Мы, князья, должны в первую очередь заботиться о благополучии нашего народа, нашей Кабарды. Это наш долг, наша обязанность, возложенная на нас Всевышним, - он замолчал на миг.

- Наш брат Темиркан и кое-кто из вас, уважаемые старейшины, конечно, помнят последнее сражение при Хумбали, помнят, как гяур Булгаков сжег двести или более наших деревень и уничтожил посевы на полях. Нашим старейшинам понадобились вся их мудрость и твердость, чтобы устранить последствия этой катастрофы.

Мощь России огромна. Мы не можем соперничать с ними ни числом воинов, ни мощью оружия. Нас, терское племя джлахстней, соседи обвинили в сотрудничестве с врагом только потому, что мы полагаемся на дипломатию и стремимся защитить наших людей от бедствий. Поэтому до сих пор, благодаря мудрости предков, мы продолжаем жить так, как раньше - свободными адыгами...

Постепенно в комнате затухал гул голосов, ибо начал проясняться главный вопрос: что означает понятие «Кабарда» - территорию или население? Отделимо ли одно от другого?

- В прошлом мы шли на компромиссы, принимали условия, заключали договоры. И нам нечего стыдиться этого. Эти соглашения оберегали

наш народ. И теперь, в этот суровый час, мы должны определить свои действия. Здравый смысл и мудрость должны быть нашими советчиками. Надеюсь, что вы, братья, понимаете это. Знаю, что кое-кто поглядывает в сторону турецкого султана и ждет помощи оттуда. Братья, не будем обманывать самих себя? Он не поможет нам, потому что не может противостоять силе российской армии. Сколько лет наши предки воевали, не щадя себя, замороженные турецкими посулами. Теперь же нам следует полагаться только на собственную мудрость!

Присутствующие явно склонялись поддержать Омара. Но одна группа князей держалась отдельно, обсуждая что-то между собой и, очевидно, не намереваясь одобрить такое решение.

Наконец, один из них, князь Кайтука, выразил их точку зрения:

- Трудно отказаться в мудрости нашему молодому князю Хапца и его опытному советнику. Но ясно также и то, что мы не можем согласиться поддержать подобный договор с русскими. Мы не можем принять условий, выдвигаемых Ермоловым. В то же время, мы не хотим причинить вред остальным. Некоторые из моих братьев нашли способ действовать, не ставя при этом под удар других кабардинцев...

Князь быстро обернулся к товарищам, чтобы убедиться, разрешают ли они ему раскрывать их планы. То, что они задумали, было крайней мерой.

- В этих условиях, если мы хотим остаться свободными и недосыгаемыми для русских, мы можем сделать только одно - уехать отсюда. Мы покинем Кабарду. Наши кланы переберутся за реку Лабу.

Это заявление было встречено гробовым молчанием. Затем начал нарастать ропот неодобрения, в нем слышались протесты и горестные восклицания тех, кто остро почувствовал близкий раскол среди племен.

Князь Кайтука стиснул руки, желая подчеркнуть серьезность их намерений:

- Мы считаем, что этот путь наиболее безопасен для вас и наиболее достойный для нас, тех, кто отказывается сотрудничать с гяурами. Это собрание только укрепило нашу решимость. Для нас это самое подходящее решение.

Князь Сараби говорил, плохо скрывая свои чувства:

- Но это же безумие, братья! Мы не хотим, чтобы кто-то из нас покидал землю предков.
- Одумайтесь!

Однако, князь Кайтука оправил на себе одежду, низко поклонился старейшинам, сидящим вокруг, повернулся и направился к выходу из шатра. Несколько князей из других кланов последовали за ним, включая князя Кануку.

Мурад закрыл лицо руками: Канука был старым другом их семьи, их наследные земли находились недалеко от Хапцей. Душу Мурада окутывало дурное предчувствие: казалось, что этот первый раскол у кабардинцев станет прологом гораздо более страшной трагедии.

Князь Хатукшука в печальном молчании ожидал, пока раскольники и их единомышленники не покинут собрание. В шатре наступило молчание. Какие слова будут уместны в этот трагический исторический момент! Наконец, князь Хатукшука обратился к оставшимся:

- Должен признаться вам, братья, что предвидел такой поворот событий. Мы знали о планах некоторых племен переселиться за Лабу... Пока что Россия не проявляет военного интереса к этому району, но эти бедняги почему то уверены, что так будет всегда.

Омар оглянулся на Мурада с Ахметом. Выражение их лиц было однозначно: спасения нет нигде. Даже если сняться с насиженного места и бежать куда глаза глядят, это лишь отдалит, но не предотвратит неизбежного столкновения с гяурами. Этими безмолвными взглядами трое мужчин как будто заключили между собой договор, поклявшись со всей отпущенной им мудростью и смелостью вести свой народ дальше, не отклоняясь от единственно верного пути компромисса.

Пока они вели эту мысленную беседу, заговорил князь Хатукшука. В его голосе звучало спокойное мужество обреченного:

- А теперь вернемся к самому тяжелому - обсудим наш ответ на требования этого шайтана Ермолова.

* * * * *

Вся Кабарда сотрясалась в конвульсиях хиджират. Несколько тысяч черкесов последовали за своими князьями на чужбину, оставляя свои плодородные, возделанные земли. Одни ехали верхом, другие сажали семьи в повозки, но очень многие были вынуждены уходить пешком, бросая землю своих предков. Они шли бесконечными тропами, и ритм их шагов совпадал с ритмом сердец, окутанных печалью. Матери поднимали детей повыше, чтобы они могли в последний раз посмотреть на пригорок у роши, где столько играли, на ручей, где купались, и на дальний горизонт, где всегда вставало и садилось их ласковое солнце.

После трагедии в Траме Анвару захотелось съездить в Чечню, разузнать, как там их дедушка мулла. Казбек выздоравливал медленно, и было весьма сомнительно, по силам ли ему эта поездка. Анвар же был готов оказать эту последнюю услугу родителям, прежде чем он займется решением собственных сердечных дел: пора было выбирать жену. Анвару было уже далеко за двадцать, он здорово задержался с женитьбой из-за Казбека, который по традиции пользовался правом первенства.

Может показаться странным, но, как только Анвар получил свободу действий после свадьбы Казбека с Нурсан, он понял, как трудно будет выбрать любимую. Он был менее возвышен, чем Казбек, но ему было так же нелегко угодить. Будучи по натуре человеком страстным, Анвар нуждался в женщине, жене, но в то же время не хотел расставаться со свободой для занятий войной. По правде говоря, он был рад возможности еще раз съездить в Чечню и посмотреть, нет ли там сражения, в котором можно было бы поучаствовать. Общее дело всегда было для него важнее личного счастья.

Лич и Зелимка вместе с ним возвращались в горы. В обычных условиях эта поездка заняла бы два или три дня, однако, сейчас, когда всюду шныряли казачьи патрули, им приходилось ехать тайно, выбирая самые неприметные тропы, потайные проходы в горах, пробираться под прикрытием грабовых лесов.

Задерживали их еще и лошади: Анвар взял с собой табун из двадцати лучших коней из конюшен отца, которые предназначались для чеченских воинов. Кроме того, везли еще двадцать ружей последнего русского образца, захваченных Анваром во время одного из налетов на Линии у Терека.

Этот маршрут был хорошо знаком Анвару. Он ездил им к своему аталику и тогда, когда спасался от чумы. Однако, как только он с товарищами приблизился к горам, сразу почувствовал какую-то странную тишину, висящую в воздухе. Анвар был весьма опытен в искусстве войны и охоты. Уже через два дня пути он с ужасом отметил, что в лесах почти не встречалась дичь, и лишь иногда можно было заметить скрытые от посторонних глаз стоянки немногочисленных пастухов или охотников. Чеченские леса стали пустыми, призрачными. Деревья стояли островками, между которыми зияли плешины просек, прорубленных казаками при прокладке дорог, по которым они ездили грабить деревни. Ермолов был вездесущ, постоянная угроза исходила от него.

«Угроза» - подходящее слово для обозначения «Ермола», как называли его горцы. Он решил значительно продвинуться вперед и укрепиться на второй линии сдерживания, опираясь на Грозный, что находился на Сунже возле русской крепости и казачьей станицы. Показался маленький чеченский аул, заросший сорняками. В нем осталось совсем немного жителей. По иронии судьбы это было рядом с тем местом, где Анвар с компанией когда-то ограбил ртищевский обоз. Теперь новый русский генерал обустроивал себе новое гнездышко, и работы были, видимо, в самом разгаре. Да и само название

«Грозный», по слухам, означало «тот, кто угрожает». Там и сидел этот Ермолов, лев с большой косматой головой и туловищем медведя, мало озабоченный свежестью белья или изысканностью кушанья, но неустанно разрабатывающий планы изнурительной войны на всем Кавказе.

Когда они приблизились к аулу, где жил мулла, лошадь под Зелимкой перешла на шаг. Он подъехал к Анвару.

- Приготовься к худшему, мой друг.., - проговорил он. - Когда мы уезжали, деревня еще горела и многие родственники навьючивали поклажу на лошадей, готовясь бежать. Уж и не знаю, что мы найдем там сейчас.

Анвар обнял приятеля за плечо своей крепкой рукой:

- Вот ты настоящий друг, заботишься обо мне, но ведь сам ты потерял всех родных... Это возвращение для тебя будет тяжелее чем для других.

Зелимка яростно помотал головой:

- Я везу ружья. Я возвращаюсь с жаждой мести! - он потряс кулаком в воздухе.

Лич молча ехал рядом. Он верил, что его родители вместе с муллой спаслись в горах. Однако, когда аул показался впереди, его сердце упало. Судя по открывшейся картине, шансов спастись тут было слишком мало. Распаленные азартом разбоя казаки, без сомнения, не щадили даже стариков...

Анвар за всю свою жизнь не видел ничего более устрашающего. Эта чеченская деревня никогда не отличилась особыми красотами: это было самое обычное место, каменистое, серое, с небольшим островком травы летом, с тощими собаками, шныряющими тут и там, с постоянно висящим над землей дымком. Но сейчас...

Все постройки полностью разрушены. Кучи мокрых углей. Останки домашних животных и куры, наполовину втоптаные в грязь копытами мечущихся лошадей. Ничего уцелевшего. Несколько трупов, которые уже невозможно было опознать после нескольких недель, прошедших со времени резни: просто какое-то безликое серое месиво, которое, казалось, шевелится, но это впечатление создавали черви, кишасие в разлагающейся плоти. От трупов исходил удушливый смрад, наполнявший окрестности страшным запахом смерти.

* * * * *

Анвар соскользнул на землю, его мутило. Лич стоял безмолвно, его лицо было перепачкано слезами и золой. Лишь у Зелимки хватило мужества пройти вперед, поближе к месту страшного опустошения. И тут, как в сказке, появился какой-то немощный старик и сделал пару шагов на слабых трясущихся ногах. Он был слеп. Старик вышел из единственной хижины, которая уцелела от огня, так как наполовину была выстроена из камня и обложена дерном, срезанным со склона горы.

- Хвала Аллаху! Здравствуй, славный родственник Эльдара! - Зелимка подбежал к старцу и упал перед ним на колени прямо в грязь. Он целовал слепцу колени, благодаря за то, что тот выжил.

Подошел и Анвар. Он вспомнил, что этот почтенный пастух был уже старым еще тогда, когда сам он еще бегал мальчишкой. Эти годы он прожил, традиционно сидя на стульчике у домашнего очага, всегда готовый поведать сказку своим беззубым ртом и благословляющий всякую руку дающего.

- Слава Аллаху, что он слепой! - воскликнул в отчаянии Анвар. Они с Зелимкой помогли старику выбраться на ровное место, пригретое ласковым солнцем.

- Мертвы... - проговорил старец. - Все мертвы, а я, вот, остался. Они могли бы убить и меня. Мне все равно. Но они забыли... А теперь, хвала Аллаху, дадите ли вы мне поесть? Мне нужна какая-то пища. - Он попытался нащупать лица воинов, провел ладонью у них по

груди в поисках каких-то отличительных знаков. Вдруг лицо его изменилось. - Это ты, Зелимка? Хвала Аллаху! Подрой-ка землю под стеной дома муллы... Я знаю - там есть запас зерна...

- Сколько же ты пробыл тут один, старче? - спросил Зелимка, крепко держа пастуха, словно малого ребенка.

- Не знаю. Не знаю, когда это произошло. Все это было так внезапно, а потом я все время был один. Они ушли в горы за крестом... Это было тайное убежище чеченцев. Каждая деревня с незапамятных времен имела секретное место, где можно скрыться в случае опасности.

- Я еду дальше, - коротко заявил Анвар. - Не могу терять время! Ты поедешь или останешься?

Зелимка решил остаться со стариком:

- Останусь, позабочусь о нем. Там у меня никого больше нет... Бери с собой Лича. Я подъеду вместе с пастухом, когда он сможет преодолеть этот путь.

- Не беспокойся обо мне, Зелимка. Достань зерно - и все будет в порядке. Мы повоюем за тебя...

Незрячие глаза старика были обращены к спасителям. Анвар бросил на землю запасную винтовку и несколько коробок с патронами для Зелимки. Ничего больше не говоря, они с Личем дернули поводья и продолжили нелегкий путь к горным высотам.

Наконец, они добрались до мест, где был один голый камень и где возвышались, как столбы, круглые скалы, выточенные ветром и дождем из известняка, Вместе они представляли собой сооружение, напоминающее языческий храм. Всадники проехали через этот каменный фасад и остановились на ночлег в этом довольно сыром «храме», окутанном горным туманом. К закату второго дня пути они добрались до убежища, где скрылся мулла.

Из двухсот человек, живших в деревне, спаслось, дай Бог, сорок. Лич пробирался через застывшую толпу, пока не оказался в объятиях своего отца.

- Я вернулся, отец! Где сестра? А мама? Где мама?

Поначалу отец не мог вымолвить ни слова, так велика была его радость. Потом он с усилием заговорил, пытаясь изобразить улыбку на лице:

- Они мертвы, сын мой! Но не казись, не бреди раны! Им уже хорошо, они с Аллахом на небесах.

Лич был рад, что отец уже внутренне примирился с таким страшным горем, поэтому не посмел даже заплакать. Анвара проводили к мулле. Тот сидел у какого-то дымного костерка, непрерывно молясь за соплеменников. Его борода уже потеряла свой серебристо-стальной оттенок, который, казалось, так соответствует крепости его духа.

Теперь она стала мягкой и совсем белой.

- Дедушка! Я приехал, чтобы увезти вас в безопасное место - тебя и родителей Медины. Ханифа... Где она?

Мулла покачал головой:

- Мертва. Все мертвы, кроме тех, кого ты видишь.

Анвар подавил в себе вскипающую ярость:

- Я привез вам ружья. Дедушка! - воскликнул он. - Мы им отомстим! Обязательно!

Мулла молчаливо шевелил губами и вдруг остановился, будто Анвар его чем-то удивил...

- Что толку от ружей, Анвар, если нет юношей, способных взять их в руки? Сам посмотри. Здесь только мы, старики, остались... Те, что помоложе, бежали, чтобы соединиться где-нибудь с кем-то... Чтобы сражаться вместе. Такие, вот, дела...

И тут Анвар со страшной ясностью осознал, что эту резню в ауле провели расчетливо, продуманно. Только самых старых оставили в живых, потому что они уже не представляют угрозы. Огнем и мечом прошлись по молодым, сильным, дерзким, способным дать отпор. По детям. Очень немногие спаслись.

В отчаянии Анвар схватил руки деда и заговорил умоляюще:

- Надо уходить из этого проклятого места. Ты тут точно умрешь, если останешься на зиму! Позволь мне отвезти тебя домой, к маме. Она будет ухаживать за тобой. Видит Аллах, ты за служил покой!

Мулла не раздумывал ни секунды:

- Нет, не заслужил! - выпалил он с оттенком былой резкости. - Когда солдаты закончат разбойничать в этом крае, я вернусь в аул. Я умру в доме моих предков, даже если от него остался лишь разрушенный очаг, горшок да груды камней. Смотри! - он указал на плетеную корзинку, стоявшую под укрытием гранитной скалы, в которой лежали те немногие ценности, что удалось унести. - «Аллах добр! У меня остались цепи от очага. Они священны для меня и моих родственников... Я вновь зажгу огонь в очаге моей матери, и он обогреет меня.»

Невероятно. Кожа у муллы была синей от холода, но он, казалось совершенно не чувствовал страданий. Анвар растерянно смотрел по сторонам, будто надеясь, что кто-то поможет спасти его деда. Но во всех окружающих, этих беднягах, приютившихся на склоне горы, он видел все ту же неторопливую, спокойную решительность. Среди этих людей не было страха, и не было сломленности. Он слышал то легкий смешок, то шепот - кто-то делился секретами... Все неизменно и нежно заботились друг о друге, лишенные крова, почти голодающие. Последнюю битву они не проиграли. Чеченцы умрут там, где они сами хотят умереть, сделав эту землю своей, полегши в нее телами, если уж Аллах не захотел, чтобы они жили на ней, как хозяева.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Генерал Алексей Петрович Ермолов ехал из Тифлиса на север, читая по дороге последние донесения с фронта. Он все больше убеждался в том, что ему так и не удалось добиться полного и окончательного «усмирения» Северного Кавказа, поэтому настроение у него было хуже некуда. Уже столько лет он ведет войну против чеченцев, кабардинцев, аварцев к северу от границы и с бесчисленными вероломными скользкими мусульманскими, ханами и беками - к югу, между Дагестаном и Персией. Пять лет назад, в 1820 году, он даже отправил государю рапорт о том, что им полностью подчинен Дагестан, горная страна на юго-востоке. В этой борьбе ему неизменно помогал его заместитель генерал Вельяминов, чье красноречие производило большое впечатление на местное население. Его напыщенные речи, своего рода агитация, помогали убедить повстанцев, что Россия непобедима. Некоторым строптивым кавказским предводителям Вельяминов заявлял: «Чего вы добиваетесь? Разве вы не знаете, что если небеса вздумают упасть на землю, Россия подопрет их своими штыками!»

Уверенность противника в его непобедимости - уже залог самой этой непобедимости. Ермолов отлично понимал это, поэтому старался делать так, чтобы внушить горцам идею о неизбежности русского владычества. Именно ради этого он построил цепь укреплений, протянувшихся от бастионов Грозного на Сунже к юго-востоку, через Чечню до Везнапая, прочно заблокировав подступы и контролируя движение по центральной долине Дагестана. Некоторое время спустя его силы двинулись оттуда к востоку и прихватили еще крепость Бурную, расположенную высоко в скалах и обращенную к городу Тарки, обеспечивающему выход в Каспийское море.

Однако он не обратил должного внимания на ничтожный участок в центре Чечни, и теперь, вот, у него в руках были донесения о том, что его четкие приказы разрушить аулы, повесить заложников и перебить женщин и детей не имели того устрашающего результата, на который они с Вельяминовым рассчитывали. Эти кавказцы были подобны многоглавой гидре: ей отсекают одну голову, но тут же вырастают две-три новые и извиваются, злобно шипя...

На самом деле Ермолов был не столько разгневан, сколько озадачен. До того, как преступить к действиям, он получил сведения, что в Чечне проживает не более шести тысяч семей. Значительная часть этих людей не являлась коренным населением края, но состояла из пришлых воров и разбойников, явившихся Бог знает откуда, многие из которых, возможно, скрываясь от правосудия, предпочли затеряться в горных просторах и продолжать свое черное дело. Донесения уверяли, что земля в Чечне совершенно не пригодна для земледелия, этим и объяснялась склонность местного населения к воровству.

Вельяминов согласился с ним в том, что там следует применить политику огня и меча, ибо большая часть этих земель, покрытая густым лесом, не годилась для пахоты... Вырубив лес, они смогут вымести оттуда повстанческие паучьи гнезда. Ермолов отдал приказ казакам и армейским частям как следует разорить эту местность, методично лтродвигаться вперед, и вычистить оттуда все, что должно быть вычищено.

«Тем не менее, - размышлял он, - если' население там составляло всего шесть тысяч, и при этом многие сотни уже уничтожены в ходе карательных операций, как же получилось так, что сопротивление этих людей не ослабевало, а росло?»

Из надежных источников ему было известно, что в недавнем нападении на укрепление Амир-Хаджи-Юрт на Тереке участвовал смешанный отряд из двух тысяч человек, которые устроили осаду русского гарнизона. В докладе указывалось, что после того, как две трети русских были перебиты, в укрепленном поселке Герзель-аул собрались примерно пять тысяч человек, чтобы отпраздновать победу. Как только подошли подкрепления, русское командование, естественно, получило численный перевес, однако, повстанцы словно испарились, рассосавшись по полям, лощинам и трещинам в горах. В отместку русские уничтожили триста человек из ближайшего поселка Аксай...

Численность повстанцев не должна была расти, вместе с тем Ермолов никак не мог определить точно их количество: оно всегда оказывалось больше, чем он думал.

Коляска Ермолова быстро катила по ухабистой дороге через Дарьяльское ущелье. Он весьма неважно себя чувствовал и вовсе не был уверен, что сможет доехать до Грозного без передышки. Ермолов порылся в папке с донесениями, достал и перечитал самое свежее послание императора, и ему почудился вкус желчи во рту.

«... исходя из того, что ныне под ружьем на Кавказе находится более 60 000 человек, число никогда ранее не виданное, сим выражаю надежду и уверенность в том, что этого будет предостаточно для восстановления там полного порядка...»

Генерал смачно сплюнул в окошко. Он тоже надеялся на это. Однако данные, которыми располагал государь, не отражали полностью истинного положения дел. У него было только двадцать тысяч солдат и ровно вдвое больше казаков. Все они плохо вооружены и плохо накормлены. К тому же, у казаков были и свои земли, которые нужно было возделывать, а не только отстаивать в бою.

Коляска Ермолова в окружении охраны остановилась у почтовой станции, находящейся на перевале Крестовом перед въездом на самый узкий спуск Дарьяльского ущелья. Несмотря на то, что стояло лето, воздух здесь был прохладным. Станция выглядела какой-то неухоженной, обшарпанной. Несколько полуживых лошадей лениво переминались с ноги на ногу у коновязи, да несколько осетин в барашковых шапках, надвинутых до самых глаз, бесцельно слонялись вокруг или курили на ступеньках постоянного двора. Три грязные собаки шныряли тут же в поисках объедков. Ермолов тяжело вздохнул, глядя на эту удручающую картину, где все и вся было серо, невыразительно, тоскливо и требовало чьей-то заботливой руки... Но ничто не могло сравниться с полчищами алчных насекомых, которые, как саранча, пикировали на лицо Ермолова и предерзко осмеливались пить его генеральскую кровь. Ермолов яростно шлепал себя по щекам, потом не выдержал и сердито закричал адъютанту:

- Ради Бога, принесите мне тарелку супа и давайте поскорее убираться отсюда!

Военные поспешно сменили лошадей, запряженных в коляску, и вскоре процессия, пробыв на станции совсем недолго - хотя Ермолову это время показалось вечностью - двинулась дальше. Генерал прихлебывал из чашки жирный бульон, но от этого ему становилось еще хуже. Он сердито выплеснул его наружу и закрыл шторку, чтоб не летела дорожная пыль.

Добравшись до Владикавказа, он понял, что не сможет ехать дальше. Весь в поту, Ермолов ждал, когда кто-нибудь из свиты откинет ступеньки его коляски. Он попытался спуститься самостоятельно, но у него закружилась голова и ноги подкосились.

- Черт побери! Мне понадобится жилье для ночлега, - простонал он.

В полуобмороке его ввели в белую саманную хатку, где располагался штаб казачьих войск на Тереке. Она находилась, собственно, в центре города.

Перед ним предстал офицер - командир местного гарнизона. Это был щеголеватый, гладко выбритый человек с франтовскими усами, которые так любили военные. В то же время его сапоги были все в пятнах, а китель изрядно потерт.

- Господин генерал! - проговорил он, щеголевато салютуя старшему по званию. Один вид его заставил Ермолова сильнее ощутить собственную слабость, в желудке у него громко забурчало. Он сделал над собой невероятное усилие.

- Все в порядке. Вольно. Позовите сюда моего адъютанта, - пробормотал Ермолов.

Он опустил на кровать и ослабил ворот мундира. К тому моменту, когда появился адъютант, генерал уже принял горизонтальное положение и боролся с желудочными коликами.

- Пошли-ка, Петр, депешу Вельяминову. Сей час он в Екатеринодаре на Кубани. Я приказываю ему принять командование у генерала Лисаневича, этого дурака, которого разбили в Герзель-ауле. Пусть берет на себя весь Терек с прилегающими землями... Потом я пошлю ему уведомление, чтоб встречал меня в Грозном... не знаю еще когда... Кстати, скажи этим чертовым слугам, чтобы принесли мне ночную вазу побольше...

Адъютант кивнул и отправился выполнять приказание. Составляя послание, он добавил от себя специально для Вельяминова: « По состоянию здоровья Главнокомандующий вряд ли сможет продолжить путь в ближайшее время... у него жар... и расстройство желудка...»

Ермолов боялся, что у него начнется бред. Лишь болезнь могла служить причиной нелепых вспышек гнева и раздражения, сотрясавших все его существо, когда он валялся с лихорадкой во Владикавказе. Генерал с трудом поднялся с намерением опорожнить горящее огнем нутро. Пока он со стоном делал свое дело, слышал, как где-то сзади, за перегородками, казачьи атаманы сыплют байками, раздается гогот луженых гло-ток... Иногда звонят колокола гарнизонной церквушки...

Эти печальные раскаты плыли над городком, уютно примостившимся по обоим берегам стремительного Терека. От главной улицы во все стороны разбегались грязные улочки, пересекающиеся под прямым углом. Там стояли серые солдатские казармы с редкими вкраплениями белых аккуратных домиков, где располагались казенные учреждения. К северу от городка открывались просторы до самого горизонта, а с юга город прикрывали лесистые горы, над которыми, как великаны, возвышались кавказские пики.

Ермолов хорошо сознавал, насколько важен и насколько ненадежен этот оплот в горах: здесь проходила единственная горная дорога, соединяющая Анапу с Дербентом, по которой могла ехать коляска. Потемкин основал этот городок, но он, Ермолов, обеспечил его дорогой. Бог свидетель, он оставил свой след на Кавказе!

Последние донесения сильно раздражали Ермолова, кружились в голове, как рой мух. Генерал Лисаневич заколот ножом каким-то повстанцем-деревенщиной прямо в своей чертовой крепости! Уму непостижимо! Разве можно было выдумать что-нибудь глупее? Этот напыщенный болван вызвал к себе жителей Аксая и устроил им разнос за то, что они, присоединившись к повстанцам, участвовали в осаде гарнизона Его Императорского Величества... Будто эти варвары - всего лишь кучка нашаливших

школяров, а не жестокие туземцы, которые вообще не умеют мыслить! Ну и что же? Один из них просто прыгнул вперед и всадил кинжал ему в живот!

И вот ушел приказ о смене командующих. Эффект будет огромный. Ермолов знал, что среди горцев поползут злорадные разговоры да слухи...

Лихорадка одолевала, Ему казалось, что чьи-то нежные пальцы с острыми маленькими ногтями примеряются к его спине. Воспаленный мозг помимо воли представлял картины прошлого. Вот Мехтули в Дагестане, где пару лет назад он замечательно провел зиму (после осенней горячки), скрывшись ото всех в этом горном ауле, там они с офицерами имели предостаточно местных «жен», с которыми приятно коротали долгие зимние дни и ночи.

- Нет, нет... - шептала маленькая блудница, не позволяя ему ни под каким видом приподнять вуаль, но вовсе не мешая при этом наслаждаться своим телом. - Ты ставишь меня на колени... пожалуйста, вот моя плоть. Воля Аллаха на то, чтобы ты наслаждался мною Я всего лишь женщина. Но учти - мужчины моего племени никогда не сдадутся. Каждый раз, когда овладеваешь мною, ты отдаешь мне свою силу... Ну, войди в меня, - поддразнивает она и закрывает черные очи... голова перекачивается из стороны в сторону. - Разве ты можешь сопротивляться мне Ермол? Нет. Нет...

В спину Ермолова уперся ее маленький твердый кулачок, напоминающий удар бандитской кама. Он тогда весело рассмеялся. Время летело птицей. Она доставила ему много радостных мгновений. Вполуха слушал ее болтовню. Но теперь он понял: ведя себя столь нарочито развратно, попирая традиционную мораль, она будто бы намекала ему на то, что грядет... Она показала на собственном примере, как безграничная ненависть позволяет соблазнить врага самыми изощренными способами и одновременно оскорбить. Ему потребуется еще много времени на выздоровление...

Хотя Ермолов пытался научиться держать язык за зубами, ему так и не удалось совладать со своим высокомерием. Он был совершенно уверен, что гораздо умнее всех, кого ему довелось встречать на жизненном пути, включая царей, князей и, особенно, генералов... И еще долго горцы не посмеют открыто бросить ему вызов.

Минуло еще немало дней, прежде чем генерал Ермолов оправился после лихорадки. Наконец, он, здорово ослабевший и мрачный, продолжил свой путь в Грозный. Приближаясь к линии менее значительных укреплений между Назранью и Грозным на Тереке, Ермолов решил, что сейчас было бы лучше вовсе отказаться от них.

- Надо отступить, собрать силы в более крупных гарнизонах, - давал он указания. - Не хочу, чтобы в руки противника продолжали попадать наши люди и пушки. Эти сволочи научились пользоваться нашими пушками...

Как только проехала его коляска, солдаты принялись быстро снимать пушки и нагружать повозки самым ценным скарбом, зерном, порохом, солью и ружьями. Уж коли Ермолов сказал, что нечего тут делать, то не стоит терять времени на сборы. Дело ясное.

Ермолов прибыл в Грозный, и через несколько дней Вельяминов явился на его командный пункт, который от остальных отличался лишь запахом водки и ароматами дорогого табака. На этот раз они оба находились в более подавленном состоянии духа, чем в предыдущие встречи.

- Итак, генерал, нам с вами немало работы предстоит..., - промолвил главнокомандующий низким голосом.

- Нам нужно лишь затянуть гайки,- проговорил Вельяминов.

- Это безусловно, так, - раздраженно бросил Ермолов. - Но мне потребуются еще люди...

Вельяминов нахмурился:

- Наша последняя возможность - вызвать войска из Грузии. Мои части здесь почти полностью развернуты...

Ермолов откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье. Его непропорционально большая голова утонула в стоячем воротничке мундира, он стал похож на рассерженного медведя.

- Это меня не устраивает. Персы очень беспокоят. Их все время гложет обида за потерянные земли, и вы прекрасно знаете, что англичане до сих пор не оставили попыток подстегнуть их воинственность: обучают их армию, засылают туда своих высокопоставленных военных советников... Боже мой, какое вероломство! Из Тегерана сообщают, что у них там только и разговоров, что о войне. Этот чертов князек Аббас Мирза положил глаз на персидский трон, и я не удивлюсь, если в один прекрасный день он соберет армию. Проклятый мусульманский фанатик... Вот-вот он может заморочить голову своему отцу - шаху. Нам следует сохранять значительные силы на южных границах.

- У вас нет выбора, Алексей Петрович, - напористо проговорил Вельяминов. - Если мы хотим укрепить, наконец, Линию, нам необходимо доставить сюда до зимы не менее десяти тысяч человек.

- Я знаю! И намерен снести эту деревушку Аксай и построить там вместо Герзель-аула новую, более мощную крепость. Лисаневич был полным дураком, но и за него должно отомстить... Я подвешивал людей за ноги и за менее тяжкие преступления и, видит Бог, поймею удовольствие сделать это снова... Я знаю не хуже Вашего, что нам следует неустанно добиваться здесь военного преобладания. Но мне потребуются люди, боеприпасы и, черт побери, охранники для этих боеприпасов!

- Разрушать и создавать... Это главное в нашей политике..., - согласился Вельяминов. Ермолов сделал несколько больших глотков:

- Они доставляют мне слишком много хлопот, господин Вельяминов. Всякий противник, заставляющий меня нести потери в живой силе, должен быть уничтожен!

В ярости он грохнул кулаком. Вельяминов нечасто видел командующего столь возбужденным. А тот с каждой минутой распалялся все больше.

- Я лично займусь этим..., - выпалил он. - Это нападение лишний раз подтверждает, что у горцев нет серьезной опоры. Это просто букашки, путающиеся у меня под ногами, и я не остановлюсь ни перед чем! - зарычал генерал. - Никакой пощады, Вельяминов! Вы понимаете? Никакой!

Вельяминов чувствовал, как бешено пульсирует кровь у него в жилах. Он не обладал таким сильным темпераментом, однако был полностью согласен с последними указаниями Ермолова, теперь он сможет выполнить их с особым удовольствием - более хладнокровно и безжалостно. В душе он никак не мог понять, что заставляет этот сброд так неистово сопротивляться неумолимому наступлению русских. У них нет законов: правосудие вершат порочные и темные люди, у них нет священников, нет достойной религии. Своих пленников они продают в рабство, такая участь постигла и многих солдат, украденных на Линии специально для этого. Они постоянно воевали между собой, среди них процветало взяточничество, сплетни - все это плодило раздоры и вражду. Миру не нужны были эти выродки, особенно же они вредны для России: та не могла ощущать себя хорошо защищенной, пока с южных границ не будет выметен весь этот сор - чеченцы, ингуши, лезгины... и многие прочие.

- Вы должны просить государя о подкреплениях, - настойчиво проговорил он.

- Кроме того, посмотрите на этот план местности. У меня есть определенные разведывательные сведения, и я полагаю, что нам следует восстанавливать утраченную крепость Герзель-аул вот здесь, видите? Напротив Таш-Китчу. Это на равнине, вдали от гор и лесов... Оборонять ее будет значительно легче.

Ермолов одобрительно воспринял эти идеи:

- Действуйте. Будем надеяться, что государь поймет серьезность нашего положения.

Вельяминов вышел из землянки не слишком окрыленный этим разговором. Его мучили тайные сомнения в том, что Ермолов действительно был болен все эти дни и изнурен недугом. В ближнем окружении императора имелось немало генералов, которые были бы рады падению Ермолова...

Это относилось в основном не к трезво мыслящим военным в Москве, но к прогерманской элите, толкущейся в Петербурге. Для него, Вельяминова, было уже слишком поздно запрягать в свою кибитку другого коня, подыскивать новую восходящую звезду. Его последняя надежда была на то, что Ермолову удастся задуманное.

* * * * *

Всю оставшуюся часть года до того, как снега укрыли военные позиции, генерал Ермолов сосредоточивал войска, устанавливал пушки в самых надежных крепостях, снаряжая время от времени отряды карателей мстить непокорным чеченцам и перебрасывал из Грузии тысячи солдат для укрепления передовой Линии к северу от гор.

Однако не зима и не повстанцы послужили препятствием для осуществления: этих планов. Этому помешала смерть, но не его собственная. Судьба не даровала шайтану Ермолову блестящей возможности героически пасть на поле брани. Император Александр Павлович неожиданно скончался в Таганроге, расположенном на Азовском море на юге России.

- Какого дьявола он там делал? – рявкнул Ермолов, получив это известие. Морозным днем в конце декабря они с Вельяминовым собрались на совещание.

- Инспектировал войска, - сухо отозвался Вельяминов. - Я слышал, что покойный государь всерьез подумывал о возобновлении войны с Турцией.

- Ему надо было не о турках думать, - бросил Ермолов, - а о персах. Не думаю, что с его братцем Константином будет легче иметь дело. Этот глупец предпочитает спокойную жизнь в Польше восшествию на русский престол! Как всегда, голубчик Вельяминов, нам приходится служить отнюдь не лучшим.

Вельяминов глянул на часового, стоявшего у дверей генеральской землянки. Его взгляд на мгновение задержался на солдате - это был тот пустой, и все же, странным образом, выражающий угрозу взгляд, который так ненавидели его подчиненные. После наполненной особым смыслом паузы он снова повернулся к генералу:

- Конечно же, Алексей Петрович, я понимаю, что Ваше замечание выражает полнейшую преданность престолу, и мне лестно, что именно мне вы доверяете свое мнение. Но посудите... ведь еще не наверняка известно, что трон достанется Константину.

- О чем вы говорите? Он законный наследник. Я уже передал ему заверения в моей преданности!

Вельяминов закрыл глаза и глубоко вздохнул:

- Направив их Великому Князю Константину, вы сделали то, чего от Вас ожидали. За вами твердо стоит вся Кавказская армия. Но что-то мне подсказывает... У нас давно не было новостей. Уже две недели. Возможно, до Вас дошли слухи о недовольстве среди некоторых молодых офицеров в столице... Они стремятся к реформам. Как знать, может быть, после смерти государя они предпримут какие-либо действия?

Ермолов покачал головой:

- Это немыслимо. Я знаю, что эти люди впитали европейские идеи в плоть и в кровь. Я сам был таким какое-то время. Но здесь Россия, Третий Рим. Я, пожалуй, разделяю до некоторой степени их идеи, их стремление к прогрессу, но отнюдь не приветствую эти модные тайные общества. Это все не для русских. Законопослушание, преданность, служение Отечеству, способствующие постепенным преобразованиям - это пожалуйста. Все прочее есть мятеж, бунт.

Вельяминов помолчал. Он был заинтересован. Казалось, Ермолов не осознавал власти, которой был наделен. Если произойдет переворот, он приобретет огромное влияние здесь, на Юге, ведь он распоряжается этим краем, словно какой-нибудь паша - это всем известно.

- Послушайте, - заключил Ермолов, - Я знаю, что в армии хватает дурней. И негодяев тоже. Какая-то толика их находится и на Кавказе. Но преданность России и государю для меня превыше всего. Я знаю, что говорю. Я тоже был в молодости бунтарем, и дорого заплатил за это. Ради Бога, голубчик, оставим философию и займемся делом.

Вельяминов понял, что командующий был слишком возбужден, чтобы воспринять его намеки. Он знал также, что Ермолов ищет способ облегчить свое ощущение огорчения и обиды. Из России не присылали новых полков. Связь между столицей и линией боевых действий была так слаба, что приходилось только гадать, что происходило в Петербурге.

Вельяминову оставалось только сменить предмет разговора:

- Алексей Петрович, осмелюсь обратить Ваше внимание на небольшое дело, - начал он. У Вельяминова был подлинный дар переходить от формальных отношений с вышестоящим начальством к менее формальным, и наоборот. Ермолова ни сколько не заботили внешние атрибуты чина, как роскошь апартаментов или услуги особого повара. Единственное, что могло произвести на него впечатление, была душа человека.

- Согласно имеющейся у меня записке, Вы еще никак не воспользовались трофеями, захваченными на прошлой неделе в чеченском ауле. Как Вы, должно быть, помните, прежде чем селение было сожжено, из него были вывезены свыше двухсот женщин.

- Да, и что же?

- Что Вы прикажете с ними делать? - спросил Вельяминов холодно.

Он сам мог бы отдать приказ, но счёл, что напоминание об успешно выполненной операции сможет отвлечь Ермолова от мрачных мыслей.

Генерал помедлил некоторое время.

- Думаю, лучше всего было бы пожаловать по жене наиболее достойным полевым офицерам. Это поднимет боевой дух. Отберите самых красивых, - он посмотрел на своего собеседника. - Если вам не хочется этим заниматься, поручите это генералу Давыдову. Он хорошо разбирается в лошадях.

- Хорошо, Ваше превосходительство. А остальные? - Вельяминов пожевал кончик своей незажженной сигары.

- Пусть этот надоедливый армянин - как бишь его? Он называет себя сыном Артюняна - пусть продаст остальных. Не дороже, чем по рублю за каждую. Кое-кто из линейных казаков не прочь купить здоровую чеченку. А если нет - пусть армянин делает с ними, что хочет. Как знать, может быть наша мягкость приятно удивит этот сброд. Не мешает сделать добро. На всякий случай.

- Вы правы, Ваше превосходительство. Вельяминов собрался было выйти, когда солдат объявил о прибытии вестового.

- Прекрасно. Надеюсь, в послании подтверждается, что к нам вскоре прибудет подкрепление, - Ермолов изучал сургучную печать. Письмо было от самого императора.

Он открыл конверт, и лицо его побагровело. Вельяминов вскочил:

- Что произошло?!

Ермолов сполз со стула и встал на колени на земляном полу. Он несколько раз перекрестился, бормоча что-то, затем с трудом поднялся:

- Нам следует прибыть в Тифлис для официального обращения к Южной армии. Великий Князь Константин отрекся от престола. Произошла попытка мятежа, поднятого офицерами из тайных обществ. Мятежники были схвачены. Великий князь Николай Павлович провозглашен государем Императором. Я должен сообщить об этом войскам.

- Простите, что противоречу вам, Ваше превосходительство, медленно сказал Вельяминов, - но мне кажется, что прежде вам следует отослать вестового обратно в Петербург с заверениями в вашей преданности новому государю.

Ермолов впервые в своей жизни почувствовал себя неловко:

- Разумеется, разумеется. Не думаю, что мои действия будут неправильно истолкованы.

- Надеюсь, что нет, - сказал Вельяминов. - Но вы ведь помните, что произошло в Париже? У Великого князя Николая была своя маленькая война, и он крепко сдружился с одним довольно докучливым молодым генерал-лейтенантом. Вы не припоминаете его имени?

Ермолов медленно поднял свою тяжелую голову и посмотрел на своего заместителя. Тревога мелькнула в его взгляде:

- Припоминаю. Этот надменный выскочка из второго гренадерского. Генерал-лейтенант Иван Федорович Паскевич.

* * * * *

Аслан Гирей ехал вдоль Терека, любуясь зелеными лугами и тучными полями, покрытыми зеленым пушком пробивающихся ростков нового урожая. Он ехал из Аравии через побережье Черного моря. По пути с запада на восток он пересек горы в стране абхазов и в тамошних долинах встретил нескольких кабардинцев, которые предпочли бежать в Нижерат, нежели покориться русским.

Их жизни, как и его собственная, теперь были посвящены борьбе. Однако Аслан Гирей не мог не восхищаться мирной красотой Малой Кабарды. Теперь он понимал, какая трудная стоит перед ним задача.

Он прибыл в деревню Казбека, и его встретили слуги друга. В усадьбе царили тишина и спокойствие, необычные для такого чудесного утра.

- А где все? - спросил он.

- Казбек в поле, мы послали за ним...

- Сообщите ему, пожалуйста, что я собираюсь посетить князя Хапца, чтобы повидаться с матерью, и передайте мое почтение вашему хозяину-

- Он присоединится к вам, Тхамада, - сказали слуги и поспешили отправиться к Казбеку, чтобы сообщить ему новость.

Аслан Гирей, будучи скромным от природы, улыбнулся новому обращению. Став хаджи - мусульманином, совершившим паломничество в Мекку - он начал носить другую одежду и был безоружен. Теперь он вовсе не походил на крымского наследника престола или благородного воина. На нем был белый тюрбан, легкий белый халат и накидка из грубой черной шерсти: Вместо шелковистых усов Аслан Гирей носил теперь аккуратную бороду, которую он, впрочем, подстригал довольно коротко. Его темные глаза блистали еще более чарующе, ибо он стал сильнее духом. Он не был уже таким тонким, как когда-то, первые морщины пересекли его лицо - новые отметины жизни. Сила его шла изнутри, от сознания его большой цели, и вовсе не была вызвана внешними переменами.

Аслан Гирей дожидался в гостиной князя, пока о нем объявят. Вскоре появился Омар:

- Слава Аллаху! Добро пожаловать! Ваша мать будет несказанно рада увидеть Вас, хаджи. Вы оказали мне честь своим посещением. Не хотите ли чаю?

Они опустились на подушки.

- Вас долго не было с нами, Аслан.

- Я много путешествовал во время моего паломничества... Набирался ума у многих учителей. Постижение мудрости - одна из высших форм служения Аллаху. Ибо сказано: «Час поисков истины важнее семидесяти часов молитвы.»

Князь Омар кивнул. Но Аслан Гирей поспешил разрядить атмосферу святости, созданную его словами. Он не хотел выглядеть напыщенным или быть неправильно понятым.

- Конечно, Ваше высочество, - добавил Аслан уважительно, - есть множество видов знания. Вот почему я ездил так долго и так далеко. Тот, кто хочет принести пользу, должен многое понять...

Мягкий голос Аслана Гирея заставил сердце князя Омара сжаться. Он интуитивно чувствовал, что этот блестящий молодой хаджи не совсем тот человек, каким кажется.

- Нам есть, что обсудить, - сказал он с явным удовольствием. - Но думаю, прежде, вам хотелось бы увидеть Ханум. Я уже сообщил ей, что вы прибыли. Оставлю вас с ней наедине, Аслан.

Вскоре тихо вошла старая госпожа. Даже будучи закаленным в лишениях паломником, Аслан Гирей не смог удержаться от слез при встрече с матерью. Годы, проведенные в покое, стерли выражение ужаса с ее лица. Она казалась более хрупкой, спина ее еще больше согнулась, но как всегда, она была роскошно одета. Блеск ее наряда только подчеркивал слабость. Золотые ожерелья и серьги казались несоразмерно тяжелыми и слишком сверкающими на фоне ее полупрозрачной кожи. Она тяжело опиралась на руку красивой женщины - сначала Аслан не узнал ее, но потом вспомнил, что это жена Казбека, Нурсан.

Как тщательно Нурсан поправила складки платья Ханум! Она велела служанке принести еще подушек и, как следует усадив госпожу, собралась выйти, застенчиво улыбнувшись Аслану.

- Не уходите, Нурсан. Как вы добры, что помогаете моей матери...

Ханум также подняла руку, задерживая Нурсан:

- Сын мой, ты должен поблагодарить мою подругу. Она спасла мою жизнь. Без нее я была бы одинокой старухой...

Нурсан тихонько засмеялась, скорее от застенчивости:

- Нет, это вы, Ваше высочество, принесли счастье в мою маленькую жизнь... Прощайте, Аслан, мы еще увидимся.

В долгих странствиях Аслану редко встречались женщины подобной красоты. Прежде ему доводилось видеть многих богатых женщин, жен султанов и пашей, невольниц из гаремов. Но у Нурсан было природное превосходство над другими, которое нельзя было победить никакими драгоценностями, ни златотканой одеждой, ни любой другой роскошью. Он подумал, что Казбек счастливчик.

- Сын мой... Лицезреть тебя - праздник для моих глаз, - голос его матери был слаб и звучал надтреснуто. - Как ты добр, что позволил своей старой матери взглянуть последний раз на своего любимца...

- Не говори так... Ты будешь жить еще долго, и мы еще много раз увидимся!

- Нет, не думаю. Мы с Нурсан чувствуем такие вещи, - голос Ханум сорвался на шепот.

Он нежно склонился к ней, чтобы слышать ее слова:

- Скажи мне, Аслан, куда ты отправишься отсюда? На газават?

Аслан вздрогнул:

- На священную войну? Мама, откуда ты знаешь, что у меня такие намерения? Я теперь опытный человек, хаджи... Таким, как я, запрещено носить оружие.

- Мне достаточно посмотреть тебе в глаза, чтобы понять, что ты ищешь праведного мщения. Тебе присуща праведная вера. Ты всегда был очень требователен к себе... Почему?... Почему?... - старая женщина начала слегка раскачиваться в отчаянии.

Аслан взял ее руки в свои:

- Не говори никому ни слова об этом. Время еще не пришло. Его мать прикрыла глаза, словно бы молясь:

- Я знаю, сынок.

Аслан считал, что в беседе все высказано и не знал, что добавить к сказанному. Они понимали друг друга без лишних слов.

Ханум открыла глаза:

- Я не могла сказать тебе раньше... Однажды в наш дворец в Бахчисарае пришел один человек, перс... Он открыл редкое знание Гиреям. Это знание раньше хранилось в тайниках мечетей и медресе, в священных библиотеках древних жрецов... Я стояла за ширмой, со стороны женской половины, и все слышала...

Аслан наклонился еще ближе к ней и прошептал:

- Шариат - закон, Тарикат - путь, Хакикат - правда...

Ханум кивнула:

- У него был другой Тарикат: Накшибандие - вера в священный огонь и меч.

При упоминании об этой древней секте фанатиков, находящихся вне закона, Аслан нежно прикрыл рот матери рукой:

- Я тоже знаю об этом, мама. И об этом, и о многом другом. Но я не должен обсуждать это с тобой. Я приехал только для того, чтобы ты убедилась, что я здоров и счастлив, что и впредь буду тебе преданным сыном и буду заботиться о тебе, как велит Аллах каждому.

Он встал перед ней на колени, и она коснулась его тюрбана со смешанным чувством любви и страха.

- Что будет с тобой, Аслан? Ты мой младший сын, ты всегда был не таким сильным и смелым, как твои братья, и все же, я уверена, что ты превзойдешь их...

- Верь в меня, мама. И да будет это тебе утешением.

Он нежно поцеловал ее и вышел. Снаружи его ожидал Казбек, сидя верхом на красивой лошади. В первое мгновение Аслан не мог понять, что же в нем изменилось. Потом догадался. Казбек утратил тот ореол благополучия, которым он всегда был окружен благодаря своей красоте. Теперь был очевиден его настоящий возраст.

- Клянусь, жизнь милостива к тебе, Казбек! - сказал Аслан, чтобы скрыть свое истинное впечатление. - Теперь ты выглядишь настоящим кабардинским уорком.

- И ты, друг мой, прекрасно выглядишь, слава Аллаху.

Казбек также был поражен видом своего кровного брата. Однако когда Аслан продолжил свою речь, восхищенно поглаживая последнее произведение конюшен Ахмета, он понял, что в душе его друг остался прежним. Аслан уже вел жизнь человека, постоянно исчезающего для выполнения каких-то важных, но тайных заданий. То, что он стал хаджи, никоим образом не разрушило окутывающую его атмосферу таинственности. Может быть, ее создавали изысканность его платья или кошачья грация его движений. Или всего лишь его манера точно и доверительно выражать свои мысли.

- Мне так много надо сказать тебе, друг мой, - вырвалось у Аслана.

Казбеку приятно было это слышать. Внезапно он понял, как он, в сущности, одинок. Было нечто такое, о чем он не мог говорить с родными - тайные надежды, тайные разочарования. К Аслану он относился по-особому, не только потому, что они вместе провели детские годы, но и потому, что он был сторонним человеком, и с ним Казбеку гораздо легче было быть откровенным. Он целиком и полностью доверял Аслану, ибо не раз им случалось верить другу свою жизнь.

Вечером князь Хапча устроил пир в честь Аслана в соответствии с обычаями. Присутствовали все старейшины селения, в том числе и Ахмет с Мурадом,

- Твой Хабза не позволяет мне спросить о здоровье твоей семьи, - сказал Аслан Казбеку, когда они сидели за обильным столом. Казбек улыбнулся:

- Ты не сможешь сглазить меня, Аслан. Видишь того парня за спиной моего отца? - он указал на красивого мальчика, стоящего позади Ахмета и изо всех сил старающегося не смотреть на почетного гостя, хотя его явно распирало любопытство. - Это мой сын, - с гордостью сообщил Казбек.

Аслан был удивлен:

- Он живет дома, с тобой? А ведь ему уже лет тринадцать-четырнадцать. Он что, уже закончил учебу у аталика?

Казбек поморщился:

- Нурсан и слышать об этом не хочет. Мы использовали последнее средство: мой отец в конце концов объявил, что он научит мальчика всему тому, чему обычно учит аталик, так что теперь сын живет с ним и Цемой. Он уже в совершенстве овладел искусством наездника. У него к этому настоящий талант, даже больше, чем у моего брата Анвара.

Аслан помедлил. Его следующий вопрос был бы слишком явным вторжением в личную жизнь друга.

- Других детей у меня нет, - резко сказал Казбек. - Такова воля Аллаха.

Аслан не позволил себе напомнить, что Аллах позволяет мужчине взять еще одну жену, если он того хочет. Он знал, что черкесы не придерживаются этого обычая. Но существование нации следует поддерживать...

Казбек изучил лицо своего друга и понял, о чем тот думает. Когда затрагивались подобные темы, становилось очевидным бурное, чтобы не сказать, разгульное прошлое Аслана. Казбек рассмеялся:

- Друг, если бы мы все брали двух жен, женщин бы на всех не хватило, - он понизил голос и быстро добавил, - я достаточно любил в свое время. Мне хватит.

Аслан дотронулся до его руки:

- В таком случае, если ты покончил с подобными удовольствиями, подобно мне... Почему бы и нет, Казбек? Ты создан для того, чтобы вести людей за собой. Еще в детстве, когда мы стали кровными братьями, мы знали твою судьбу. Тебе надо многому научиться. Почему бы тебе не пойти со мной? Оставь эту мирную жизнь...

Казбек был удивлен:

- Для чего, Аслан? - он всмотрелся в лицо своего друга. - Ты что-то задумал. Прости меня, я обязан с уважением относиться к тебе, хаджи, но я не понимаю...

- Поговорим позже, наедине, - Аслан взял немного кушанья из теста и мяса со специями и аккуратно положил в рот.

Казбек недоумевал, что же задумал предпринять его друг. Его собственная жизнь была полна сложностей. Нурсан явно отдалилась от него в последнее время. Имама пестовали дед с бабкой. Ужасающая жестокость, которую ему довелось увидеть в Траме и в Чечне, продолжала давить на его душу, словно тяжелая скорбная ноша. Как бы ни изматывал он себя работой в усадьбе, он все же чувствовал пустоту в глубине сердца. Он понимал, что ему требовалось нечто большее, чем работа, и все же что-то удерживало его от того, чтобы прислушаться к речам Аслана и к заключенному в них соблазну и вызову. Он хотел мира и гармонии, а не воинственных замыслов.

Теперь Аслан прочел его мысли:

- У тебя есть долг, друг мой. Я не преуменьшаю его важность: у тебя прекрасная семья, и ты должен хранить непрочный мир.

Он поднял чашу к губам и встретился взглядом с Ахметом, сидящим как раз напротив, рядом с князем Хапча Омаром и его младшим братом, Мурадом. Ахмет приветствовал его улыбкой, но его темные глаза были непроницаемы. Возможно, он догадывался, что влияние Аслана на его сына разрушительно, несмотря на одежды святого. Старик выглядел обеспокоенным. Его друг Мурад попытался заговорить с ним, но Аслан заметил, что Ахмет не слышит ни слова.

Позже, когда комната опустела, Казбек протянул другу свой великолепный чубук и откинулся на подушки, приготовившись курить и вести беседу всю ночь.

- Ну, расскажи мне, Аслан, что было с тобой в Аравии?

Аслан наклонился вперед и невольно перешел на шепот, хотя в селении Хапча не нужно было опасаться быть подслушанным врагами:

- Я встретился со многими мудрыми людьми, великими мыслителями. Я многое узнал о том, что происходит в мире. Самое важное - я узнал, что единственный путь противостояния врагам, вторгшимся в наши земли, есть Единственная Истинная Вера. Мало быть смелыми воинами и погибнуть во славе. Вера учит нас, что все люди равны. И с помощью этого учения мы должны подняться и одолеть наших врагов. Только благодаря

чистому и последовательному учению Аллаха сможем мы объединиться и победить гяуров.

Казбек покачал головой:

- Люди вовсе не равны. У них разные ценности и разные обязанности. То, что ты говоришь, Аслан, не отвечает правде жизни. Мой народ не захочет разделить такие убеждения.

На мгновение лицо Аслана потемнело от гнева. Это был ответ уорка, а не самого Казбека. Однако он быстро взял себя в руки и продолжил свою речь, пытаясь убедить своего собеседника:

- Но ведь ты согласен, что людям Кавказа необходимо объединиться?

Казбек покачал головой:

- Не знаю, как это можно было бы сделать. Кроме того, Аслан, ведь это вовсе не твоя миссия, не так ли?

Тон Аслана стал более настойчивым:

- Я только распространитель идеи. Есть люди, которые рождены, чтобы вести за собой, и не только здесь, но во всем мире. Я встретил такого человека. Это Абд эль-Кадыр из северной Африки. Ты услышишь о нем. Он станет орудием возмездия для врагов, он сбросит цепи... Он сбросит турецкое ярмо с северной Африки. Ислам будет нести истину. Потом, есть Аббас Нирза в Персии. Он убедит шаха, что он является истинным наследником трона, и его муллы победят. Есть еще один - из Дагестана...

- Не называй имен, Аслан, - Казбек был взволнован.

Аслан замолчал. Он глубоко вздохнул и начал снова. Он процитировал:

- «Кто погубит одну душу не для возмездия за погубленную душу и не за урон, нанесенный стране, погубит все человечество.» Таковы гяуры! Коран запрещает несправедное убийство. Человеческие существа священны. Это самое грозное наше оружие. С его помощью мы сможем проповедовать единство - каждый человек важен, его жизнь и свобода заслуживает того, чтобы за них бороться. Ислам - это корни дерева свободы, правверные - его ствол, борцы за веру - его ветви. Но есть такие, что боятся сражаться. Такие, что стали мягкотелыми. Такие, что берут подарки от русских. Ты веришь, что две-три сгнившие ветви могут вызвать гибель всего дерева?

Казбек почувствовал силу этих слов. Но он почувствовал и кроющееся в них оскорбление в адрес его народа.

- Надеюсь, ты говоришь вообще... - сказал он, пристально глядя на Аслана. Говорить легко. Перед его мысленным взором предстали престарелые, глухие, немые и слепые, пытающиеся умереть с достоинством на земле Чечни. Что знал об этом Аслан?

- Никаких обид! - Аслан поднял руку ладонью вверх, словно не допуская враждебности между ними.

- Ну что ж, - сказал Казбек, втягиваясь в спор помимо своей воли. - Если ты отсечешь сгнившие ветви, здоровое дерево даст новые побеги, - сказал он спокойно.

Аслан откинулся назад, удовлетворенный:

- Совершенно верно. А если молния ударяет в дерево, разве все остальные деревья склоняют головы перед ней? Разве они падают на землю в страхе, что молния поразит их?

- Нет, - снова согласился Казбек, - наоборот, они могут вырасти более сильными, получив дополнительное пространство для жизни... Но если русский орел вьет гнездо на таком цветущем дереве, как само дерево может воспрепятствовать этому? - Он принужденно рассмеялся, пытаясь отклонить возражение Аслана. Затем он подался вперед, чтобы задать ему более существенный вопрос. - Но когда ты говоришь о молнии, кого ты имеешь в виду - этого дьявола Ермолова или что-то иное?

Однако совсем не просто было заставить Аслана раскрыть свои сокровенные мечты. Он взял Казбека за руку:

- Знаешь, Казбек, слабым видимо, нужно дать урок, чтобы заставить этих людей, наконец, объединиться. Вот и все, что я могу сказать. Это просто предостережение тебе.

Казбек ощутил саднящее чувство внутри. Отчасти оно порождалось опасениями, что мир между кабардинцами и гяурами, заключенный в результате переговоров, не вечен, отчасти же - и это он должен был признать - просто завистью. А к чему идет он сам? Как будто не было тех дней, когда ему хотелось лишь одного - схватить меч, вскочить в седло рядом с Анваром и скакать Бог весть куда, разя неприятеля налево и направо! Аслан всегда был воинственным человеком, но теперь он, кажется, нашел дело, которому стоило посвятить себя. Казбек не имел ни малейшего понятия, с людьми каких крайних взглядов связался Аслан, да и не хотел этого знать. Но он мог бы догадаться: в горах ходили слухи о происходящих кое-где, особенно на востоке, бурных религиозных волнениях. Аварцы из Дагестана часто приезжали по делам к его отцу Ахмету и рассказывали ему о них.

Не удивительно, что его отец был так молчалив на пиру. Он чувствовал, какие идеи носятся в воздухе, и ему не хотелось потерять сыновей в битвах джихада.

Аслан не отпускал его руку. Теперь он потрепал ее, чтобы привлечь внимание Казбека:

- Поедем вместе в Ярагл. Мы снова примемся за учебу, как когда-то у Темироки. Мы будем изучать суфизм, писания пророков, слова Мухаммеда...

Казбек выдернул руку:

- Ты призываешь меня вступить в эту секту... Как бы она не называлась...

- У нее нет названия. Есть святой человек, который когда-то был последователем Накшибандие...

- Не продолжай, Аслан. Наши пути расходятся.

Еще несколько мгновений Аслан держал его за руку. Казбек почувствовал, как энергия его друга вливается в него. Господи, каким соблазном это было для него. Нанести удар. Быть настолько свободным, чтобы следовать зову своего сердца.

Наконец, Аслан отпустил его руку.

- Уже поздно. Мне надо поспать, - сказал он, расслабленно зевая.

Заметив это, Казбек слегка воспрял духом. Для него было честью столь близкое общение, которым удостоил его Аслан. Хаджи, принц в изгнании, человек, видевший мир. Как изменились они с тех пор, как были детьми!

Аслан и не догадывается, как близок он был к тому, чтобы завоевать Казбека. Но смирение уже вновь вернулось в сердце - его долгом были забота о семье, защита народа Хапца.

Казбек проводил Аслана до его комнаты. Воздух был теплый и неподвижный. Все дышало спокойствием - в противоположность горячему спору, который они только что вели.

- Спокойной ночи, друг мой, - Казбек обнял его. - Да будет с тобой Аллах.

- И с тобой, - сказал Аслан искренне. - Не знаю, увидимся ли мы снова, Казбек, но это не важно, не так ли? Мы поделились друг с другом мыслями и открыли друг другу душу. Я уеду перед рассветом...

- Удачи тебе.

Казбек посмотрел вслед Аслану, скрывшемуся в доме для гостей. Он был слишком взволнован и решил прогуляться по аулу прежде чем тоже лечь. Единственными звуками, доносившимися до него, были тяжелое дыхание скота, хруст соломы под неподкованными копытами лошадей, да отдаленное уханье совы. Он вышел из деревни и направился к усадьбе своего отца. Уже далеко за полночь он вошел во двор и направился к своему дому. Как всегда, в доме было пусто, только слуги спали на своей половине.

Часом позже, он с удивлением увидел, что Нурсан появилась из темноты коридора и подошла к его постели. Она опустилась на колени. Казбек до сих пор не сомкнул глаз - он повернулся к ней, как только услышал шуршание ее платья.

- Ты не спишь? - спросила она, хотя это было очевидно.

- Да вроде нет.

Нурсан подошла к окну и открыла ставень. Комнату залил лунный свет. Было все еще тепло. С реки доносилось пение цикад и лягушек.

- Когда Ханум умрет, у меня больше не будет причин находиться вне дома. Хочешь, чтобы я вернулась к семье, Казбек?

Он был раздражен:

- Почему ты всегда задаешь мне такие вопросы, женщина? Ты даешь мне повод упрекать тебя!

Это забавный способ обсуждать дела, но я вижу теперь, что это также наилучший способ получить то, что ты хочешь.

- А что я, по-твоему, хочу получить, муж? - голос Нурсан был нежен, но все же, в нем не было теплоты.

Он схватился за голову:

- Понятия не имею. Я не могу сделать тебя счастливой - вот что я знаю наверняка.

Внезапно, до Казбека дошел смысл ее слов. Он прореагировал на сказанное ею так, как всегда реагировал в последнее время - сначала на тон, а потом на содержание.

- Что значит, когда Ханум умрет? Она прекрасно себя чувствует. Хотя, конечно, если она ослабнет, ты можешь заботиться о ней. Он пожалел о явном сарказме своих слов, но он не смог не поддеть ее.

Нурсан не дрогнула ни одним мускулом. Живя рядом, но в тоже время, в отдалении от него вот уже несколько лет, она, казалось, научилась быть бесстрастной.

- Ханум помирилась с Асланом. Она точно знает, какой путь он избрал. Я убеждена, что она не давала себе ослабеть только для того, чтобы узнать, что он окончил свой хадж. Теперь она быстро угаснет. Сердце у нее хрупкое, как стекло.

- Хватит с меня разговоров, женщина. Казбек повернулся на другой бок, чувствуя себя совершенно измотанным. В Нурсан было нечто трагическое. Иногда он ненавидел ее интуицию, ее разрушительное предвидение.

- Мне не хотелось бы увидеть страдания Ханум, - пробормотал он, закрыв глаза и положив руку на лицо. - У нее была тяжелая жизнь. Я надеялся, что у князя, своего кунака, она обретет покой.

Он снова сел в постели. С огромным усилием над собой, он постарался проявить великодушие:

- Уверен, твоя дружба очень помогла ей. Ваши беседы, наверное доставили вам обоим удовольствие, - добавил он с горечью.

Нурсан быстро подошла к постели и взяла его за руку. Она поцеловала его в лоб.

- Когда-нибудь ты увидишь промысел божий во всем этом. Я больше не приду к тебе, Казбек, если только ты не прикажешь мне прийти.

- Не жить в любви, как подобает мужу и жене - это против всех обычаев, против Хабза, против нашей религии! - ему хотелось закричать, но он сдержался. Это было бесполезно. - Жена обязана повиноваться мужу, - сказал он жестко.

- Тогда грешна я, а не ты.

- Я не стану тебе приказывать. Я слишком любил тебя для этого.

- Я знаю.

Она поднялась, глядя на него своими огромными карими глазами, которые некогда вызывали в нем такой восторг. Теперь их блеск лишь будил в нем чувства путешественника, блуждающего в незнакомой стране.

- Прости меня, - сказала она, как говорила уже сотни ночей до этого и вышла из комнаты.

Возможно, именно тогда у Казбека возникла мысль о том, что рано или поздно эта жизнь станет совсем непереносимой, и ему придется предпринять что-либо, чтобы изменить ее. Он заставил себя вспомнить священные слова, пытаясь обрести спокойствие и уснуть, стараясь выразить благодарность за то, что его народ избежал жестокой участи, выпавшей на Долю других.

«Он - Аллах. Нет Бога, кроме Аллаха. Ему известно видимое и невидимое. Он всемилоостив. Он милосерден. Он - Аллах. Нет Бога, кроме Аллаха. Он - Господь, пресвятой и преблагой...»

Его последней мыслью, прежде, чем он погрузился в сон, была мысль о том, чего не знал Аслан: для кавказца срубить дерево значило совершить грех, равный убийству человека. Лесорубы уходили в лес, спрятав топор под одеждой, чтобы не оскорбить древних верований людей своей страны, которые существовали здесь задолго до любой религии. И они всегда брали совсем немного – только необходимое.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Генерал Иван Федорович Паскевич страдал тем недугом, который Ермолов однажды метко назвал «парадомания»: больше всего в жизни он любил наблюдать, как многочисленные войска, одетые в парадную форму, с треском маршируют по какой-нибудь огромной площади - чем больше, тем лучше. Эту слабость он разделял с новым российским императором Николаем I. Неудивительно поэтому, что - как сообщили Вельяминову тайные осведомители - Паскевич, прибывший по воле государя на Кавказ, в первом же рапорте на высочайшее имя пожаловался, что войска Южной армии плохо обучены и ходят, еле передвигая ноги.

В своем донесении Вельяминов нарочно несколько раз повторил эти обидные слова, пытаясь, видимо, создать у командующего определенное впечатление. Однако казалось, что Ермолов уже начал утрачивать силу: он лишь пожал плечами и пробормотал что-то насчет того, что Паскевичу следует посмотреть войска в деле, тогда он, глядишь, и изменит свое мнение. Вельяминов полагал, что неудачи на севере, где Ермолов вел войну против Аббаса Мирзы, и на юге, где шли сражения с персами, сильно подорвали здоровье главнокомандующего. Скорее всего, он в действительности был гораздо слабее, чем сам осмеливался полагать. По всей вероятности, думал Вельяминов, Ермолов был поражен каким-то высасывающим его силу паразитом - в прямом и переносном смысле...

Вельяминов ехал на совещание военачальников Южной армии в штаб, находящийся в Тифлисе, в Грузии. Император направил Паскевича «оказать поддержку» в Персидской компании, однако и Ермолов, и Вельяминов поняли этот жест так, как и следовало его понять - как от - крытое недоверие к кавказскому наместнику. Причем основным прегрешением здесь было вовсе не отсутствие яростного напора в борьбе с Абассом Мирзой, а выражение верности Константину - как оказалось, весьма поспешный и непродуманный поступок, давший новому императору повод усомниться в надежности главнокомандующего, несмотря на то что, Константин отказался ото всех претензий на корону в пользу более энергичного младшего брата.

Обстановку не разрядили и слухи, просочившиеся из столицы на Кавказ, о том, как Николай принял запоздалую декларацию о лояльности от Ермолова. «Что это декларация так задержалась?

- спросили у посыльного в приемной. - Что там, на юге, много противников нового государя?» «Нет, конечно, - уверенно ответил курьер. - Алексея Петровича так обожают в Грузии, что прикажи он им завтра присягнуть персидскому шаху, они тотчас сделают это!» Надо полагать, Николая эти слова потрясли до глубины души. У Вельяминова было на примете несколько влиятельных фигур, которые были бы рады воспользоваться опасениями императора, особенно сейчас, после напугавшего всех декабрьского мятежа. В армии сейчас вычищают ненадежные элементы, вплоть до рядовых, но что наверху? Ермолов не был популярен в Москве, и старые военные круги, без сомнения, делают сейчас все возможное, что бы как можно сильнее настроить императора против Ермолова.

Ныне генерал-адъютант Паскевич, старый приятель Николая еще со времен европейских кампаний, пребывал в фаворе. Человек консервативный, старорежимный и слабый, он выполнит любой приказ и сделает все, чтобы не лишиться царской милости. Предполагалось, что он будет служить под началом Ермолова, однако эти два человека были слишком честолюбивы для такого альянса.

Вельяминов знал, что, когда Паскевич прибыл в Тифлис пару дней назад, главнокомандующий отвел ему на аудиенцию мало времени, но был вежлив. Тем не менее, Паскевич сразу же принялся пакостить начальнику. Теперь его обязательно придется приглашать на совещание, иначе это будет воспринято как объявление внутренней войны и оскорбление самого императора.

Вельяминов вошел в штаб армии и плюхнулся в кресло напротив главнокомандующего.

- Хорошая погодка, - небрежно бросил он. - Надеюсь, вы в полном порядке, Алексей Петрович.

- В полном, Иван Александрович, - промычал Ермолов, перекатывая во рту незажженную сигару. Он был бледен, но в приподнятом состоянии духа.

Разумеется, как только самые пунктуальные дивизионные и бригадные офицеры заняли места у длинного стола в кабинете Ермолова, дверь открылась и появился генерал Паскевич.

Это был светловолосый, худощавый, надменного вида человек с пронзительными голубыми глазами и острым носом. Но во внешности его не было того обаяния, той силы, которая заставляла окружающих в равной степени бояться и обожать Ермолова. Вельяминов всегда не любил Паскевича, вот и сейчас он не нашел в нем ничего, что позволило бы изменить это отношение.

Ермолов снял мундир, зажег сигару и заломил на затылок казачью шапку, которую приберегал для подобных советов. Он любил принять обличив батюшки-атамана: русские солдаты обожали «отцов-командиров.» Он едва поднял глаза на вошедшего. Паскевич приблизился к столу (это было, по крайней мере, правильно, так как он был лишь вторым по чину в этой комнате). Ермолов взглянул на него, однако руки главнокомандующего продолжали шелестеть бумагами на столе.

- Добрый день, Иван Федорович, - проговорил Ермолов.

Наступила полная тишина. Ни титулов, ни особенных приветствий, ничего такого - лишь имя и отчество. Вельяминов, широко улыбаясь, снял китель и закатал рукава сорочки. Паскевич стоял не шелохнувшись, потрясенный столь оскорбительно небрежным приемом со стороны присутствующих. Никто из офицеров даже не пошевелился. Никто не уступил место вновь прибывшему генералу. В конце концов, тот подошел к стене, взял там пустой стул и приставил его к общему столу.

- Иван Александрович, - начал Ермолов, выразительно поглядывая на Вельяминова, - может быть, вы доложите нам о действиях князя Мадатова при Елизаветполе.

Вельяминов слегка улыбнулся. Паскевич много дней добирался до Тифлиса и не знал, видимо, что грузинский князь наголову разбил персидскую кавалерию и отбил у неприятеля город. К сожалению, Аббас Мирза вскоре вновь захватил его. Впрочем, вскоре ситуация может измениться вновь...

Пока Вельяминов докладывал о ходе тех боевых действий, в комнату продолжали заходить офицеры, Вельяминову было приятно видеть, как Паскевич временами бледнел, глядя на них. Некоторые из офицеров были без эполет, без сабель... На одном поручике красовался какой-то поношенный гражданский сюртук.

- Итак. Если бы государь прислал так необходимые нам подкрепления, - проговорил Ермолов строго, - мы бы уже сломали хребет вторгшимся персам. Он глянул на Паскевича с таким видом, будто тот был лично ответственен за это.

- Государь направил сюда двенадцать полков, - сухо отозвался Паскевич. - Вы просите двадцать четыре. Я немного посмотрел ваши войска здесь и должен сказать, что вопрос

заключается не столько в пополнениях, сколько в укреплении дисциплины в тех частях, что имеются. Некоторые даже не знают, как строиться в каре или колонной.

- Неужто?.. - Ермолов на удивление стойко сдерживал свой горячий нрав. - Что ж, в таком случае, вы, может быть, сами соизволите отправиться с этими бедолагами к Елизаветполю и на месте убедитесь в своих способностях действовать на поле боя...

Он посмотрел на Вельяминова. Общими усилиями они могли проучить этого тщеславного дурня. Войска ведь нужно сначала накормить: что толку гонять солдат по плацу, если в животе у них нет хлеба. И с боеприпасами дело обстояло из рук вон плохо.

Вскоре собрание завершилось. Вельяминов отправлялся на север подавлять там местные очаги сопротивления. Ермолов, очевидно, намеревался остаться в Тифлисе. Он был обездвижен присутствием Паскевича и явным недостатком доверия из Петербурга, о чем ясно говорил приезд царского фаворита.

Вельяминов задержался перед отъездом, пытаясь подбодрить командира на прощание.

- По крайней мере, горцы успокоились... - заметил он как бы между прочим. - Мы не воюем на два фронта. Последняя кампания в Чечне, кажется, преподнесла им хороший урок.

- Здесь мы противостояем Абассу Мирзе. Будь у нас и менее сил, им вряд ли бы стоило рассчитывать на успех, нападая на нас, - резко сказал Ермолов. - Но я не могу и не буду рисковать... Я не могу сейчас выступить против персов с достаточными силами. Это оголяет мои тылы. Проклятые интриги...

- Я постараюсь разобраться, - спокойно заметил Вельяминов. - Мне кажется, Вас вводят в заблуждение Ваши агенты, которые просто ведут двойную игру. Я не думаю, что эти лезгины или чеченцы, или какой-нибудь смешанный сброд могут сформировать армию, которую стоит опасаться.

Вы слишком серьезно относитесь ко всем этим слухам.

Ермолов поднял свои затуманенные глаза:

- Они научились не только воровать у нас пушки, но и стрелять из них. А что если они освоят и кое-какие наши боевые приемы? Что, если научатся применять комбинированные силы? Вы слышали когда-нибудь об этом человеке, будоражащем лезгин? Этом религиозном фанатике? Какой-то Гази... и еще один соучастник... Шамиль...

- Интриги. Сплетни. Претензии и контрпретензий. Чем сильнее мы привержены политике штыка, тем яростнее эти ничтожные люди падают на колени и призывают на наши головы все кары небесные. Если Вы полагаете, что крымские ханы и персидские беки - люди склочные и подверженные междоусобицам, то это, доложу я Вам, ничто по сравнению с распрями, раздирающими этот кавказский сброд. Они никогда не объединятся. Мы слишком преувеличиваем в горцах способности к повстанческой борьбе.

Как ни любил Вельяминов рассуждать, но в нем стало уже нарастать раздражение и желание перейти поскорее к конкретным вопросам сегодняшнего Дня. Он полагал, что появившаяся у Ермолова склонность к долгим размышлениям и самокопанию - признак слабости, а, может быть, и свидетельство неумолимо надвигающейся старости.

- Я прослежу, чтобы войска Паскевича получили достаточно продовольствия, но ничего более. А то он собрался поиграть в оловянных солдатиков с бывалыми людьми. Я сделаю все, чтобы помешать этому.

- Если бы шах послал подкрепления в помощь Аббасу Мирзе..., - начал Ермолов более уверенным голосом, но тут же остановился.

Вельяминов улыбнулся, догадавшись о ходе его мыслей.

- Это вполне вероятно, Ваше превосходительство. Пусть генерал-адъютант Паскевич попробует на себе персидскую кавалерию.

Опытные вояки пожали друг другу руки.

- Желаю здравствовать, Алексей Петрович, - проговорил Вельяминов, браво салютуя главнокомандующему.

- И Вам, Иван Александрович, - отозвался Ермолов. Однако взор его был затуманен: безусловно, давали о себе знать неважное здоровье и мучительный душевный разлад. Ему очень нужна была победа, так думал Вельяминов.

Генерал Вельяминов отправился на север с невеселыми мыслями о положении в штабе армии. Проезжая через Дарьяльское ущелье, он немного приободрился: ему предстояло выполнить весьма простую и приятную задачу - проинспектировать и осмотреть их с Ермоловым общее творение, эти пустующие многочисленные просеки, проложенные через Гойтенский лес в Чечне, и продумать создание в будущем сети дорог, которые обеспечивали бы безопасное прохождение войск через разоренные земли и полный контроль. Ширина лесных просек с каждой стороны от дороги не превышала дальности прицельного выстрела из ружья. Вельяминов твердо полагал, что, разместив укрепления в более удачных местах, проводя политику «разделяй и властвуй», можно добиться успешного управления сообщениями. Транскавказская сеть дорог уже была практически у них в кармане.

Он только начал погружаться в свои наблюдения, как из Тифлиса его догнало сообщение: «Через две недели после прибытия в Грузию генерал-адъютант Паскевич разбил наголову Персидскую армию при Акстафе в двадцати верстах к западу от Елизаветполя. Русские войска насчитывали едва 8000 человек, персы имели более 60 000. Погибло только двенадцать русских офицеров.»

Моральное воздействие этой победы будет огромным. Вельяминов прекрасно сознавал это. Он был рад за Российскую империю. Персам остается ждать неизбежного спада восстаний на Кавказе. Мятежники теперь повсюду содрогнутся и распросятся со своими замыслами.

Император Николай I начал свое правление, впечатляюще продемонстрировав силу. Однако для Ермолова, - полагал он, - последствия будут совсем иными. Ясно, что дни кавказского наместника, «шайтана Ермолова», уже сочтены.

Относительно себя самого, Вельяминов не сомневался: он еще может быть полезен. Он тотчас же отправил императору письмо, где прямо высказался об этом. Он также продолжал писать собственную биографию. На всякий случай. Может быть пригодится...

* * * * *

Император поверил ему. Так получилось, что через шесть лет Вельяминова поставили во главе еще более крупной армии, занимавшей позиции как раз напротив того самого Гойтенского леса. Был 1832 год. Осматривая окрестности, Вельяминов с горечью замечал, как разительно нынешняя картина отличается от прежней: лес поглощал ровные удобные дороги для передвижения войск, проложенные при Ермолове. Зеленая масса напознала, затягивала плоды их усилий: просеки покрылись колючим кустарником, ежевикой. Тут и там торчали молодые деревца. Казалось, что сама природа, будучи на стороне мятежников, создает самовосстанавливающуюся линию сопротивления русскому нашествию. Трудно было различить даже некогда широкую магистраль, проходившую через эти девственные чащи. Придется начинать все сначала.

Впрочем, Вельяминов не сильно загрустил. По натуре он не был подвержен ни унынию, ни эйфории. Он оставлял это более «чувствительным» душам (хотя, как правило, впоследствии история определяла таких людей - Вельяминов ради интереса специально изучал этот вопрос - как более «вдохновенных» командиров).

Главнокомандующего Ермолова с треском отправили в отставку и удалили с Кавказа. Вельяминов считал, что он слишком серьезно относился к горцам. Пойдешь по этому пути - считай пропал.

Генерал Паскевич, напротив, был очень высокого мнения о собственных способностях и глубоко презирал неприятеля. В течение нескольких лет непрерывных войн он зарабатывал себе имя, множа счет побед и уменьшая потери. Он покинул юг с титулом «князь Ереванский» в честь завоеванного им и принесенного к ногам российского исполина непокорного ханства как раз в разгар Персидских войн. Теперь он, вероятно, собирался перебраться на Польский фронт.

Вельяминов продолжил службу под началом следующего главнокомандующего на Кавказе барона Розена. Еще бы! Розен ничего не смыслил ни в горах, ни в их отвратительных обитателях. Ему нужен был опытный офицер, который мог стать его правой рукой в местных условиях. Ознакомившись с послужным списком Вельяминова, Розен уполномочил его как человека, отлично знающего личный состав, всю братья за дело.

Те самые фанатики, которые так волновали Ермолова, теперь обрели имя. Это были мюриды, мусульмане-суниты. Не шииты, как персы, они не воевали с Аббасом Мирзой против русских. Они представляли собой возрожденное древнее братство Накшибандие. У них было два предводителя: учитель священник Гази Мулла и его помощник, который, по свидетельству всех донесений, умел неплохо возбуждать воинственный дух у своих приспешников - аварец Шамиль.

Вельяминов по-прежнему оставался наплаву. Чтобы не утонуть, он всегда был готов ответить на любой вопрос начальства.

Когда барон Розен спросил его пытливо, почему, мол, очевидные преимущества от торговли с Россией и насаждаемая пропаганда не сблизили чеченские и дагестанские племена с Россией, как это произошло с некоторыми кабардинскими кланами, Вельяминов не полез за словом з карман. «Горцам почти нечего продавать, и у них нет денег», - ответил он с ухмылкой.

Не удивительно. Русские войска, ободренные последними успехами, яростно лезли вперед на скалистые безжизненные горы, поэтому Вельяминов дивился безумию тех, кто был готов умереть в борьбе.

Тем не менее, повстанцы неприятно удивили его, собрав среди лезгин и чеченцев значительную армию, которая напала на крепость в Кизляре на Тереке, а вскоре после этого атаковали укрепление в Назрани.

Это было уже опасно близко от Владикавказа. И вот теперь снова Вельяминов и его командир барон Розен щедро крестили Чечню огнем и мечом и собирались подобраться к самому логову предводителей мюридов - Гимри в Аварии. Говорили, что там находится дом, где вырос Шамиль, там он подростком был близок с Гази Муллой, боготворил его, своего учителя, наставника, кровного брата.

Вельяминов записал в дневнике о летних успехах своей армии: «Подчинено 80 деревень, полностью уничтожено 61. Потери русских: убиты - 1 офицер, 16 солдат; ранено 18 офицеров, 333 солдата...»

* * * * *

Зима на этот раз наступила рано. Пастбища опустели: по узким долинам Аравии распространилась молва, что русские, устроив кровопролитие в Чечне, намерены учинить тут не менее кровавую расправу. На лозах висели замерзшие гроздья винограда. Овощи на полях не были убраны, тут и там виднелись почерневшие от мороза плоды.

Войска Вельяминова быстрым маршем двигались вперед, покидая плодородные земли и забираясь все выше в горы. Путь на Гимри пролегал через одно из особенно узких ущелий: иногда дорога сужалась до такой степени, что по ней едва мог пройти человек, не говоря уже о лошади с поклажей. Уже не попадались островки зелени, со всех сторон

громоздились отвесные известняковые стены. Где-то очень высоко вырисовывались неясные, будто размазанные серые очертания пиков восточной Кавказской гряды: там постоянно бушевали снежные ураганы. Тринадцать верст извилистой предательской дороги, где за каждым поворотом может таиться засада.

Был и другой путь - козья тропа высоко в горах, которая сверху спускалась к Гимри.
- Собака там пройдет? - безапелляционно спросил Вельяминов. - Ну и довольно! Где собака пройдет, пройдет и русский солдат.

Он приказал, чтобы половину войска отправили по этой тропе. Послали вперед саперов, чтобы они расширили дорогу кирками и взрывными зарядами. Остальные продолжали путь на Гимри по нижнему ярусу, продвигаясь довольно медленно.

Из повозок со снаряжением достали веревочные лестницы, по которым солдатам надлежало карабкаться вверх, на тропу.

Откуда ни возьмись появились два старика-аварца и принялись с любопытством наблюдать эту безумную сцену. Будто забыв об опасности, эти пастухи успокаивали лошадей, поглаживая их по голове, и величественно взирали на солдат, снующих туда-сюда. Вельяминов как раз проезжал мимо, когда один из них произнес отрывисто на своем горном языке:

- Надеешься обрушиться на Гимри, как ливень из тучи, генерал?

Вельяминов дернул тонким носом, обернулся к помощнику, ожидая перевода. Узнав смысл этой язвительной фразы, ответил наставительно, как школьный учитель:

- Ха! Почему ливень? Обрушусь как камнепад, как град, как лавина, с грохотом сходящая вниз по горному склону. Ты еще не понял этого, старик?

Основную часть тяжелой артиллерии оставили внизу, со второй колонной. Наверх потащили лишь горные пушки и легкие мортиры. Этого должно было вполне хватить.

Через неделю русские добрались до места и остановились на склоне горы, чтобы подготовиться к решительной атаке. Здесь они были в относительной недосыгаемости для выстрелов мюридов.

Несколько шальных пуль срикошетило о скалы недалеко от Вельяминова, когда он наблюдал за работой саперов в подзорную трубу. Ранило одного из офицеров, стоявших рядом, и тот упал, задев Вельяминова рукой.

- Господа, падайте как-нибудь поаккуратней, - пробормотал командующий.

Над Гимри мюриды возвели тройную оборонительную стену, прикрывающую проход в ущелье. Она была сложена сухой кладкой, во внешней стене виднелись две сакли - дозорные посты. На краю каждой стены имелись брустверы, ошетилившиеся тускло поблескивающими стволами винтовок защитников крепости. С обоих концов зияли бойницы. Рано утром Вельяминов начал штурм левого фланга стены, намереваясь захватить этот участок и пробить стену, что позволило бы основным силам под командованием барона Розена двинуться вперед. Первая попытка провалилась, однако удалось оттеснить значительную часть защитников левого фланга.

Между тем вторая колонна с тяжелой артиллерией двигалась по нижней дороге в сторону Эрпийского тракта, собираясь предпринять двойной охват. Когда отряд мюридов не смог более сдерживать натиск русских на этом подступе к Гимри и позволил колонне с пушками выйти этот рубеж, Вельяминов понял, что ход событий меняется.

Вторая попытка прорыва тройной стены полностью удалась. Русские солдаты побежали вперед - сначала гуськом, а затем выстраиваясь в шеренгу. Нападающие ворвались на линию обороны и опрокинули мюридов. Тем было некуда деться: либо вперед на пули и штыки гяуров, либо в сторону - прыгать с крутого утеса, возвышающегося над деревней Гимри. Мюриды не хотели ни бессмысленно метаться меж пробитых стен; ни сдаваться на милость победителя. Они бросались на штыки или бились врукопашную, пока их не отбрасывали к утесу, разрубая буквально на куски.

По подсчетам Вельяминова, в крепости сражалось не более пятисот человек против его пяти тысяч.

Подразделения Розена бросились вперед и захватили редуты. Будучи полностью уверенным в падении Гимри, Розен велел своим людям разбивать лагерь для ночлега. Сражаться было уже не с кем. Среди разбитых стен крепости Гази Муллы гяуры победно водрузили свои штандарты.

Сам Вельяминов с командой саперов и несколькими отрядами, включая пару артиллеристов, находился немного позади группы Розена, и перед ним стояла еще одна задача. Несмотря на то, что битва шла далеко впереди, оставшиеся в живых мюриды, те, что находились в дозорных будках на внешних стенах крепости, продолжали поливать русских огнем. Им, казалось, было безразлично, что бой уже проигран.

- Сколько там мюридов засело, как думаешь? - спросил Вельяминов у разведчика.

- Думаю, около шестидесяти, господин генерал.

- Приказываю выбить их оттуда.

Последовало несколько артиллерийских залпов. Дозорные сооружения запылали и вот-вот готовы были рухнуть. Оттуда выскочило около пятидесяти мюридов. Последние воины размахивали саблями, палили из ружей - они готовы были драться до конца. Все отважно бросались вперед, презирая смертельную опасность, и каждый следующий казался еще бесстрашнее. Многим удавалось застрелить или зарубить кого-нибудь из солдат Вельяминова, прежде чем смерть настигла их.

В живых уже почти никого не осталось. В горящем деревянном дверном проеме появился и замер один человек. Вельяминов пытался угадать его намерения. Это был человек огромного роста, по-видимому сильный, хотя не очень мощного телосложения. Он медлил, но не из страха, а будто специально давая солдатам возможность прицелиться хорошенько, нарочно приковывал к себе внимание. Вельяминов присмотрелся хорошенько: этот человек был само олицетворение мюридизма, воплощенный дух бунтарства, дьявол во плоти... Солдаты прицелились.

В одном мощном прыжке мюрид поднялся в воздух, перелетев через головы стоящих перед ним солдат. Вращая саблей в левой руке, он в полете зарубил трех человек, но четвертый всадил штык ему в грудь.

Но и это не остановило мюрида. В его поведении было что-то нечеловеческое, дьявольское, непостижимое уму: правой рукой он схватился за штык и толкнул солдата вперед, чтобы зарубить его одним ударом сабли. Затем обеими руками он вытащил лезвие из собственной груди и откинул винтовку. Потом вновь собрался с силами и со-, вершил еще один прыжок, перелетев через разрушенные стены редута - и исчез в сгущающейся мгле.

Вельяминов был потрясен. Эти горные твердыни порождают какие-то фантастические создания невероятной силы. Люди были ошеломлены, увиденное поколебало их уверенность в полной победе. С удвоенной энергией солдаты принялись палить направо и налево, но было уже некого убивать.

- Прекратить огонь, - бодро приказал Вельяминов. - Мы соединимся с основными силами и устроимся здесь на ночлег. Дело сделано.

Заснули быстро, но сон этот был тяжелым: в мозгу роились кошмары один ужаснее другого.

Еще до рассвета где-то совсем близко раздались истошные вопли. Беспорядочная толпа стариков пробиралась меж тел убитых мюридов, рассеянных на горном кряже над Гимри. Двое или трое из них остановились у дверей сакли, где был дозорный пост, и упали на колени, биясь головой о землю и неустанно молясь.

Вельяминов услышал шум и подошел посмотреть, что происходит, благо это было совсем близко от лагеря. Среди павших был один крупный, красивый мужчина. Он был весь покрыт запекшейся кровью, поэтому его тело казалось бурым. Умирая, мюрид пал на колени в позу молящегося мусульманина, но по каким-то неведомым и страшным причинам он так и застыл в смертельном оцепенении: одна рука сжимает залитую кровью бороду, вторая поднята вверх с перстом указующим на небеса.

- Боже правый, да это же глава всех мюридов сам Гази Мулла, - вырвалось у Вельяминова.

Он готов был лопнуть от радости и гордости за успех операции. Еще бы, ведь смерть имама, главы братства Тарикат, была равносильна тому, что из живого, дышащего тела вырвали сердце!

- Уведомите барона Розена, - проговорил он гордо, - что теперь он может заходить в Гимри без единого выстрела.

Генерал Вельяминов уже предвкушал, как напишет в депешах, а потом и в своих дневниках историческую фразу о том, что мюридизм окончился и Дагестан навсегда покорен имперской Россией.

* * * * *

Аслан Гирей оказал помощь раненому кровному брату имама. Он укрылся в лесу ниже Гимри и там попал в окружение вместе с Хамзат Бекком, одним из предводителей мюридов, которому надлежало занять позицию на Эрпилийском тракте и держать оборону против второй колонны русской войск, оснащенной тяжелой артиллерией. Когда наступила ночь и густой туман окутал горы, горстке мюридов удалось бежать.

Среди них был Аслан Гирей. Однако он повредил ногу и упал. Боль была так сильна, что он потерял сознание. Когда он пришел в себя кругом был лишь густой туман, да слышался какой-то шорох в темноте. Это оказались те самые двое старых пастухов, что наблюдали за русскими солдатами, когда те карабкались на козью тропку к Гимри. Они волокли по земле, подхватив под руки, умирающего Шамиля.

Аслан Гирей знал Шамиля со времен его хаджа. От боли и горя он не мог говорить, а просто стал помогать старцам тащить мюрида, своего предводителя.

Аслан Гирей не сомневался, что это именно тот человек, которому он готов был отдать всего себя. Хамзат Бек бежал, на него так повлияло падение Гимри, что он просто испугался. На все воля Аллаха, и, быть может, Шамилю уже не суждено вести мюридов к победе над неверными с их пушками, ненасытной жадой чужих земель, полным равнодушием к судьбе других народов.

Шамиль был тяжело ранен. У него было сломано два или три ребра, тело налилось свинцовой опухолью, а из груди при каждом шаге бил фонтанчик алой крови - саблей или штыком ему заделали легкое.

- Унтскул... - пробормотал он.

- Мы отнесем тебя туда, учитель, - сказал Аслан Гирей, целуя Шамиля в щеки, чтобы вдохнуть в него собственную жажду жизни.

В те моменты, когда боль становилась столь невыносимой, что Шамиль не мог сдерживать стоны, они прятались в кустах, стараясь зажать ему рот, чтобы русский патруль случайно не обнаружил их. Дело двигалось медленно. Когда, страх и лихорадка одолевали его особенно сильно, Аслан старался держаться поближе к человеку, которого он считал светочем всего сущего на земле. Он был избранником Аллаха и Гази Муллы, слуги божьего, друга его детства, он был призван стать его преемником.

Через три дня они добрались до горного убежища Унтекул, которое являло собой жалкую кучку саклей - пастушьих хижин. Здешние старики знали Шамиля еще мальчишкой, когда он вольно бродил по горам. Аслан так и не понял, каким образом им это удалось, однако когда он тоже заснул, пытаясь справиться с мучившей его болью, эти люди послали весть Фатимат, жене Шамиля, призывая ее прийти ухаживать за мужем, и ее отцу Абдулу Азизу, с просьбой заняться его ранами. Абдул Азиз был искуснейшим лекарем, он познал целебную силу снадобий и принялся лечить зятя горными травами, припарками из меда и воска. Шли недели, жизнь Шамиля висела на волоске. По подсчетам Аслана прошло двадцать пять дней.

Однажды, когда Шамиль, кажется уже миновал критический рубеж, приехала его сестра и рассказала, что Гимри захвачена русскими, а Хамзат Бека выбрали имамом всех мюридов, то есть мюршидом, правителем.

- Посмотри, что я привезла тебе, брат, - проговорила она, и из ее глаз потекли слезы: так горестно ей было видеть поверженного великана, беспомощно лежащего на одре. Она разложила перед ним остатки своих семейных сокровищ - все, что ей удалось захватить с собой из осажденного аула до того, как мужчины начали вывозить оттуда женщин и детей, чтобы избавить от опасности.

Шамиль закрыл глаза. Кашель раздирал внутренности. Он выплюнул сгусток крови. На лице сестры отразился ужас.

- Уходи., немедля., - прохрипел он.

Она поспешно собрала ожерелья, браслеты, головные украшения, завернула все это в кусок материи и выбежала из дома.

Аслан знал, почему он так поступил. Мать посвятила его в народные суеверия и приметы. Драгоценности иногда могут оказывать дурное действие на больного. Некоторые камни обладают собственной большой силой - аметисты, рубины, опалы.

- Продай их, - прошептал он вслед убитой горем женщине. - Шамиль Дагестанский должен собрать царскую казну, прежде чем с ним будет покончено.

* * * * *

Имам, сын Казбека, наслаждался заслуженным отдыхом. Он ловил рыбу в Тереке под тенистыми ивами. Рядом сидел его двоюродный брат Хамид, старший сын Анвара, мальчик двенадцати лет, веселый и доброжелательный. Совсем недавно он вернулся домой от аталика.

- Продолжай. Что было дальше? - спросил мальчик.

- Говорят, что он просто исчез. Никто вроде и не знает, куда он подался, но я совершенно уверен, что жив. Дедушка тоже так думает.

- Но ведь гяуры захватили их, верно?

- Не знаю. Никто особенно не расположен распространяться о происходящем.

Аталики часто рассказывали Хамиду легенды о знаменитых мюридах. Он посмотрел на бескрайне широкий Терек и вздохнул: - Представь себе... Я не думаю, что смогу прыгнуть так высоко. А ты?

Имам рассмеялся и потрепал мальчика по голове:

- Зависит от обстоятельств. Если б двенадцать казаков стреляли в меня, может, и смог бы!

Хамид вскочил на ноги и подпрыгнул на месте, целясь в голову Имама. Однако Имам был не по годам крупным подростком и рядом с Хамидом высился, словно гора Эльбрус. Хамид смог достать ногой только до пояса своего воображаемого противника. Хамид души не чаял в своем могучем брате и всегда поверял ему самое сокровенное. Он знал всего несколько человек, таких же сильных и смелых, как Имам, но которые никогда не давали ему почувствовать, что он моложе и слабее. Всего несколько - и Имам был лучшим среди них.

- Не волнуйся, Хамид. Настоящий кабардинский воин никогда не расстанется с конем... мы не горцы, а иногда жаль.

- Почему же, сынок?

Мальчики подняли голову и увидели Казбека, спускающегося к берегу реки.

- Тхамата, я просто рассказываю Хамиду про Дагестанского Льва... ну знаешь, эту историю о том, как Шамиль спасся из Гимри, покинув ее последним - и живым...

Лицо Казбека омрачилось. Даже здесь, у реки, вспыхивали искры старинного спора.

- Ах, та самая история! - весело сказал он, делая вид, что не видит здесь ничего особенного.

- Дедушка говорит, что он жив. Ты так же думаешь, Тхамада? - Хамид поднял на него свою пыльную мальчишескую мордочку.

- Сомневаюсь. Вообще, неизвестно, правда ли все это...

Парни переглянулись. Казбеку не хотелось сбивать их с толку:

- Ладно. Дай-ка мне свою удочку, Хамид, я заброшу ее для тебя. Садись рядом со мной.

Польщенный Хамид сидел рядом с дядей, смущенно помалкивая.

- Думаю, у вас обоих есть занятия получше, чем слухи, - мягко проговорил Казбек. - Вы, конечно же, знаете, что умный никогда не тешит себя глупостями. Это только делает человека слабым.

Казбек был терпелив, как и всякий, кто с большим трудом научился обуздывать свои чувства и выполнять возложенные обязанности. Когда Казбек говорил, он внезапно почувствовал, как сильно стал походить на собственного отца. В его голосе звучал холодный поучающий тон пожившего человека. Пожившего... Неужто он уже так стар? Казбеку стало грустно от того, что судьба не испытала его так, как он надеялся... Вот на долю отца с лихвой выпало приключений! Старого Ахмета вдохновлял когда-то шейх Мансур, вел его в бой на Кизляр.

Да, старый Ахмет повидал славные битвы. Шамиль и Гази Мулла тоже ходили на Кизляр. Аслан Гирей, без сомнения, один из самых выдающихся воинов. А сыновья живут осторожнее и благополучнее его.

Где же оно, счастье? Он ведь так ненавидит кровопролитие. Казбек посмотрел на мальчишек, которые еще не догадываются, каким ужасом может обернуться сопротивление гяурам. Его должно наполнять законное ощущение того, что он достиг чего-то, но этого вовсе нет.

И вдруг Казбек понял, что нужно сделать, чтобы изменить порядок вещей. Мальчишки уже подросли, коневодческое хозяйство процветает. Поэтому он может отправиться в путешествие: по совету Аслан Гирея он поедет набираться мудрости. Пришло время пересмотреть эти понятия: война, судьба, долг. Должен же, наконец, воцариться покой в душе.

Нужно без колебаний принимать свой жребий: кабардинцы живут слишком близко от России, сопротивление бесполезно. Он хорошо понимал это.

Он выполнит свой долг, совершит паломничество в Мекку. Чтобы не волновать отца, он скажет старому Ахмету, что намерен купить добрых лошадей в Аравии. Старику будет приятно думать, что отъезд сына пойдет на пользу его конному заводу. Это придаст ему силы...

Кроме того, это паломничество Ахмет расценит как достойный венец жизни знатного кабардинца. Для семьи не может быть чести больше, чем иметь родственника, совершившего хадж.

- Хотите раскрою вам один секрет, парни? - сказал он вдруг веселым, потеплевшим голосом.

- А что за секрет, отец? - живые серые глаза Имама нетерпеливо блеснули. Отец был для него загадочным человеком, гораздо уютнее он чувствовал себя в обществе дедушки Ахмета.

- Шамиль жив. От надежных людей я знаю, что он станет следующим имамом мюридского братства Тарикат, Неважно, что русские назначили править в Аварии какого-то мелкого хана: это лишь подставное лицо. Настоящим главой скоро станет Шамиль. И вот тогда услышите немало историй. Обещаю. Он будет править от Дербента до Дарьяльского ущелья. Еще бы: уже все чеченцы на его стороне... Он вводит строгую дисциплину. Это как раз то, что им нужно...

Имам никак не мог понять, почему его отец говорит все это с такой страстью и гордостью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Имам еще раз окинул взглядом конюшни и пошел следом за своей семьей на площадь деревни Хапца. В конюшнях царил безупречный порядок: лошади любовно ухожены, стойла чисто вычищены, упряжь надраена и аккуратно развешана на стенах. В открытом загоне резвились на солнышке пятнадцать чудесных жеребят: в начале весны они с дядей Анваром позаботились, чтобы малыши благополучно появились на свет.

Имам надеялся, что отцу будет приятно увидеть, как процветало хозяйство во время его отъезда. Он отсутствовал более года, а это нешуточный срок для сына, которому всего восемнадцать. Это время стало для Имама, как он сам думал, чрезвычайно важным периодом. Он очень гордился своей независимостью и сам чувствовал, как быстро повзрослел, когда получил больше и свободы, и ответственности за свои поступки. Однако истинным свидетельством его взрослости будет поведение Казбека с ним. Имам не рассчитывал, что с ним станут обращаться, как с равным - отец заслужил особого уважения как старший, а теперь еще и хаджи. Однако паломничество в Мекку предпринимает обычно человек, который готовится передать бразды правления своим хозяйством, которому посвятил жизнь, в другие руки. Как сын и наследник, Имам хотел оказаться достойным этого дара.

Направляясь на площадь, Имам прошел за постройками, предназначенными для женщин. Он помнил, что когда был еще совсем ребенком, усадьба казалась ему такой огромной... Это был целый мир, который невозможно пройти из одного конца в другой. Ограда усадьбы казалась границей вселенной... Он рос, и размеры хозяйства как бы сжимались, съеживались, зато Имам стал все больше сознавать значение конного завода, основанного когда-то дедушкой.

Дедушка приехал сюда чужестранцем, усердно трудился, чтобы создать все это на пустом месте. Когда-то у Ахмета с Кубани был лишь один домик, две лачужки для слуг, да старый амбар. Ныне семья Казбека жила в просторном доме, выстроенном из камня и бревен, а Ахмет с Цемой обитали во втором доме, выходящем окнами на Терек. Кроме того, во дворе находилось бесчисленное количество хозяйственных построек и стойла для лошадей. Дядя Имама Анвар имел отдельный дом, который был полной чашей благодаря неустанным заботам его доброй, энергичной жены Закии. Всего же в этом неугомонном семействе насчитывалось пять человек.

Но Нурсан... На протяжении многих лет до отъезда Казбека она считала, что в их доме трудно находиться. Она часто уединялась, общалась только со слугами, отдавая им распоряжения. Всегда была какой-то нервной. Казбек старался постоянно находить себе разные дела: ездил продавать лошадей или навещался к другим коневодам. Нурсан любила Казбека столь самоотверженно, что время, проведенное в разлуке с мужем, для нее словно не существовало. Ничто не могло затушить в ней это сильное чувство, и лишь ревнивая страсть к сыну составляла некоторое исключение. Когда пришла пора отправлять Имама к аталику, противоречия между родителями стали уже очевидны всем. Имам был у Нурсан единственным ребенком. Она не могла смириться с мыслью, что он исчезнет с ее глаз. Казбек же хотел, чтобы Имам получил необходимую свободу и стал воином в лучших кабардинских традициях. По этому поводу они вели с Нурсан долгие мучительные споры. Это плохо отражалось на ее здоровье, и, в конце концов, вмешался дед Ахмет.

- Пусть парень поживет у меня, - заявил он. Цема тоже всегда возражала против отправки сыновей из дома в этом возрасте, но их у нее было трое, поэтому я настоял. Но с Нурсан совсем другое дело...

Казбек был очень зол.

- Дело другое, - резко ответил он, - но это не значит, что мой сын должен лишиться возможности получить надлежащее воспитание. Он не познает Намис, не познав своих слабостей.

- Тем более имеет смысл оставить его у меня. Я смогу обучить его лучше любого аталика, - гордо объявил Ахмет. - Мальчик прекрасно, обращается с лошадьми.

Имаму хорошо запомнилось, какой гордостью за самого себя наполнилось его сердце, когда дедушка Ахмет посадил его на плечи и отнес к домику у Терека. С того момента его страсть к лошадям была полностью удовлетворена, а самые близкие отношения с бабушкой и бабушкой стали неизменны.

Он знал, что отец всегда хотел иметь больше детей, но они так и не появились. Имам и сам был бы не прочь обзавестись братьями и сестрами, но, с другой стороны, и лошадей вполне хватало для счастья.

Без Имама трещина в отношениях между родителями становилась все шире. Как ни сильно Казбек любил Нурсан, чувство горечи и разочарования продолжало грызть его душу и постепенно разрушило близость между супругами. Когда Имам вернулся домой, чтобы занять свое место подле отца, Нурсан проводила большую часть времени в затворничестве в своих комнатах и редко показывалась на людях.

Имам облокотился на стену дома, где жила мать, в нем теплилась надежда, что она еще образумится и устроит отцу горячий прием. Как обычно, ставни были плотно закрыты. Маленький садик у дома был тщательно ухоженным, кругом царил дух строгости и порядка. Имам безотчетно одернул на себе черкеску, готовясь к серьезному разговору и надеясь встретить понимание матери...

Он постучал осторожно. Шелест юбок где-то в недрах темного и прохладного помещения свидетельствовал о том, что служанка отправилась звать хозяйку. Нурсан появилась через несколько мгновений, однако старалась держаться подальше от солнечных лучей, бьющих через дверной проем. Имам улыбнулся:

- Можно войти, мама?

- Конечно, Имам. Поцелуй меня... Ты очень взволнован?

- Очень. О, да. Очень...

Годы ничуть не отразились на изысканной красоте Нурсан. Добровольное заточение лишь оттенило очаровательные черты ее лица и хрупкость телосложения. Она полностью укуталась в белую муслиновую шаль, вся такая тонкая, бледная, отрешенная. Она создала для себя замкнутый, закрытый мир, куда просачивалось мало известий из внешнего мира, которые могли бы вывести ее из душевного равновесия. Некоторые из женщин Хапча считали ее эгоисткой, однако Имам и Казбек знали, что благополучие Нурсан поддерживалось лишь благодаря этому уединенному образу жизни.

- Конечно взволнован, мама... Ты не против прогуляться чуть-чуть со мной до ворот? Отцу будет приятно, если ты придешь туда и встретишь его, поприветствуешь у родного порога.

Нурсан покачала головой:

- Будет лучше, если сельчане первыми поприветствуют его. Пусть все поют, танцуют и радуются, не заботясь о моей персоне. Твой отец прекрасно знает, что я сижу здесь и жду его. Когда он посчитает нужным, придет сюда и будет со мной. Ты знаешь, сколько я молилась за его благополучное возвращение, и я просто счастлива, что он вернулся домой.

- Что ж, если ты так считаешь..., - Имам понял, что спорить бесполезно.

- Ты сегодня такой красивый, Имам. И черкеска на тебе так хороша. Цема сшила ее?

- Конечно же нет, мама. Ты же отлично знаешь, что это та, которую ты сама подарила мне прошлой осенью! - Имам был доволен: соперничество между мамой и бабушкой не затухало никогда на протяжении всей его жизни. Однако сегодня собственное тщеславие заставило его выбрать именно эту превосходную работу материнских рук - черкеску, украшенную серебряными галунами. Нурсан тоже была тщеславна, но это касалось лишь

ее мастерства. Имам ни за что не осмелился бы напоминать ей об этой слабости. Он подарил ей долгий поцелуй. В конце концов, он не остался в накладе...

- Ступай же. Сегодня будет много веселья, Имам, и много девушек будут кидать на тебя пылкие взоры. В этом наряде ты просто красавчик!

- Мама! Как будто в другое время я похож на шайтана!

Нурсан довольно рассмеялась и выскользнула из рук сына.

- Поспешу, а то опоздаешь, - проговорила она, быстро возвращаясь в свои прохладные покои. Имам слушал, как шелестели по соломенным циновкам ее маленькие башмачки, сделанные из оленьей кожи. Иногда ему казалось, что мать - не совсем реальное, какое-то полумифическое существо, постоянно ускользающее от него и остальных.

Когда Имам добрался до деревенской площади, он увидел молодого всадника, скачущего во весь опор в сторону неподвижно стоящей в ожидании толпы. Это был Руслан, один из младших сыновей Анвара.

- Имам, я видел их! Я видел твоего отца, он едет сюда. Я разговаривал с ним. Он будет здесь меньше, чем через час. Он ведет с собой много белых лошадей, таких маленьких чудных лошадей ты никогда не видел!

Руслан поскакал дальше, чтобы сообщить новость своему отцу. Имам поспешил к деду сказать, чтобы не торопился, что еще есть немного времени для приготовлений. Эти старики всегда суетятся.

Ахмет лежал дома в хорошем настроении. Ему нравилась воцарившаяся вокруг тишина: работы этим утром было совсем немного, так как всё были заняты подготовкой к встрече возвращающегося домой Казбека. Ни возгласов пшитл, ни хрипловатого смеха мальчишек...

Имам тихо вошел внутрь.

- Дада, мой отец подъезжает к дому, Руслан видел его всего в паре верст отсюда.

Ахмет с усилием поднялся:

- Так, так... Прекрасно. Сейчас я присоединюсь к вам. Скажи бабушке, чтобы пришла и помогла мне одеться... Подожди! Дай хоть посмотреть на тебя!

Имам вспыхнул от гордости и постарался принять мужественную осанку. Он обладал внешностью настоящего кабардинского уорка: высокий, стройный, с голубыми глазами, с густыми, черными, как смоль, волосами. Ахмет кивнул одобрительно:

- Дедушка гордится таким внуком.

В комнату вбежала Цема и обняла Имама:

- Я слышала, слышала...

- Бабушка, помоги даде, а я пойду к воротам, Имам поспешил прочь, чмокнув Цему на ходу.

Она достала черкеску, предназначенную для мужа. Ахмет побрякивая поднимался с постели, с хрустом разминая суставы.

- Наш сын - хаджи! - воскликнула Цема. - Представь себе! - Она энергично встряхнула черкеску, затем приготовилась надеть ее на Ахмета.

- Знаешь, тебе надо было ехать с ним. Ты бы справился - такой молодой и сильный.

Ахмет поднялся и посмотрел в прекрасные серые очи Цемы, и в его памяти всплыла их первая встреча. Цема расправляла ему ворот с такой же нежностью, как и тогда, много лет назад, когда он отчаянно влюбился в нее. Его чувства к жене ничуть не изменились с тех пор - это и было счастье.

- Ты, может быть, мечтаешь, чтоб я превратился в сильного молодого мужчину, - проворчал Ахмет, - но, увы, я стар. И ты тоже! Такое путешествие вогнало бы меня в гроб. Кроме того, заметь, сколько его не было дома - больше года.

- У него были на то свои причины..., - спокойно проговорила Цема. - Жизнь у Казбека текла не гладко: во многом нужно было раскаться, вычерпать из себя ушаты горечи и злобы. Это паломничество было нужно ему, чтобы примириться со своим прошлым.

Наверное, непривычно будет видеть, что деятельный активный Казбек превратился в человека, устремленного лишь к вершинам духа.

- Интересно, привез ли он аравийцев, как мы условились...

Цема заметила, что он ни на секунду не забывает о практическом интересе, и искренне упрекнула мужа за это:

- Ты и лошади! Могу поклясться, что ты и в Мекку хотел бы попасть только ради них!

Цема сердито всунула руки Ахмета в рукава его лучшей черкески:

- Повернись-ка, я застегну тут. Мне все равно, что он привез с собой. Он добрался до дома - и это главное.

Ахмет улыбнулся, наблюдая как Цема проворно метнулась к сундуку и принялась доставать оттуда его оружие, до блеска начищенное по такому поводу. Цема была столь подтянута и энергична, что в пору женщине вдвое моложе ее. Она была все также сообразительна и остра на язык. Не иначе как милостью Аллаха можно объяснить то, что он, Ахмет с Кубани награжден в этой жизни не только долголетием, но и исполнением всех мечтаний.

Между тем сельчане собрались на площади перед домом князя Хапца и вглядывались куда-то вдаль, где уже показался хаджи и его окружение. Впереди ехал Казбек, крепкий мужчина лет пятидесяти с серебристо-седой бородой и статной осанкой. Он ехал на замечательном арабском жеребце и держал в руке длинный повод, к которому друг за другом были привязаны шесть белых арабских кобылиц. Они двигались чередой, будто пленные белые призраки. Картина была впечатляющей. Лошади важно шествовали по заливному лугу, потрясая густыми гривами. Заключал же процессию конюх-турок, который иногда нахлестывал двух тяжело груженных мулов, семенивших сзади гораздо менее грациозно.

Ахмет вышел вперед, тяжело опираясь на клюку. Правой рукой он крепко держался за плечо Имама, но вовсе не дряхлостью объяснялся этот жест, а скорее стремлением сдерживать растущую радость и гордость за старшего сына, хаджи, облаченного в белые одежды, ведущего в поводу таких чудесных лошадей. Ему трудно было даже поверить во все, что он видел перед собой - наглядное воплощение всех заветных желаний.

Будто в ответ на сильные чувства отца, Казбек отдал поводья конюху и поскакал прямо к Ахмету. Он спешил, собираясь поцеловать отца руку, однако Ахмет словно забыл о кабардинской сдержанности и попросту обнял Казбека на виду у всех.

- Добро пожаловать домой, сын! Добро пожаловать, хаджи Казбек. Наконец-то ты дома!

Казбек молча обнял отца, тронутый этим сильным и свободным проявлением чувств старика. Так долго ждал он этого момента... Ахмет указал на толпу и кашлянул, чтобы прочистить горло:

- Наши друзья требовали, чтобы тебя принимали именно так, сынок...

Казбек справился с голосом:

- Спасибо, отец, что оказал мне такую честь... и я с радостью вижу, что ты в добром здравии!

Когда они здоровались, Имам держался сзади.

Он тоже, едва верил своим глазам, видя, как дед обнимает отца. Ни разу за все годы учебы Ахмет не проявлял так явно любовь к внуку. На мгновение радость охватила Имама, однако это чувство прошло, как только он увидел, что твердый взгляд отца скользит по толпе в поисках его, единственного сына. Казбек шагнул вперед, однако случилось так, что рядом с Имамом стоял Тимур, сын Мурада, старого друга деда. Они обнялись, шепча друг другу какие-то теплые слова. Нервы у Имама натянулись, как струна...

Но вот, будто удивившись чему-то, Казбек отступил назад и выбросил вперед руку:

- Имам, я вижу пушок на твоем лице. Ты становишься мужчиной, хвала Аллаху...

Имам с трудом подавил подступившие слезы. Два начала боролись в нем: детское влекло уткнуться в широкую грудь отца, а взрослое наполняло его гордым желанием того, чтобы к нему относились как к взрослому, особенно при стариках...

- Спасибо, отец, - прошептал он. Кто-то в толпе достал старинную гармонику и заиграл любимую всеми мелодию кафа. Вся процессия медленно двинулась к дому Казбека. Сам он шел в центре, подстраиваясь под неспешный шаг Ахмета, отвечая на вопросы, сыплющиеся со всех сторон. Ребятишки танцевали вокруг мулов, дергая их за уши. Подростки постарше ехали или шли поближе к арабским кобылам, любуясь грациозными животными и сравнивая их со своими кабардинскими лошадками.

Князь с братом Мурадом ждали Казбека в его собственном доме. Волосы у Омара стали уже совсем белыми. Казбек отметил про себя, как сильно он стал походить на своего отца, покойного князя Хапца, причем сходство это состояло не столько во внешнем облике, сколько в степенности жестов и печати спокойной мудрости на лице.

- Мы рады, что ты снова дома, Казбек, - проговорил князь Омар таким знакомым мягким голосом. - Твои советы всегда были так ценны для меня - и вот я вновь могу пользоваться ими... Хвала Аллаху...

Мурад подошел к Ахмету и обнял его стареющее тело. Улыбнулся широко:

- Ну вот, Ахмет. Думал ли ты, въезжая впервые в это горное село, что придет такой день и мы увидим это? Ты можешь гордиться собой.

Ахмет просто кивнул и сжал руку друга. Откуда-то из глубин дома до Казбека доносилось пение женщин, завершающих подготовку к празднику, который начнется сразу же после заката. Слышалась музыка. К гармонисту присоединились другие музыканты, и они весело наигрывали популярную мелодию хашт.

-Ах! - вздохнул Казбек. Эта музыка напомнила ему юность. Обернувшись, он увидел, что деревенская молодежь уже кружится в танце...

Юноши образовали круг. К пожилому Ахмету застенчиво подошла какая-то удивительно красивая девушка, имени которой Казбек не знал, и величественно повела в центр этого круга. Во время странствий Казбек скучал по родным местам, по дыму домашнего очага, но только теперь он понял, чего ему не хватало больше всего: этих вот церемоний, основанных на древних традициях.

Впрочем, эта музыка напомнила ему о жене, о том, как они танцевали, когда были молоды и влюблены.

Он повернулся к Иمامу:

- Твоя мать... Она где-то здесь? Имам помотал головой:

- Нет, она ждет тебя у себя. Казбек задумался на секунду:

- Я зайду к ней позже. Нельзя проявлять неуважение к старикам...

Слуги увели конюха Казбека в другое здание, они сгорали от любопытства и нетерпения поскорее распаковать тюки да посмотреть, что за чудесные восточные товары и гостинцы привез домой хаджи. Сам турок вызывал не меньший интерес, смешанный с подозрительностью: особенно потрясли окружающих его кафтан с золотым шитьем и широченные синие шаровары. Большинство детишек знало немного татарских слов, и гость вскоре уже очаровал их рассказами о султанах, рабах и пиратских кораблях - обо всем, что ему довелось повидать...

Наконец Казбек покинул пирующих и отправился к дому, к Нурсан. Темнело. С грустью он отметил, что сердце начало биться сильнее при мысли, что сейчас он увидит жену. Вдали от дома Казбек надеялся, что навсегда уже избавился от этого чувства. Теперь он испугался, что старые распри, непонимание вспыхнут с новой силой.

- Входи, муж, - мягко проговорила Нурсан, отводя рукой занавес и пропуская его внутрь дома.

Она наяву была столь же прекрасна, как и тот образ, что запечатлелся в памяти. Сердце Казбека дрогнуло. То же лицо лунной богини. Неземная, ускользающая, ранимая. Он любил ее по-прежнему, так показалось ему. Однако потом, более внимательно рассмотрев Нурсан, бледную, сдержанную, замкнутую в себе, он с облегчением почувствовал в груди лишь жалость к этой женщине. Жалость, но не страсть.

- Спасибо, дорогая. Здоровы ли ты, Нурсан?
- Да, хвала Аллаху. А ты выглядишь замечательно! Путешествие влило в тебя новые силы...

- Признаюсь - да. Я еще должен многое, многое рассказать... Ты придешь на праздник сегодня, Нурсан? Мне будет очень неловко без тебя.

- О, а я должна сделать это? - ее глаза наполнились слезами.

- Да, - твердо ответил Казбек. - Мне уже сказали, что несколько семей специально привезут своих дочерей для встречи с Имамом. Ты должна исполнить свой долг...

Нурсан склонила голову:

- Но я уже столько раз обманывала твои ожидания, почему ты настаиваешь, чтобы сейчас я поступала по твоей воле?

- Потому, что это ради Имама. Мне было так радостно увидеть его. Как он изменился! Как вырос! Превратился в такого бравого парня! Аллах даст, он женится на молодой девушке - и у него будет большая семья!

- Я тоже хочу этого, муж, - вторила ему Нурсан с нотками раскаяния в голосе.

Казбеку не хотелось попадаться в ее хитро расставленную ловушку и выслушивать встречные обвинения. Следовало прекратить это.

- Все будет по воле Аллаха, - сказал он. - Знаешь, Нурсан, вдали от дома я много думал о наших разногласиях. Это было нелегко. Теперь я вижу, что все время ждал, что ты воплотишь мои мечты, а мечты слишком долго владели мною. Я не хочу, чтобы тоже самое произошло и с Имамом.

Нурсан спрятала лицо в ладонях и зарыдала.

Казбек обнял ее:

- Давай помиримся, жена. Я слишком стар, чтобы раздувать раздоры. Хорошего понемножку.

И вот чуть позже, к удивлению всех присутствующих селян Хапца, среди них появилась Нурсан, вся сверкающая в одежде золотого шитья. Вместе с остальными она стояла в ожидании, а затем вместе с другими женами и дочерьми участвовала в празднестве. Наливая Казбеку бахсиму, она на мгновение коснулась пальцами его руки с такой же нежностью, что и раньше, улыбнулась ему столь ослепительной улыбкой, что остальным пришлось даже отвести глаза.

Хаджи Казбек стал другим человеком. Имам тоже заметил, что отец какой-то непривычно умиротворенный. Возможно, от этого ему стало легче на душе, и он стал приглядываться к молодым девушкам, танцующим за кругом старцев. Только сейчас он задумался о личном счастье с надеждой - до сих пор любовные переживания казались ему загадочной и вообще пустой тратой времени и сил.

Ему на глаза попала девушка с красивыми волосами. Он знал ее имя, так как оно не сходило с уст окружающих молодых парней - она была центром всеобщего внимания. Сатани! Сатани! - слышалось со всех сторон. Причина была проста: каждый молодой Хапца надеялся встретиться с ней взглядом и получить в ответ скрытое, но безошибочное разрешение пригласить на танец. Однако никому из них Сатани не посылая этого едва уловимого сигнала глазами.

Имам робел действовать, как другие: становиться прямо напротив нее в решительной позе, метать на девушку смелые взоры. Он сел в сторонке, смущенный такой откровенной игрой надежд и желаний, которые еще совсем недавно оставляли его равнодушным.

Но вот она глянула на него. У Имама замерло сердце. По наивности он оглянулся вокруг, ища глазами какого-то другого молодца, кому мог быть послан этот разящий луч очарования. Но рядом никого не было. Имам зарделся и поднялся на ноги. Двоюродный брат Руслан подскочил к нему и яростно прошептал:

- Счастливчик! Ты ей понравился!

«Ну давай же, глупец, взгляни на нее снова!» - приказал себе Имам. Но шея его вдруг стала напряженной и непослушной, не давая поднять голову - ему казалось, что тысячи

глаз с осуждением смотрят на него. Боковым зрением он заметил, что родители девушки улыбаются и кивают в его сторону. Они подбадривают ее! О Боже!

Имам выпрямился и глянул в упор на Сатани. У нее была светлая кожа, изумительно изогнутые брови, прекрасная длинная шея, грациозные плечи и пышная грудь, которая вызвала в нем фантазии, повергшие его в смущение. Она улыбнулась, и Имам поднялся на ноги, словно влекомый неведомой силой.

Он вошел в круг танцующих и подошел к ней, приглашая ее на танец в традиционной изысканной манере. Сатани сдержанно кивнула и поплыла, словно лебедушка, по зеркальной поверхности воды.

Они оба безошибочно почувствовали, что означает эта встреча. Именно так черкесский юноша выбирает себе невесту - приглашая ее на танец в присутствии старших. Имам с гордостью осознал, что он сделал свой выбор именно в такой вечер - когда отец был готов благословить его, и когда мать нашла в себе силы дать ему душевную поддержку.

Они исполняли танец кафа, чувствуя, что присутствующие восхищаются ими - и тем, как красиво они танцуют, и тем, какая чудесная они пара.

Тимур наклонился к Ахмету и прошептал:

- Ансуко - уважаемый, знатный род. Это их старшая дочь, прекрасная девушка. Они великолепно подходят друг другу. К тому же, как я слышал, она очень умная и умелая, и вполне подготовлена к замужеству.

Ахмет посмотрел на него удивленно:

- О чем ты толкуешь, Тимур? Такие дела не решаются в один вечер, - отшутился он.

Мурад тоже заметил прекрасную пару. Он вытянул шею, чтобы получше разглядеть их.

- Так. Ну теперь-то Имам точно влюбился. Они великолепно смотрятся вместе. Отличная пара, правда, Ахмет?

Ахмет бросил суровый взгляд на внука, который действительно, весь светился от восторга.

- Не знаю, что и сказать... Для счастливого брака недостаточно просто понравиться друг другу...

Цема и Мурад обменялись ласковыми улыбками - произнося эту фразу, Ахмет взял руку жены в свою и крепко сжал ее, как бы подчеркивая смысл своих слов.

Казбек тоже все видел, и сердце его наполнилось радостью. Но ему не терпелось остаться наедине со своей семьей и поделиться новостями и рассказами о своем путешествии. Позже, когда наступило подходящее для этого время, он собрал всех - старых и малых - в главную комнату своего дома, чтобы раздать всем подарки.

Ахмету он привез из Аравии красивый молитвенный коврик. Для Цемы - платок из тончайшего шелкового газа, вышитый золотой нитью марокканским узором. Появлялись все новые и новые подарки, встречаемые возгласами восторга и изумления. Дамасская ткань для Нурсан, мотки золотых и серебряных нитей для ее вышивания, янтарные бусы для Закии, жены Анвара, красивый аравийский кинжал для самого Анвара, а для его сыновей - дамасские клинки, купленные у самых прославленных оружейников Медины. Наконец, Казбек достал глиняный кувшин со святой водой, известный под названием «зам-зам», и откупорил его. Собравшиеся мгновенно замолчали. Прежде всего Казбек предложил символ своего очищения отцу.

- Пей, Тхамата, - сказал Казбек, благословляя Ахмета.

Затем той же чести удостоились все по очереди, и каждый при этом прошептал свои сокровенные мысли Аллаху, Великому и Милосердному.

* * * * *

Через несколько месяцев после возвращения Казбека, после всех положенных в таких случаях переговоров, последовало другое радостное событие - свадьба Имама и

Сатани. Этот союз объединил две знатнейшие семьи джлахстней, и в этом крае вновь воцарилась надежда. Во время торжества ее символизировали игры «Да паа», знаменитые конные скачки, в которых участвовали все лучшие наездники Малой Кабарды. Скачки проходили в последний день свадебных празднеств.

Теперь Сатани, уже ставшая женщиной, цветущая, но все еще одетая в белый наряд невесты, стояла среди замужних женщин семьи Ахмета с Кубани - это были Цема, Нурсан, Закия. Все они уговаривали самую хорошенькую девушку из их клана - Катибу, младшую дочь Анвара вынести награду, которая должна была достаться победителю игр «Да паа». Утром Сатани помогала женщинам наряжать маленькое деревце, увешивая его лесными и грецкими орехами. Этот обычай существовал с незапамятных времен, может быть, его принесли на Кавказ крестоносцы.

Да, этот праздник по великолепию напоминал средневековые турниры: лошади были наряжены в самые великолепные сбруи, всадники щеголяли в вышитых серебром и золотом черкесках и каракулевых папахах, лихо заломленных особым образом.

Дочь Анвара Катиба, которой было всего четырнадцать лет, вышла из ворот усадьбы на игровое поле, неся приз «Да паа». Она застенчиво осмотрелась, отыскивая взглядом своего верного поклонника - сына Тимура Маджида, веселого шестнадцатилетнего парня. Давай, Катиба, - сказала с гордостью ее мать, - Выбери кого-нибудь и назови его имя. Маджид, Маджид, - произнесла Катиба тоненьким голоском, и всадник устремился к ней, чтобы взять у нее приз. Толпа отступила. Маджид одарил Катибу счастливой улыбкой и с гиканьем ускакал прочь.

Сатани засмеялась и обняла девочку, которая прыгала от восторга:

- Молодец, сестренка, ты выбрала отличного наездника!

Маджид мчался, размахивая «Да паа» над головой и бросая вызов остальным всадникам. Вскоре все было окутано облаком пыли, скрывшим участников игр от любопытных взоров. Юноши старались догнать Маджида и выхватить у него награду. Наездники соревновались всю вторую половину дня, разжигая друг друга возгласами и стремясь превзойти товарищей в смелости и мастерстве. «Да паа» кидали и ловили ловкими движениями, которые сопровождались хором восторженных криков и свистом. Успех в игре определялся смелостью и ловкостью всадников и выносливостью лошадей. Но для девушек Хапца смыслом соревнований было нечто большее. Их жизнь зависела от военного мастерства их мужчин. За веселыми соревнованиями «Да паа» стояла необходимость постоянно совершенствоваться в боевом искусстве и поддерживать боевой дух молодых воинов.

Со времени хиджират, когда тысячи кабардинцев переселились за Лабу, оставшиеся в Кабарде семьи смогли наладить здесь довольно привольную жизнь. Они заключали союзы с русскими. Зверства Ермолова не оставили ни у кого сомнений, что открытое неповиновение было бы для кабардинцев гибельным. Русские отдали должное их смирению. Велась кое-какая торговля, установился дух достойного, хоть и не особенно дружеского сосуществования. Однако всем, и особенно, старейшинам селений на Тереке было ясно, что такое положение не вечно. И пока оно было таково, следовало наслаждаться мирной жизнью.

* * * * *

Казбеку стоило только закрыть глаза, чтобы все его существо наполнилось покоем, идущим от сознания Бога внутри себя и Бога вовне. Человеческая сущность - лишь тонкая оболочка, разделяющая внутреннее и внешнее проявления Единого Начала. Ничто не имело значения, но вся прелесть была в том, что в то же время все имело значение. Таким мир легче было принять, и таким его семье было легче принять его самого, а ему - их.

Он часто сидел так, созерцая, словно творя молитву. Утреннее солнце, ворота, яркий белый цвет, крепкий забор, Имам, объезжающий роскошного белого арабского жеребца. Сатани, его жена, в облике которой уже заметны признаки новой жизни внутри нее, стоящая у окна и улыбающаяся. Все это было хорошо, и все это был Бог. Бог был во всем. И это знание давало ему ощущение покоя и безопасности.

Имам скакал быстро и ловко, поворачивая коня, резко меняя направление, кружась в замысловатых фигурах посреди загона. Лошадь и человек идеально слились в единое целое, хотя были вместе совсем недолго. Однако Имам еще не до конца доверял чутью жеребца. Казбек прервал свои размышления, на их место заступил опыт.

- Скачи-ка сюда, сынок, - позвал Казбек, - Он же гордый и умный. Не старайся подчинить его твоей воле. Ты все время... Ты причиняешь ему боль, потому что тянешь, дергая поводья слишком сильно...

Имам снова развернул коня, но уже осторожнее.

- У него такая крепкая шея! Если я не буду тянуть как следует, он поскачет туда, куда ему хочется! - воскликнул он.

- Нет, Имам, послушай меня, - сказал Казбек терпеливо, лоя коня за узду, как только Имам приблизился к ограде. - Именно у этого коня очень мягкий рот. Когда сильно тянешь, делаешь ему больно. В отличие от других он будет лишь продолжать упрямыться и ни за что не подчинится такому обращению. Видишь, он настроен против тебя из-за тебя самого...

Имам вновь попробовал справиться с конем.

- Полегче, полегче, - подсказывал Казбек. - Дай ему почувствовать повод. Чтобы не забывал, что ты держишь его в узде. Постоянно следи за ртом, но делай это осторожно. Вот так... сам увидишь...

Имам начал объезжать коня почти без усилий. Конь ходил по кругу, а Имам лишь едва направлял его, ослабив напор - и дело сразу пошло на лад. Потом он подъехал к ограде, надеясь получить одобрение отца.

- Так лучше? Когда бы мне попробовать его на быстроту? - нетерпеливо спросил Имам. - Хотел бы знать, может ли он обойти казачьих лошадей!

Казбек улыбнулся:

- Скоро, - пообещал он. - Сначала научись управлять им, заставь подчиняться... Уверю тебя, что это резвая лошадка. Он может быть очень быстроногим. Он лучших шамарских кровей, из семейства Фарханов в Аравии. Мне говорили, что его отец был быстрым, как ветер.

- Какой он породы, ты говоришь? - Имам был так пленен конем, что ему очень захотелось узнать о нем все, а не просто научиться хорошо управлять.

- Это чистый саглави. Она из пяти основных пород арабских скакунов. Большинство жеребят и кобыл, что я привез с собой, тоже саглави. Среди них, кажется лишь две кехилы...

Имам спешил и отдел повод Казбеку:

- Ну давай, отец, покажи себя, - сказал он и его глаза блеснули гордостью.

Казбеку понравилось, что в словах сына не было вызова. Он просил просто из уважения к нему, из азарта. Казбек сел верхом - и жеребец ожил, закружился, изогнулся, обнаруживая чутье и воспитание умного и сильного животного. Казбек казался великаном, сидя верхом.

Имам замер, скрестив руки на груди и улыбаясь во весь рот. Его отец был лучшим по всем статьям...

- Ты позволишь мне взять его на скачки в следующем месяце? Ну пожалуйста, отец. Он станет победителем. Он так прекрасен...

Казбек с удовольствием объезжал коня, пуская с его по кругу, а потом обратно. Делал он это с большим мастерством.

- Красота не в счет, если на нем нельзя победить. - Жеребец перемахнул через ограду, слегка задев Имама. - Начиная с завтрашнего дня, будем выезжать из дома и серьезно готовиться. Ты же понимаешь, что здесь задета репутация твоего дедушки - и все зависит от тебя! Имам был в восторге:

- Я знаю, и он будет гордиться мной, не тревожься. Казакам нечего противопоставить такому коню. Вот увидишь.

Казбек спрыгнул на землю, и один из конюхов повел драгоценного жеребца в конюшню, чтобы вычистить. К дому Имам шел вместе с Казбеком.

- Скажи, отец, как тебе удалось раздобыть этого аравийца? Должно быть, он стоил целое состояние...

- Нет Имам. Я не покупал его. Помнишь, я говорил тебе, что купил семь жеребят у Хеджаза. Ну вот, а на обратном пути меня пригласили посетить племя шейха Шамара...

- А где они живут? - прервал Имам, наострив уши. Он всегда старался узнать как можно больше об окружающем мире.

- На севере Аравии, - Казбек не одергивал Имама за излишнее любопытство, а, напротив, радовался, что сын охотно беседует с ним. - Это уважаемый, влиятельный народ. Живут, в основном, меж двух великих рек - Тигром и Евфратом.

- Итак, вы попали в гости к шейху...

- Да, на несколько дней. Ему понравились мои жеребята, и, естественно, когда радушному хозяину нравится то, чем владеет гость, хочется подарить ему это, сделать приятное. Я подарил ему одну молодую кобылку. Он был так тронут, что в ответ отдал мне своим лучшим жеребчиком. Такой вот чести я удостоился. Так что это конь не простой. Надеюсь, он даст хорошее потомство...

Имам на секунду перебил его:

- Дедушка рассказывал, что начало своему табуну он положил тоже скрестив местных кобыл с арабским жеребцом. И этого спарят с кабардинскими кобылами, да?

- Да, конечно. Но сначала я хочу посмотреть, чего он стоит сам по себе. Думаю, мы можем найти здесь, на Кавказе, немало охотников покупать именно эту, чисто арабскую породу.

Имам пожал плечами:

- Дедушка считает, что ты зря теряешь время, - чистосердечно признался он. - Он говорит, что чистые аравийцы слишком велики ростом и ни когда не придутся по вкусу кабардинцам или другим племенам. Здесь нужны только боевые лошади. Так он говорит!

Казбеку было приятно, что Имам старается иметь свое мнение, может свободно излагать свои взгляды и подвергать сомнению чужие. Он прогуливался по солнышку и обдумывал будущее своей семьи - ничто не могло омрачить этой радости жизни. Он дружески положил ладонь на широкую спину Имама и ощутил буквально физическое наслаждение, почувствовав крепкое, мускулистое тело Имама, своего сына, а, стало быть, - свою плоть и кровь...

- Я знаю, сын, о чем думает твой дедушка. Но и аравийцы - прекрасные боевые лошади. Они были специально выведены для этого. Эти кони крепки в ногах, быстры и красивы. Уж он-то, Тхамата, позже изменит свое мнение непременно.

* * * * *

Через несколько недель мужчины были готовы к скачкам в Терской долине. Они проводились ежегодно после сбора урожая, когда наступало время отдохнуть от трудов праведных и испробовать молодых жеребцов и кобылиц. День скачек был единственным днем в году, когда казаки пересекали реку и принимали участие в состязаниях с черкесами поселка Хапца. Эти скачки на деле выливались в настоящее, порой слишком серьезное

противоборство между кабардинской и казачьей молодежью. Однако, как говаривали старейшины Хапца, «лучше - раз в год на поле состязаний, чем весь год на поле брани».

Когда участники состязаний и зрители съехались в долину, тянувшуюся вдоль Терека, Казбек обратил внимание на то, что среди них было больше обычного казаков из соседних станиц. Они особенно заметно выделялись в толпе благодаря коротким красным кафтанам и ярким цветастым платкам их женщин, преимущественно алым и голубым.

Казаки были тоже по-своему умелыми наездниками и любили состязаться в скачках: им тоже хотелось разнообразить обыденное, унылое течение жизни, ибо большинство из них, как определил русский император, являлись военными поселенцами, которые были вынуждены завоевывать и осваивать новые земли, и, таким образом, кормиться с захваченного. Кабардинцам же было, по крайней мере, приятно побеждать своих врагов хотя бы в конном состязании. Такие как Анвар, Тимур и Джафар среди своих не скрывали открытой неприязни к казакам. Ахмет и Мурад считали своим долгом не допускать обострения и призывали окружающих к благоразумию. Казбек, естественно, поддерживал такую политику.

Они сидели среди стариков, ожидая, пока заполнится поле. Как обычно, зрители сидели под навесами, богато украшенными флажками и лентами: это привычное пышное зрелище символизировало и веселье этого события; ощущение безмятежности побуждало к благодушным разговорам, когда совсем уже не хочется вспоминать недоброе...

- По крайней мере, они держатся сами по себе, - спокойно Казбек сказал Анвару.

- Их всегда тянуло брататься, - ответил Анвар, - но наши женщины никогда..., - его голос задрожал, слова застряли в горле, он просто не мог произнести такое.

- Верно. Это привело бы лишь к раздорам, - пробормотал Казбек.

Анвар решил переключиться на более приятные темы. - Скажи-ка, брат, увидим мы сегодня твоего знаменитого аравийца или нет?

- Да, хаджи, - вступил в разговор Тимур, - многие очень разочаруются, если твой жеребец не обставит казаков. Почему его еще нет?

Казбек приободрился. Его отец всегда мечтал вывести новое поколение аравийцев, чтобы вновь скрестить их с кабардинскими лошадьми для улучшения породы. Старик не сомневался, что это была главная цель паломничества Казбека...

Казбек слышал легенду о породе шолах: арабский жеребец случайно покрыл кабардинскую кобылицу альп где-то в Прикаспии - и в результате появилась порода, называемая ныне шолах в честь владельца того коня, князя Толустана Шолаха. Он знал, что отец проделал то же самое со своей кобылой шолах и черным арабским жеребцом из Персии. Вновь и вновь это скрещивание приносило великолепные плоды. Теперь и у него была возможность снова улучшить кабардинскую породу благодаря этому замечательному жеребцу. Однако он также возлагал надежды и на чистую арабскую породу, собираясь уделить ей немало времени и сил. Многое зависело от превосходных качеств арабского жеребца.

Казбек указал на дальний конец поля, где было видно, как Имам, сидя на превосходном белом жеребце, специальными приемами готовил его. Конь выполнял разминку грациозно и величественно, совершая мощные прыжки. Аравиец смотрелся прекрасно: белая шкура блестела на солнце, длинная изогнутая шея напоминала лебединую, а напряженный хвост нервно подрагивал от возбуждения.

- Не ждите слишком многого, - кратко заметил Казбек. - Он еще новичок. Посмотрим, что Имам сможет сделать с ним на длинной дистанции.

Говоря все это, Казбек не сводил глаз с казаков. Несмотря на установившийся мир, всегда случались напряженные моменты, и опыт, накопленный Казбеком во время странствий, да и чутье подсказывали, что именно сейчас такой момент Может наступить. Он заслонил глаза от солнца наблюдая, как один из офицеров и еще пять человек выбрались из толпы казаков и, заключая между собой пари, подошли поближе к дорожке. Ясно, что этому офицеру хотелось получше рассмотреть жеребца.

Имам, основной фаворит на скачках в этот день, хотел как следует размять коня, завести, пробудить в нем бойцовский дух: настоящего коня нужно разгорячить перед скачками, он должен быть внутренне готов к предстоящим испытаниям. Имам мог поручиться, что аравиец был на Подъеме. Он специально гонял жеребца туда-сюда перед казаками, с гордостью демонстрируя им своего красавца. Один из казаков обратился к нему на ломаном черкесском.

- Наш полковник... именем Дмитриев... поздравлять тебя. Он хотеть... ты ответить... продать коня или нет?

Это немного польстило Иمامу, но и рассердило одновременно. Эти проклятые нечестивцы, сыны дьявола, всерьез думают, что могут заполучить все, на что упадет их взгляд.

- Можете поблагодарить вашего офицера и передать ему, что ответ будет - «нет», - ответил Имам, гордо выпрямившись в седле и сверкнув глазами.

Полковнику понравилось настроение всадника не менее самого коня. Он наклонил голову с саркастической ухмылкой на губах и попросил адъютанта узнать, быстроног ли конь и бегал ли он на скачках до этого.

Имам понимал по-русски и гордился этим. Знание русского стало уже традицией в их семье, и он, представитель третьего поколения, был верен этому правилу.

- Нет, полковник, - обратился ж к офицеру напрямую. - Этот конь раньше не бегал. Сегодня первый шаг.

Это было лучшее, что мог сделать Имам в такой ситуации, -и он добился желаемого результата.

-Ага, ты говоришь по-русски! Отлично, - офицер картинно, словно пародируя самого себя, разгладил ладонью усы и продолжал в таком же шутовском тоне. - Ну, мне нравится твой конь, молодец. Я куплю его, даже если он не победит на скачках. Что скажешь на это?

Имам, сидя на белом жеребце, казался еще выше ростом. С этой высоты он оценивающе рассматривал полковника Дмитриева. Это был истинный дворянин, который считает, что человек более низкого положения просто не может его оскорбить. Дмитриеву было на вид около сорока, его отличали грузность, бычья шея, Широленные плечи и подкупающая широкая улыбка. Однако Имам не мог не считать этого человека разбойником. Казна платила казакам слишком мало, поэтому они так и не смогли расстаться со своей укоренившейся за столетия привычкой к разбою. Даже сейчас, в период относительного затишья, группы казаков шарили по окрестностям в поисках добычи, отнимали скот, грабили проезжих торговцев.

- Я не оговорился, - сказал Имам, не сводя пылающего взора со жмурящегося от солнца полковника. - Эта лошадь не продается. Никогда.

Однако эти слова потонули в реве зрителей: наступил решающий момент во втором дневном заезде.

Скоро его очередь. Это будет третий заезд за день и самая длинная, в три круга, дистанция. Имам забыл о полковнике и резво поскакал занимать свое место среди участников третьего заезда. Как раз закончился второй заезд. Зрители бешено горланили - на этот раз победил казак, обойдя соперников на голову лошади. Толпа гор-цен стала немного агрессивнее, ибо враги победили их два раза подряд.

Казбек увидел все это. Он слышал, как Ахмет, обернувшись к Мураду, который только что высказал немало крепких слов в адрес казаков сказал:

- Сейчас будет очень важный забег, брат. Так что не кипятись и не сердись пока...

Мурад посмотрел на него:

- Верно, но посмотри, как они все точно рассчитали! Они приберегли своих лучших наездников для этого забега. Нам не на что надеяться.

Ахмет широко улыбнулся:

- Посмотрим... во всяком случае, это всего лишь скачки...

Казбек помалкивал. Все с интересом смотрели на линию старта, где только что появился Имам. Его жеребец был в центре всеобщего внимания, зрители только и делали, что обсуждали его.

- Вот он, решающий момент, - пробормотал Казбек. - Смотрится конь хорошо, но умеет ли бегать?

Тимур с сожалением вздохнул о прошлом и повернулся к Казбеку:

- Помню, когда я был мальчишкой, у твоего отца был черный жеребец. Это еще в Чечне мы жили, верно, Тхамата? - обратился он к Мураду. Тот кивнул. - Он походил на этого, - продолжал Тимур. Его благородное и обычно холодное лицо осветилось радостью детских воспоминаний. - только масть у него была другой. Он всегда высоко держал голову и ступал гордо, словно повелитель. Мы так и не узнали, был ли он резвым. В Чечне не устраивали скачек. Разве что, когда приходилось спасаться от казаков после набегов!

Тимур с усмешкой глядел на отца и на старого Ахмета, представляя, как они скачут, словно демоны, сквозь заросли граба, уходя от гяуров.

Казбек был сдержан: «Мне следовало учесть, при каких обстоятельствах достался мне этот конь. Стоило ли использовать его для скачек? Отец, наверное, считает, что мы глупо поступаем, разрешая Имаму скакать на нем сегодня.»

Распорядитель поднял свой пистолет. Лошади в нетерпении гарцевали на месте - все, кроме коня Имама, который в возбуждении встал на дыбы - и пропустил выстрел, момент начала скачек...

Кабардинцы разом вскочили на ноги с ревом разочарования. Но Имам мгновенно справился с лошастью и вихрем рванул вслед за остальными всадниками, хотя разрыв, казалось, уже невозможно преодолеть.

Толпа смотрела, затаив дыхание, как Имам поравнялся сначала с одним наездником, затем с другим... Этот скакун просто не мог идти позади остальных. Каждый нерв его, каждый мускул были нацелены на одно - быть впереди всех. Там было его место. Не только чуткое управление Имама заставляло жеребца нестись, подобно легендарному боевому коню нартов. Здесь давали себя знать и его врожденная гордость и талант. К концу первого круга Имам был четвертым. Казбек выдохнул:

- Неплохо для новичка... Анвар сжал его руку:

- Гонки еще не закончены, брат! - он указал на двух казаков и Имама, которые, оторвавшись от остальных, неслись впереди. Имам поднялся в стременах так высоко, что казалось, будто он летит. Он едва касался жеребца, которого теперь уже не нужно было подгонять. Финиш приближался. Имам и казак шли голова в голову. Голова в голову. Имам вдруг вытянулся, словно слегка погладил шею коня - и выиграл. Великолепное животное вытянуло вперед голову причудливой дугой - на последних саженьях оно показало свое врожденное чутье победителя. Каждый мускул коня тянулся, чтобы получить это крошечное преимущество - и он стал победителем.

Восторженная толпа ревела. Кабардинцы целовались и подбрасывали вверх шапки. Казаки произносили замысловатые ругательства - это празднество было не просто конными скачками. Его целью было поднять боевой дух казаков, Одержав победу над старым врагом.

Казбек взглянул на стайку казаков, окружавших полковника Дмитриева. Все они были мрачим, но сам полковник был слишком умен, чтобы вести себя подобным образом. Он посмотрел на Казбека, и на старейшин, радующихся победе, и одобрительно кивнул им.

- Доблесть заслуживает признания, - тихо проговорил Казбек и слегка склонил голову в ответ.

С облегченным сердцем он повернулся к толпе поздравляющих, которая окружила его вместе с Ахмедом с Анваром.

Ахмет вновь обрел чувство собственного достоинства. Он был любезен, спокоен и с улыбкой уверенности на лице принимал хор похвал. Ему даже лучше, чем Казбеку, было

известно, что саглави - один из лучших скаковых жеребцов на Кавказе, а главное то, что Имам бесспорно, самый искусный наездник среди своих ровесников.

Юный победитель подвел жеребца к своему отцу:

- Ну как, отец? Разве он не великолепен? Молодец! Умница.

Имам гладил жеребца, а Казбек тщательно проверил копыта и сухожилия коня в поисках возможных повреждений.

- Все в порядке. Отведи-ка его домой, сынок. Он сегодня на славу потрудился. Отличная работа!

Но Имам все не мог успокоиться:

- Он молодец, правда? Он самый прекрасный конь из тех, что я видел! Как он бежал!

- Да, да, конечно, - Казбек пытался успокоить обоих - и всадника и коня, - ты молодец. Теперь вытри его еще раз и пусть он как следует остынет - не корми и не пои его пока.

Хамид, который внешне был точной копией Имама, и изо всех сил старался сравняться с ним талантами, шагал рядом со своим героем.

- Ну ты им и показал! - сказал он восторженно, в тот момент, когда мимо них проезжали казаки, направляющиеся домой.

- Поздравляем, черкесы! У вас отличная лошадь!

Имам старался оставаться спокойным, но в жеребце все еще играла кровь, и его с трудом удавалось вести шагом.

- Послушай, что я тебе предложу, - крикнул полковник Дмитриев, загораживая дорогу Имаму, причем довольно бесцеремонно. - Пятьдесят рублей! Пятьдесят рублей золотом!

Имам и Хамид тут же услышали возмущенные возгласы казаков, кричавших, что сумма ничтожна, и что полковник, должно быть не в своем уме.

Имам просто покачал головой. Жеребец ответил по-своему, встав на дыбы и заставив лошадь полковника посторониться.

- У него солнечный удар, Хамид. Давай, пошли домой, - усмехнулся Имам, и они с двоюродным братом пошли прочь, оставив полковника вне себя от гнева.

Но Имам спиной ощущал силу его страстного желания и отчаяния, его алчный взгляд. Несмотря на скудные познания в русском, он разобрал фразу, которую пробормотал полковник:

- Когда-нибудь он будет моим...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сатани не спалось. Она было на сносях, ребенок мог родиться в любой день. Но не это мешало ей уснуть. Она мечтала. Это не были неотвязные предчувствия, что являются, словно непрошенные гости, и приводят человека в смятение. Нет, Сатани нравились простые, бесхитростные мечты о ее семейной жизни. Она с удовольствием погружалась в них, находясь в блаженном состоянии между сном и бодрствованием. Она лежала рядом с Имамом и размышляла о том, какой должна быть их совместная жизнь.

Первенцем Имама будет сын. Это ей пообещал предсказатель-балкарец. И лекарь-армянин сказал то же самое. Он дал ей волшебные травы, которые она тайком принимала. Они должны помочь ускорить рост и дать силу ребенку и облегчить ее роды. Артемизия, мед, сладкий тростник, полынь... и китайский порошок, который привезли издалека бродячие торговцы - растертый рог единорога и толченые особые раковины, размельченные над огнем свечи - они были смешаны с сушеными орхидеями, лилиями и валерианой по древнему рецепту. Каждую ночь Сатани молилась трем древним сестрам-защитницам, которые хранят дом и воина в бою, осеняя его своими крыльями. Ведь семья, лишившаяся отца-воина - это не семья больше.

К тому же, в старинных нартских легендах, Сатани, имя которой она носила, была безупречной женщиной. Герой Аргун добивался ее руки, соперничая со множеством

удальцов, которые носились по горам, чтобы найти ее. Лошадь Аргуна захромала, и он нес ее на спине, но все же смог победить всех других героев и добиться ее руки. И Сатани - было имя матери величайшего из всех героев нартов - Сосруко.

Имам спал глубоким сном. Последнее время ему приходилось много работать по хозяйству, заботясь о новом поголовье скота, пристраивая новые загоны. Сатани блаженствовала в его объятиях, гордая от сознания того, что ей довелось стать женой столь многообещающего и столь знатного юноши. Он был совсем не похож на своего отца - Сатани в глубине души боялась своих свекра и свекрови, хотя и была очень старательной ниссой. Казбек был серьезный, мрачный, все время занятый обсуждением важных дел на советах старейшин Хапца. Все эти разговоры стариков о войнах и политических замыслах мало что значили для Сатани, жизнь которой сосредоточилась на том, что происходило внутри ее чрева.

Имам беспрестанно говорил о своих любимых лошадях, и о приключениях своего детства, которое он провел с дедом Ахметом. Странно, но Сатани нравилось слушать все это. Сидеть рядом и смотреть на любимого в тот момент, когда он говорит о вещах, делающих его счастливым -удовольствие для женщины. Ей нравилось наблюдать, как он весь расцветает в такие минуты... Теперь он слегка пошевелился:

- Ты не спишь Сатани? Тебе надо отдохнуть как следует, ради ребенка, - пробормотал он, не открывая глаз.

- Я слишком возбуждена. Я чувствую, что ребенок скоро появится. Скажи мне, тебе правда нравится имя Инал? Мне бы хотелось назвать его Нахо, в честь моего младшего брата.

Имам вздохнул, прижал жену сильнее и произнес патетически, нараспев:

- Инал и Чаомбок, сыновья князя Кесса. Инал - основатель кабардинского рода... Да, это лучшее имя для нас, дорогая. Мне нравятся старые имена, они наполняют меня гордостью..., - Имам крепко держал жену. - Но, если родится девочка, назовем ее Мазгваша...

- Хорошо, как хочешь, но почему ты решил так? Ни у кого в вашей семье не было такого имени.

- Да, не было, но в детстве отец частенько рассказывал мне истории о женщине, которая жила в лесу и исполняла все желания..., - Сатани удалось уже окончательно разбудить Имама. Он перевернулся на спину, положил одну руку под голову, а вторую закинул назад - и вдруг так остро ощутил непередаваемое чувство ожидания волшебной сказки, какое изредка приходило лишь в детстве, в постели перед сном. Он был тогда совсем-совсем маленьким, не старше четырех лет От роду, еще до того, как отец отправил его к Тхамата Ахмету.

- У Мазгваши жил ручной медведь, и каждую ночь она выставляла мед для зверей. Ни один хищник в лесу не посмел бы ее тронуть. , Она делала магические амулеты и дарила их проезжающим странникам, осмелившимся вторгнуться в темные дебри ее владений. Эти амулеты оберегали от всех злых духов... Отец говорил, что она Прожила до ста двух лет...

- Я никогда не слышала о такой героине черкесских сказаний.

Имам рассмеялся:

- Думаю, что все это от начала до конца выдумал мой отец. Помню, когда подрос, несколько раз спрашивал отца об этой женщине, но он всегда отворачивался, как будто ему было стыдно, что насочинял такой бабской чепухи! Иногда Мазгваша омывала героев в воде, взятой ИВ источников нартов - нарзане, смешанном с медом, чтобы придать им новые силы... О, этим историям не было конца. В них было полно всяких чудес и безрассудной храбрости.

- Ха! Не могу представить себе, как это хаджи рассказывает истории о лесных отшельницах, купающих странников в медовых купелях..., - Сатани тихо рассмеялась.

Имам сжал ее в объятиях:

- Слушай, мы с тобой совсем заболтались, полуночники неугомонные! Теперь я требую, что бы ты спала, иначе я уйду к себе...

- Я буду спать... но, пожалуйста, Имам... Я хочу назвать мальчика Нахо.

Имам улыбнулся этому женскому упрямству:

- Хорошо, дорогая, а теперь спать. Сатани обняла мужа и крепко закрыла глаза, изображая то, чего от нее требовали, постепенно ослабляя объятия, пока, наконец, не почувствовала, что Имам сам погрузился в сон.

И тут она услышала какое-то шарканье за окном дома. Сатани с трудом сползла на пол, подошла к окну и посмотрела в щель между ставнями. Ей показалось, что какая-то тень мелькнула в дверном проеме конюшни. Ох уж эти таинственные истории... Не случайно Сатани ужасно боялась домовых, гяуров, казаков, большого черного медведя, волка. Нет, она не будет нагонять на себя страхи. Ничегошеньки там нет. Немного успокоившись, Сатани свернулась калачиком под боком у Имама и крепко закрыла глаза. Не стоит бояться, все хорошо.

Время текло своим чередом. Прошло, кажется, несколько часов, как вдруг раздался громкий лай собак, Имам резко дернулся. Сатани пробудилась ото сна, и дальше начался сплошной кошмар.

- Там шум! Конокрады! Оставайся тут! - громко зашептал Имам.

Он вскочил на ноги, накинул белый бешмет и схватил свой кама, который всегда был под рукой, распахнул дверь спальни, ведущую во внутренний двор, но тут его руки откинулись назад: пуля угодила ему прямо в середину груди. Сатани не издала ни звука. Ее любимый сделал шаг назад, казалось так легко, непринужденно, а потом рухнул прямо к ногам жены, стоявшей у кровати.

Казаки! Они пришли за арабским жеребцом, чье испуганное ржание при звуке выстрела раздалось, как отчаянный крик боли. Он яростно бил копытами в стойле, будто чуя кончину своего хозяина...

Имам умер на месте. Кровь расплывалась по белому бешмету. Жизнь покинула его тихо, неслышно. Мгновенная смерть. Все произошло так быстро, что Сатани сначала ничего не успела понять и смотрела на происходящее в каком-то оцепенении.

Потом она закричала. Это был жуткий, звериный вопль, пронзительный и отчаянный, который нельзя было ожидать от нее. Тут же дом превратился в грохочущую лавину. Словно призрак из небытия, появился Ахмет: спал он очень чутко, первым услышал налетчиков и выскочил из своего дома. Старый, с горящим яростным взором, он стоял в дверях, сжимая винтовку и не в силах сдвинуться с места. За ним появился Казбек. Он дико глянул на Имама и прыгнул во Двор, размахивая огромной черкесской саблей. Следом брела, пошатываясь, Сатани.

Бешеный стук копыт, крики гяуров, исчезающих во мгле, множество ружейных выстрелов, ржание лошадей, облако пыли, шум погони. Сатани увидела, как завязалась схватка, но затем тьма поглотила противников - и вскрикнула снова, испугавшись, что убийцам удастся ускользнуть.

Казбек не вскочил верхом. Изо всех сил он рванулся вперед, стараясь достать казака саблей, но ему не удалось сделать этого. Затем он развернулся и побежал назад, где стояли его отец и Сатани.

Молодая женщина была близка к обмороку. Казбек крепко обнял ее. В ней сразу пропал страх перед свекром - он растворился в общем обрушившемся на них горе. Они оба любили Имама больше собственной жизни, и теперь их жизнь сразу опустела. В глубоком отчаянии они, поддерживая друг друга, медленно двинулись в ту комнату, где все еще лежало его тело.

Женщины сновали туда-сюда по всему дому; помогали Сатани, будили остальных, зажигали огни... Многие старались лично убедиться в ужасной участи Имама. Но Сатани не отходила от Казбека, будто он олицетворял для нее жизнь.

Неожиданный взрыв рыданий, донесшийся с женской половины, заставил Казбека ускорить шаг. Почти волоча за собой Сатани, он вошел в спальню и увидел, что его старая мать Цема стоит на коленях перед телом внука. Красное пятно на груди широко расплылось по белому бешмету. Эта картина запомнилась Казбеку до конца его дней, это был ужас, разрушивший все мечты, все планы.

Именно по рукам Имама Цема сразу же определила, что он мертв. Она не могла смотреть на лицо. Руки были беспомощно раскинуты, а пальцы - слегка согнуты в суставах, как тогда, когда она впервые вымыла его и положила в колыбельку, такие же красивые, изящные, беспомощные... Могучие сильные руки молодого, чувственного мужчины.

Цема повалилась прямо на грудь Имама, собственным телом поглощая нестерпимый жар утекающей из глубин страшной раны жизни ее внука. Если бы она могла отдать свою жизнь, чтобы спасти его...

Вдруг страшный хрип вырвался у нее из горла, стало нечем дышать. Она как-то удивленно взглянула снизу на Казбека и схватилась за грудь, будто та готова была разорваться:

- О, сынок... мое сердце...

Казбек и Сатани раскинули руки, словно стремясь поддержать ее.

- Мама! - закричал сын и бросился к ней. Он подхватил ее на руки.

Цема посмотрела на сына с облегчением и повернула голову к его плечу.

Изношенное сердце старой женщины не выдержало удара. Цема умерла.

Так уж распорядилась судьба, что у Казбека на руках оказалось сразу два тела самых дорогих ему в этом мире людей - безгрешного юноши-сына и обожаемой старушки-матери. Имам, Цема... Их уже нет с ним. Казбек бережно держал на руках тело матери, как некогда обгорелое тельце девочки Куллы из Трама. Он не забудет ее никогда, и никого уже он так не сможет держать, ни взрослого, ни ребенка.

Нурсан пришла закутанная в белую шаль, слезы текли по ее щекам. Она бросилась на тело сына - безмолвно скорбящая, раздавленная горем.

Казбек безотрывно смотрел на побледневшее лицо матери, стараясь вырвать чувства из своего сердца. Он давал обет. Он клялся, что больше не будет любить, но только мстить. Ему хотелось, чтобы жалость никогда не помешала этой мести, хотелось стать бездушным орудием, бесстрастным вершителем возмездия. Однако он обнаружил, что горе - вещь неисчерпаемая. Каждая новая беда лишь множит рубцы на сердце. И вот несчастье обрушилось с чудовищной силой, нанеся оглушающий удар.

Эта боль столь прочно укоренилась в нем, глубины скорби и терпения в душе, казалось, были безграничны, и теперь она стала неспособна к смирению. Казбек вдруг понял, что дальше он будет жить, утоляя жажду мести кровью врагов в своей священной, самоотверженной и яростной войне против них. Его ярость, этот острый кинжал, не даст ему покоя и будет побуждать к новым действиям... Отныне и веки веков... Так клялся он.

Он все сидел так, когда вошел Ахмет, поддерживаемый Анваром. Казбек с Анваром ужаснулись тому, как внезапно одряхлел их отец: взгляд остекленел, щеки ввалились, конечности тряслись. Увидев мертвых жену и внука, он стал задыхаться.

- Накройте их. Приготовьте их... приберите в комнате, - проговорил он скрипучим голосом. - Ни слова сейчас. Делайте, что сказал. Поговорим, когда рассветет.

Ахмет повернулся и, слегка пошаркивая, вышел из комнаты. Ему вовсе не надо было прикасаться в Цеме в последнем прощании. Его покинула спасительница его жизни, погас светоч, и теперь он будет прощаться с ней каждую секунду своей жизни без нее.

Ахмет вдруг вспомнил смерть своих собственных родителей, сорвавшихся вместе с повозкой в глубокое ущелье. Там, в кубанских снегах их оледеневшие тела соединились в единое целое. Навсегда. Они были счастливы. Он тоже оледенел, ему хотелось лечь и

больше не вставать, однако надо было еще держаться и действовать. Иншаллах, не долго уж.

Перед рассветом, когда небо стало сереть, Ахмет собрал в гостиной своего дома мужчин. Сам он сидел, опираясь на подушки. Хамид рассказывал о том, что он видел, когда преследовал банду грабителей.

- Я следил за ним до самого казачьего лагеря, Тхамата. Не может быть никаких сомнений в том, кто эти люди. Я узнал того самого офицера, который хотел купить аравийца у Имама - и он сам ехал на нем!

Казбек удивленно поднял голову. Имам не говорил ему, что казачий офицер предлагал продать жеребца. Это послужило бы им предупреждением. Он сразу вспомнил с каким интересом солдаты разглядывали скакуна в день состязаний в долине у Терека, как они держались...

Голос Ахмета был сухим и дрожащим, но он сохранял ясность ума:

- Спасибо, парень. Хорошо. Но никому ничего не говори. Понял?

Хамид послушно кивнул.

Все были настолько печальны и разгневаны, что не могли даже разговаривать. Как самому старшему, Ахмету предстояло решать, что делать дальше, выбрать дальнейшие действия и бороться с собственным жгучим горем.

- Надо похоронить наших мертвых как положено, - проговорил он таким безжизненным голосом, что у всех мороз пошел по коже. Все ведь отлично знали, каким ударом для старика явилась смерть Цемы. Он уже никогда не оправится: эту потерю будет переживать каждое мгновение своей жизни.

- Ничего не рассказывайте о казаках. Если спросят, сделайте вид, что ничего не знаете. Мы ждем появления новой жизни... Скоро должен родиться ребенок. Давайте думать о будущем, - остановившийся взгляд Ахмета скользил от одного человека к другому. Все поняли что он говорил искренне, это была не поза, а его настоящие чувства. У этого человека действительно железная воля.

Мужчины закончили совещаться и быстро разошлись, чтобы избежать новых всплесков горя. На месте остался лишь Казбек. Глаза его покраснели и ввалились, под ними залегли черные тени, четко выделявшиеся на светлой коже.- Кроваво-красный цвет его горя переходил в черный, наливаясь желчью. Взгляд у Казбека стал тяжелым, свирепым и это наполняло Ахмета дурными предчувствиями.

- Ступай сын, хаджи... Время хоронить усопших, - сказал Ахмет.

Однако в душе Ахмет понял, что все уже кончено. Трагедия двойной утраты матери и сына разрушительна для любого мужчины-черкеса. Для Казбека эти потери были еще тяжелее из-за неудач собственного брака. Ахмет увидел безумный взгляд остекленевших глаз сына. В них светился какой-то дьявольский огонь. В Мекке хаджи Казбек получил отпущение грехов, однако сегодня на рассвете он отрекся от принесенных там клятв. Вместо того, чтобы отрешиться от этого беспокойного и грешного мира, он вновь, с удвоенной силой окунется в его пороки, неистовство и ярость.

* * * * *

Роды у Сатани начались как раз в то время, когда Цему опускали в могилу. Казбек взял на руки маленькое иссохшее тело матери и бережно предал его земле. В этот момент Нурсан выскользнула из группы скорбящих женщин и поспешила в комнату, где происходили роды. Она стала на колени и взяла Сатани за руки. Ее глаза были сухими, она старалась найти какие-то теплые слова:

- Цема так же держала меня, когда я рожала Имама. Давай, Сатани, в память о ней поможем малышу благополучно войти в этот мир.

Сатани удивилась тому, насколько сильна Нурсан и прильнула к ней.

- Я не могу, - всхлипнула она.

В столах Сатани Нурсан уловила скрытую злобу, раздражение. Она поняла, что юная женщина почти уже ненавидит существо внутри себя. Казалось, что, впав в отчаяние из-за гибели Имама, она желает смерти своему плоду. Зачем ему жизнь? У ребенка не будет отца, и будет одинокая, раздавленная горем мать...

Она также прекрасно знала, какие противоречивые чувства раздражают женщину, которая должна любить и мужа, и дитя. И хотя сама она так и не смогла до конца овладеть этим искусством, сейчас ей было необходимо пустить в ход все свои силы, чтобы Сатани это удалось. Схватки у Сатани учащались, а Нурсан говорила с ней твердым, спокойным голосом:

- Сейчас ты должна делать лишь одно - любить. Если ты не научишься любить там, где это необходимо, то позволишь тем самым злу одержать верх. После смерти Аллах судит нас не потому, как нас любили, но по тому, как много любви мы сами подарили другим.

Сатани, не отрываясь, смотрела на Нурсан в изумлении: никто еще не говорил ей ничего подобного, так честно и открыто. Она крепче обняла ее, будто Нурсан обладала магической силой, способной помочь ей разрешиться от бремени.

Между тем Нурсан продолжала говорить с такой же убежденностью:

- Но научиться любить можно лишь пройдя через страдание. Ты нужна Иمامу, чтобы взлелеять его ребенка. Его любовь была так сильна, что и мертвый он будет поддерживать тебя. Такова была воля Аллаха. А теперь держись Сатани, дорогая! Вдохни глубоко... ну!

* * * * *

Нурсан подняла новорожденного повыше, чтобы Сатани могла увидеть его. У мальчика были густые светлые волосы и длинные пальцы, которыми он уже вовсю работал в воздухе, исследуя окружающий мир и восторгаясь первым острым ощущением бытия.

- Сын родился, Сатани! Какое имя Имам хотел ему дать?

- Он хотел назвать Иналом, но, думаю, что назову его Нахо. Пожалуйста, сообщи Тхамата о моем желании. Мы разговаривали с Иمامом об этом за мгновения до его смерти, и он согласился, - прошептала Сатани. - Но, знаешь, Нурсан, он, кажется, очень хотел девочку. А теперь ее никогда уже не будет...

Глаза Сатани наполнились слезами, но тут Нурсан вручила ей плотно спеленатого первенца, и лицо матери тут же озарилось улыбкой.

Однако тяжелые предчувствия сильно тревожили Сатани:

- Ох, Нурсан, - тихо проговорила она, - грядет большая печаль...

Нурсан подняла голову, взглянула ей прямо в глаза:

- Я знаю. Казбек отомстит за нас. И другим потом придется рыдать, - добавила она ровным голосом.

Нурсан кольнуло привычное чувство отвращения к непрекращающемуся кровопролитию на их земле. Но сейчас, разглядывая лицо этой молодой красивой женщины, ее слипшиеся от пота волосы и голубые глаза, светящиеся радостью, она впервые, может быть, глубоко осознала, насколько праведной была эта борьба.

А Казбек стоял возле глубокой могилы, шепча свои собственные молитвы и те многочисленные и разнообразные благоговейные обращения к Аллаху, которые он выучил во время паломничества. Ахмет с Анваром нагнулись и передали хаджи Казбеку тело его сына. По сравнению с Цемой, Имам был очень тяжелым и твердым. Казалось, что, лежа рядом с хрупкой старой женщиной, он защищал ее своим сильным молодым телом. Живительная энергия мужества чеченской женщины и надежд отважного

кабардинца войдет в землю, напоит заросли осин и ив вдоль Терека, которые навечно сохранят о них свою молчаливую память.

* * * * *

Казбек молился, стоя на коленях. Даже в эти минуты он слышал, как на улице за стенами его дома идут приготовления. Эти звуки были для него также привычны, как коленопреклонение и поклоны, которые он клал. Снаружи седлали лошадей, запасались провиантом, завязывали походные котомки, проверяли патроны в газырях, подтягивали подпруги седел...

Он завершил свою последнюю «рак-а-а», прося Аллаха наставить его. Молил его принять произошедшую в нем перемену. Затем провел ладонями по лицу и бороде, оканчивая молитву.

Казбек отложил в сторону белый халат хаджи и надел свою самую прочную шерстяную черкеску. Ахмет отдал ему свой большой кама - тот самый, что он подарил когда-то Иمامу, тот, который выпал у Имама из рук в минуту смерти. Казбек безотчетно трижды вынимал и вкладывал кинжал в ножны. Это была старинная примета горцев. «Да покинет мужество врага моего».

Казбек с двадцатью кабардинцами направились к Тереку, к старому летнему броду, еще давно найденному Анваром. Каждый год во время таяния льда в верховьях в этой излучине реки обычно скапливался плавник и всякий мусор, смытый потоком воды. Все это образовывало естественный, но очень непрочный брод. Легким бесшумным галопом отряд Казбека направлялся к казачьей станице.

У каждого бойца было свое задание. Двое из них образовали живую лестницу, по которой остальные перебрались через внешние оборонительные стены. Один из нападавших заколол кинжалом часового, второй залез в наблюдательную вышку, где сидел, съездившись, и грыз сырую репу какой-то жалкий юнец, второй часовой... Недостойная трапеzia в ту секунду, когда оборвалась его короткая жизнь.

Казбек и с ним трое хапча побежали к солдатским казармам. Там находилось одно длинное беленое здание и две большие палатки для новобранцев. Остальные кабардинцы занялись именно ими...

Казбек украдкой двигался вдоль коридора, минуя спальные отсеки, завешанные шторками, приподнимая ткань своим кама, он искал убийцу, предпочитая не марать свой клинок о кого-нибудь другого. Наконец, он нашел его: полковник Дмитриев спал сладким сном праведника с безмятежно спокойной совестью,

Казбек на секунду остановился над спящим. Ему хотелось, чтобы Дмитриев почувствовал свою смерть. От Казбека исходил, видимо, такой поток ненависти, что ему не пришлось даже будить полковника, тот проснулся сам, почувствовав рядом врага. Глаза его приоткрылись, но были еще затуманены. Полковник успел лишь понять, зачем кабардинцы пришли сюда, понять и испугаться.

- Это моего коня ты украл, казак... Это моего сына ты убил, подлый кусок дерьма!

С этими словами Казбек всадил отцовскую саблю прямо в сердце гяуру, а потом еще повернул клинок, с радостью наблюдая, как убийца сына издал жуткий звук и кровь запузырилась в углах его губ. Глаза полковника с ужасом остановились на лице Казбека. Этот взгляд говорил, что он отдавал отчет в содеянном, и ему было еще страшнее отправляться к высшему судье с кровью невинных жертв на руках.

Казбек не ведал, сколько времени прошло - часы или минуты... Он не следил за временем, пока не завершил все задуманное. Наконец, кабардинцы перегруппировались в центре станицы и, в соответствии с планом, направились к конюшням.

Казбек поискал глазами белого аравийца, однако его не было среди кавалерийских лошадей.

- Пусть двое идут наружу и приведите сюда наших коней. Мы заберем с собой всех казачьих лошадей. Но сначала найдите жеребца.

Люди побежали выполнять указания. Казбек сам участвовал в поисках, пока не услышал тихий, возбужденный голос Тимура, зовущий его.

- Он здесь, Тхамада.., - кто-то из отряда с присущей кабардинцам лихостью достал с крыши амбарчика за конюшней седло. Улыбаясь Казбеку, черкесы надели седло на жеребца, а сам Казбек в это время успокаивающе поглаживал возбужденного коня по голове и нашептывал ласковые слова. Казаки плохо ухаживали за ним, он закатывал глаза, сверкая белками.

С рассветом кабардинцы покинули станицу. Ни один человек не поднял тревоги, потому что никого не осталось в живых. Даже топот пятидесяти казачьих лошадей не пробудил ни единого солдата в казарме, ибо все они лежали перерезанные, как бараны. Эта резня была страшной и беспощадной. Казбек с отрядом направился к западу, не возвращаясь уже в Малую Кабарду. Иногда они оборачивались назад и смотрели на восходящее солнце, которое все ярче окрашивало ночные облака в красный багровый цвет - верный признак того, что выдаться славный денек.

* * * * *

Через несколько дней старики деревни Хапца наблюдали, как эскадрон въезжал в деревню. Князь Омар ожидал этого. Всадники разогнали стадо гусей, вышагивающих вслед за девушкой-пшитл, которая вела их к реке. Медина, жена Мурада, крепко схватила Нурсан, с которой они вышли утром, за руку, испугавшись, что их могут раздавить копытами.

- Быстро, казаки! - сказала она, цепляясь за Нурсан и пытаясь ускорить шаг.

- Не пугайся, дорогая, - ободряюще проговорила Нурсан и осторожно повела старую женщину к скамейке, чтобы та могла перевести дыхание. - Мурад с Омаром знают, что делать. Нам нужно вести себя как ни в чем не бывало, до конца выдержать свою роль...

Первая группа казаков поскакала на площадь и заняла боевые позиции. Они действовали как захватчики, нынешняя чрезвычайная ситуация давала им на это право. Старший офицер вместе с тремя другими, званием пониже, направили лошадей к воротам князя Хапца.

Кабардинцы, однако, были уже в боевой готовности. Появилось шестеро воинов в полном боевом снаряжении: с саблями наизготовку и заряженными винтовками, которые, правда, висели за спиной. За ними вышел их командир Тимур. На нем была черкеска, под открытым воротом которой поблескивала надетая вниз кольчуга.

Майор Богданович воинственно вертелся в седле. Он явно не ожидал, что «встречающая делегация» будет столь благородного происхождения. Он увидел, что все мужчины - кабардинские уорки.

- Меня зовут Богданович, я майор Императорской Его Величества кавалерии. Мне нужно поговорить с вашим князем по очень важному делу. Мы пришли с миром, - он разговаривал в таком привычном пренебрежительном тоне, что губы Тимура скривились в ухмылке. Он поднял руку, это был условный сигнал. У Богдановича дрожь пробежала по спине. Ему не нужно было поворачивать голову, чтобы заметить, что каждая крыша внезапно ожила и ошетибилась винтовками в руках стрелков. Каждый кавалерист оказался под прицелом. Он понял, что и сзади горцы заняли столь же удобные позиции для боя. Ему нелегко было сохранить самообладание. Со стороны жителей деревни это была неслыханная дерзость. Младшие офицеры напряглись, ожидая, что он разрядит обстановку.

Между тем Тимур заговорил по-татарски весьма вежливо:

- Приветствуем тебя, майор Богданович. Можешь спешиться и следовать за мной. Князь примет тебя.

Богданович подчинился. Младшие офицеры поспешили сделать то же, однако Тимур остановил их суровым взглядом.

- А вы - нет. Оставайтесь в седлах.

В гостиной князя полукругом сидели Омар, Мурад, Ахмет и Анвар вместе с другими старейшинами деревни.

Тимур представил приехавшего по всем правилам:

- Мой князь, позволь мне представить тебе майора Богдановича. Он говорит, что приехал с миром!

Омар слегка кивнул головой, но не соизволил проронить хоть слово. Переговоры начал Мурад:

- Слишком много ружей для мирных намерений, господин офицер. Садись с нами. Чем обязаны? - его голос звучал язвительно.

Богданович изо всех сил старался сохранить выдержку. Это был огромный, как могучий дуб, человек с бородой и бакенбардами, которые обычно составляли у казаков предмет гордости, однако казачья чванливость отнюдь не вызывала такого благоговения у этих «соглашателей», на которое он рассчитывал. Ему всегда рассказывали, что кабардинцы мягки по натуре, красноречивы и обходительны, живут коневодством и торговлей мехами: что они всегда были дружелюбны с русскими, и что за много лет произошло всего лишь несколько стычек с ними. Однако эта комната была наполнена опытными воинами, которые не раз смотрели смерти в глаза. Тимур был примерно одного с ним возраста - где-то за пятьдесят - тоже мощного сложения, и высился над ним, как скала, небрежно держа кама за рукоять. Это была хватка матерого рубаки: кинжал может пронзить его в долю секунды.

Богданович пребывал в смятении. Он старался не потеть, но это было ему не подвластно - по нему текли потоки, и комната стала наполняться тяжелым терпким запахом. Он старался говорить быстро, чтобы скрыть неловкость.

- Князь, благодарю, что согласились принять меня без предварительных формальностей. Все эти ружья и солдаты - дань воинскому приказу, который я не в силах нарушить. Мы восхищаемся Вами и Вашим народом и питаем истинное уважение к нему. Такие отношения всегда существовали между нами и кабардинцами.

Старики загадочно улыбались. Богданович начал понемногу успокаиваться:

- Мы прибыли из гарнизона в Моздоке. Мне поручено расследовать истребление целой роты казаков в станице на Тереке, тут за рекой.

В этот раз от Казбека не было никаких вестей об исходе предпринятых действий. Он исчез, оставив Ахмету лишь надежду, что полковник Дмитриев наказан, и смерть Имама достойно отомщена. Чтобы не ставить жителей Хапца под удар, он не стал никого осведомлять о содеянном. Старикам не придется лгать от его имени. Поэтому слова Богдановича поразили всех и наполнили гордостью сердца. Однако ни взглядом, ни жестом кабардинцы не выдали своего тайного ликования, вызванного таким поразительным событием. Лишь Ахмет был подавлен этим известием: выходит, что его сын, хаджи, пошел на такое дело... Сколько крови теперь на его совести!

Между тем Богданович продолжал, вполне удовлетворенный их реакцией:

- Похоже, что целью этого налета была кража казачьих лошадей - они все исчезли. Мы просим вашего содействия в этом расследовании.

Мурад заговорил спокойно, мягко:

- Но как мы можем помочь вам? Это вопрос военный, и он не может иметь отношения к нашему аулу...

Богданович тщательно подбирал слова:

- У нас нет никаких оснований подозревать кого-либо из этой деревни, но для порядка нам надлежит проверить всех ваших лошадей.

Это заявление было довольно оскорбительным и походило на вмешательство в их внутренние дела. - И Богданович, и старейшины понимали, что такое требование выходит за рамки соглашений, заключенных между имперскими властями и народом Хапча.

- Все лошади у казаков - кавалерийские и все имеют клеймо. Единственная возможность разгадать тайну этой небывалой резни - отыскать одну или всех украденных лошадей.

Ахмет задал коварный вопрос:

- Что ж, в живых не осталось ни одного свидетеля той атаки? Некому рассказать вам о том, кем были нападающие?

Богданович испытующе заглянул в глаза старика, пытаясь угадать, что же все-таки ему известно, если известно вообще. Однако Ахмет сохранял непроницаемое выражение лица, его глаза смотрели холодно и равнодушно, как у лисицы.

- К сожалению, некому. И это, как вы сами понимаете, благородные мужи, очень затрудняет мое расследование.

Им так хотелось верить ему, хотелось не сомневаться в том, что их воины, и особенно хаджи Казбек, вне подозрений. Но это может быть и ловушка, поэтому они решили действовать как можно осторожнее...

Тем не менее, опытный дипломат Мурад решил немного поиграть с огнем:

- Похоже, что кто-то из пришлых сделал это, разбойничающие ногайцы, например. Вы конечно же, не подозреваете честных кабардинцев...

Если Мурад и намеревался специально оскорбить русского, то не мог сделать этого лучше. Ногайцы представляли собой рассеянный, униженный и подавленный народ, от которого сохранились лишь жалкие остатки. Допустить, что такой сброд смог вырезать целую казарму казаков - значит признаться в полной несостоятельности.

Богданович взял стакан с чаем, поднесенным ему одним из слуг князя, однако обжег пальцы и осторожно поставил его на маленький столик.

- У нас еще нет твердого убеждения в том, что основной целью этого нападения были действительно лошади. Это, конечно, могли сделать и люди со стороны, но...

Старый хитрец Ахмет быстро подался вперед:

- У вас есть сомнения!

Богданович отважился высказать рискованные предположения:

- Не кажется ли вам, что такая жестокость со стороны нападавших не вяжется как-то с намерением лишь угнать лошадей? Это походит на яростную месть... Но кому и за что?

Богданович обвел комнату взглядом своих темных блестящих глаз. За годы службы он редко сталкивался с таким безразличием и хладнокровием. Черт бы побрал этого полковника Дмитриева! Чем же он так разгневал горцев? Богданович вдруг явственно ощутил, что, если он продолжит расследование, то сам влипнет в какую-нибудь беду. На душе у него стало прескверно.

Мурад вновь заговорил по-адыгски, предвидя уже бесполезность усилий Богдановича.

- Ахмет, ты знаешь всех лошадей в долине. Проводи-ка туда майора и покажи ему все, что потребуется. В этом нет ничего дурного.

Ахмет кивнул и вежливо обратился к Богдановичу на хорошем русском языке:

- Я занимаюсь коневодством в этих местах. Буду рад показать вам всех наших коней... Однако я прошу отвести кавалерию от поселка, чтоб избежать недоразумений. Им здесь нечего делать, - тут он улыбнулся широкой и открытой улыбкой. - Мы сами защитим Вас!

Майор Богданович и сам уже понял, что отвести войска - самое разумное из всего, что он может сейчас сделать. Он внимательно посмотрел на горшочек с медом. Как говорят черкесы, где мед, там и пчелы, в данном случае - шершни.

- Мудрое решение, уважаемые. Я отдам такой приказ.

* * * * *

Казбек вел табун казачьих лошадей через засушливый гористый район. Облака, виднеющиеся вдаль, свидетельствовали о том, что скоро они доберутся до более благодатных мест, где можно будет как следует напоить коней. Они гнали табун уже более тридцати часов без перерыва, хотя казачьи кони в отличие от кабардинских хороши лишь на коротких переходах и не приучены к дальним.

Его спутники дремали в седлах, причем каждый из них был привязан длинным поводом к едущему впереди. Бодрствовали лишь сам Казбек да юный сын Тимура: они спали по очереди, не делая остановок, и это позволило им значительно удалиться от Терека за небольшой срок. Вскоре они добрались до уютной долины, спрятавшейся меж двух известняковых утесов. Там было пастбище, орошаемое небольшим ручьем. Солнце стало клониться к закату. Люди проснулись, спешили. Сначала, как обычно, проверили лошадей, прочли молитвы, а затем, уже приготовили ужин, благо, было из чего - сыну Тимура удалось поразить стрелой отличного оленя.

Казбек лег отдельно от остальных, положив седло под голову. Было слышно, как мужчины обсуждают дальнейший путь: они по-прежнему двигались на запад.

- Земли шапсугов начинаются как раз за этими утесами., - оказал один.

- Бог даст, будем там завтра к полудню...

Наступила красноречивая пауза: мужчины уплетали за обе щеки. Как Казбек любил этих людей! Это были единственные его соплеменники, с которыми предстоит провести еще немало дней. Чуть погодя он приподнялся на локте, собираясь заговорить с ними. Слова прозвучали как-то нерешительно: отчасти потому, что ему было жаль разочаровывать столь преданных и отважных людей, а отчасти из-за нежелания рвать связь с собственным народом.

- Спасибо вам за то, что проделали этот дальний путь, - проговорил Казбек, и слова эти прозвучали столь многозначительно, что все посмотрели на него. - Но завтра вы все должны возвратиться домой, к семьям. Отсюда я и сам доберусь...

- Хаджи, - сказал один из старых друзей, - уж совсем немного осталось. Нам лучше не расставаться, пока ты не будешь в полной безопасности.

- Наши семьи могут подождать, - добавил другой. - Мне Гораздо больше нравится ехать вперед, чем тащиться назад домой!

Казбек возразил им.

- Мы отехали уже достаточно далеко. Ваше отсутствие вызовет подозрения. Пройдут дни, пока вы доберетесь до Терека. Я хочу, чтобы вы отправлялись в обратный путь, впрочем могу еще задержать того, кому не хочется тащиться домой! Мой друг Хашер... может составить мне компанию еще день-два!

Хашер, знавший Казбека уже много лет, с тех самых пор, как сопровождал его в охотничьих вылазках, был безмерно благодарен.

Остальные отнеслись к сказанному с уважительностью, подобающей сану Казбека. Что-то произошло с хаджи после налета на казачьи казармы. Убийства закалили его волю, облачили душу в железный панцирь. Старый приятель Хашер вдруг почувствовал, что Казбек уже живет как бы сам по себе, отдельно, что он полностью одержим своей высокой миссией. Ото всех его действий и решений исходила такая убежденность, что невольно возникала мысль о божественном предназначении. Как воин Казбек предался Аллаху более самозабвенно, чем раньше - как верующий. Отныне он принадлежит не Тарикату, а газавату и будет нести смерть захватчикам-иноверцам. Его пример должен вдохновить грядущие поколения.

Литературно-художественное издание
Мухадин Иззет Кяндур
КАВКАЗ

Историческая трилогия
Заведующий редакцией В. Н. Котляров
Технический редактор Л. И. Прокопенко
Л. Р. № 010238 от 27.04.92

Подписано к печати 12.10.94. Формат 84x108 Бумага типографическая №-2.

Гарнитура школьная модернизированная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 17,64. Уч.-изд.л. 15,75.

Тираж 10 000 эк. Заказ № 2840.

Издательский центр «Эль-Фа»

Полиграфкомбината им. Революции 1905 года

Мининформпечати КБР

360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Мухадин Иззет Кандур родился в Аммане, в Иордании. Родители его кабардинцы. Подростком он отправился в Соединенные Штаты, где окончил историческое отделение Ирлхэмского колледжа.

Затем он изучал экономику и международные отношения в Клермонтском университете (Калифорния), и по окончании ему были присвоены степени магистра наук, по международным отношениям и доктора философии. Работал Мухадин Кандур в сфере бизнеса в транснациональных компаниях Нью-Йорка и Лондона. В начале семидесятых он четыре года был в Голливуде сценаристом и продюсером-режиссером.

М.И.Кандур - автор нескольких крупных научных исследовательских и двух опубликованных романов: «The Skyjack Affair» и «Rupture». Последние двадцать лет Кандур совмещает бизнес и творчество, занимаясь консультативной деятельностью в Лондоне и работая над телевизионными документальными программами.

В настоящее время проживает в Аммане.